Термит

Arrow Deadly

SHOUT
IT
SHARE

•

Аннотация:

Мир близкого будущего. Новые технологии используются для воссоздания виртуальной реальности. Это и цифровые наркотики, и драйверы для работников, и красочные "нано-фильмы". А кое-кто использует разработки для того, чтобы контролировать действия и даже мысли других людей. Стоит ли спасать общество в котором промывание мозгов вышло на новый уровень? Или лучше устроить все так, чтобы поиметь с этого профит? Или.. совместить?!

1. Справедливость

В заброшенной комнате на одиннадцатом этаже высотки сидели двое мужчин. Сквозь разбитые окна проникал неоновый свет вывески и превращал осколки стекла на полу в драгоценные камни. Белый пластик стола и стульев попеременно окрашивался во все цвета радуги.

- Котов, ты уверен, что он придет? - Один из мужчин поднялся и стал раздраженно расхаживать по комнате.

Шелестели полы его плаща, осколки хрустели под ногами.

- Я не уверен, что хочу чтобы он пришел. Ввязываться в махинации "Войда"... может, ну их к черту эти деньги...

Второй рассеянно пробарабанил пальцами по столу.

- Ну а я давно мечтаю его увидеть. Есть парочка личных вопросов.

Котов встревоженно встал. Из-под расстегнутого пальто виднелась белая рубашка и галстук с мерцающей голограммой - логотипом фирмы "Клонакс".

- Термит, зря ты ухмыляешься. Я видел Тройку - на службе у синдиката он стал настоящим бандитом. В прошлый раз он дал мне понять, что...

Человек, которого назвали Термитом, резко остановился. Вспышки рекламы цветными пятнами отражались на ткани его плаща.

- А кто сказал, что я настроен на шутки?

Он сунул руку в карман и достал выглядящий старинным револьвер. Котов отшатнулся.

- Господи! Откуда это у тебя?

- На барахолке купил. Старый наган, почти раритет. Будем надеяться, что стрелять не придется - вдруг этого монстра заклинит?

- Ты... Я не имел в виду...

- Встреча одноклассников - без пушки никак.

Термит рассмеялся. Котов нервно протянул руку к нагану, но

тут же отдернул.

Снизу, из гулкой утробы пустого здания, послышался звук шагов. Кто-то поднимался по лестнице.

Оба приятеля переглянулись. Котов отошел к окну, Термит быстро спрятал оружие и снова уселся за столик.

Шаги приблизились. Чуть замедлились перед комнатой, а потом в дверном проеме возникла высокая худая фигура.

- Тройка! Наконец-то! - с облегчением выдохнул Котов.

- Поезд задержался, - буркнул Тройка и устало опустился на стул рядом с Термитом. - Товар где?

Котов полез во внутренний карман и достал оттуда флешку на цепочке. Термит в тот же момент вытащил из-за пазухи пачку сигарет. Щелкнула кнопка зажигалки, и тени от всех троих заметались по щербатым кирпичным стенам.

- Давай сюда. Бабки зайдут на счет.

Котов раздраженно закрутил флешку в воздухе.

- Договаривались же на наличные! Фирма проверяет мой счет.

- Ничего не хочу знать! - рявкнул Тройка. - Никакого нала у меня нет!

- Уже прикарманил... - мягко вмешался Термит. - Ты всегда был крысой, даже в универе.

Он выдохнул дым Тройке в лицо. Тот задрожал от злости. В неверном свете от рекламы заблестели капли пота, выступившие на лбу.

- А ты-то кто такой? Мы договаривались, что придет один Котов.

- Я Термит, его, гм, телохранитель сегодня ночью. Помнишь меня? Мы все учились на одном потоке.

- Да мне плевать!

- А зря, - голос Термита стал почти вкрадчивым. - Ничего нет хуже, чем друзья детства. Эти негодяи всегда знают о нас слишком много, так, Тройка?

- Ты о чем?

- Помню, был еще такой парень, учился курсом выше. Редкий болван. Однажды заявились федералы и обыскали все комнаты общежития. И умудрились изъять у него двести тысяч доз "гюрзы" из туалетного бачка.

- Идиотское место для наркотика, вполне в его стиле, - пожал плечами Тройка.

- Угу. Но молчать про этот маленький бизнес - не в его стиле. Распространять гюрзу в режиме строгой секретности - не в его стиле.

- Может, распространял другой.

- Может, и хранил наркотик в его туалете другой?

- На пачках были его отпечатки пальцев!

- О, так ты в курсе подробностей. Я этого не знал.

Тройка немного смутился:

- Об этом писали в газетах.

- А я не помню. Паршивая у меня память, да?

Термит снова выпустил струю дыма в лицо Тройки, тот с коротким ругательством выдернул сигарету из его рта и отшвырнул в сторону.

- Черт, да успокойтесь вы оба! - Котов оперся кулаками о стол. - Термит, если ты что-то хочешь сказать, говори прямо, без намеков!

- "Войд" всегда был на ножах с наркоторговцами. И если я скажу о своих подозрениях хозяевам Тройки... его вытурят в два счета. С пулей в башке.

- Они тебе не поверят!

- Они могут провести собственное расследование. Ты уверен, что не оставил никаких следов? Синдикат ведь не полиция, ему не нужны доказательства, достаточно подозрения.

Зарычав, Тройка бросился было на Термита, но замер - его лба коснулся холодный ствол нагана. Кулаки Котова так вжались в стол, что пластик захрустел. Алая вспышка сменилась оранжевой, оранжевая - синей.

- Чего ты хочешь? - процедил Тройка.

Термит медленно отнял револьвер от головы приятеля и положил его перед собой.

- Ничего твоего. Так, кое-что из новых скриптов "Войда". Они всегда первыми выпускают популярные импульсы и драйвера.

Тройка откинулся на спинку стула. Его лицо попало в полосу лилового цвета и казалось странной маской.

- Хорошо, - сказал он почти миролюбиво, но его руки под столом сжались в кулаки.

Котов порывисто выдохнул:

- Так это правда насчет подставленного парня? Термит все правильно угадал?

- Что ты ко мне привязался? Правда, не правда...

- Его же приговорили к частичной коррекции. Считай, уничтожили его.

- Да-да, мне очень жаль, еще проповедь мне прочти!

Было видно лишь, как схлестнулись две тени и мотнулся из стороны в сторону светящийся логотип на галстуке Котова. С грохотом опрокинулся стул. Послышались глухие удары и сдавленный стон. Термит вскочил со своего места, обежал стол и попытался встать между двумя темными фигурами.

- Прекратите, черт вас возьми! Стоп! Брэк!

Он получился несколько тычков от обоих противников, но потом все же смог разделить их. Некоторое время все стояли и тяжело дышали.

- Успокойся, Леш...

- Я спокоен, - пробормотал Котов. - Очень спокоен. Этого урода стоило бы убить, это было бы только справедливо!

- Тихо, тихо.

Тройка поставил назад свой стул и осел на него, вытирая лицо. Его дыхание было неровным, руки подрагивали.

При вспышках рекламы на фоне сереющего неба черным силуэтом выделялись фигуры сгорбившегося Котова и Термита, который все шептал ему на ухо что-то успокаивающее. На стене, в такт миганию вывески, то появлялась, то исчезала тень.

Тройка отнял руки от лица и внимательно посмотрел на двух приятелей. Термит медленно уводил Котова в сторону, к окну. Очередная вспышка - россыпь ярко-синих искр на оставшихся в раме осколках - блистающий контур с угольно-черным силуэтом внутри.

На белом пластиковом столе все еще лежал наган.

Тройка перестал вздрагивать. Лицо его приняло почти умиротворенное выражение.

Синий огонь мигнул и сменился фиолетовым.

Не отрывая взгляда от обтянутой дешевым плащом спины Термита, Тройка разжал кулаки. Плавным и нарочито медленным движением потянулся к нагану.

Контур стал красным.

Тройка спустил курок.

2. Импульс

В то утро бог мегаполиса запаздывал с рассветом. А может быть, на него навалилась осенняя депрессия, и он, лелея свою меланхолию, укутался в плед и стал смотреть вниз, на горящие окна в темных городах, как люди смотрят на угли догорающего костра. Наверное, он собирался так сидеть и грустить беспричинно, пока не прозвучат будильником трубы Страшного Суда.

Для служащих "Илюжнс Инкорпорейтед", однако, утро наступило строго по графику - в восемь ноль ноль. Коридоры заполнились навязчивыми трелями телефонов, гомоном голосов и запахами дешевого кофе. Сотрудники спешили на свои места, натыкаясь на роботов-уборщиков. Рабочим настроением в этот хмурый день страдали немногие. В воздухе разлилась апатия. В такое утро хочется впасть в спячку, а не рассчитывать параметры взрывов и траектории смерчей или моделировать пожары.

В лаборатории на втором этаже ярко горел электрический свет, перебивая несмелые поползновения стылого рассвета. На несколько экранов выдавались характеристики пульса, энцефалограмма и график активности глазных яблок. Свободная стена напротив была почти полностью закрыта постерами кинофильмов. Андроиды соседствовали с рыцарями, гангстеры - с привидениями. Имелся даже один плакат порнофильма, впрочем, от шеи и ниже похотливо улыбающуюся актрису прикрывала белая доска. Сейчас на ней синим маркером было записано нужное количество антиседатива.

На окруженном мониторами и капельницами возвышении стояло нечто вроде металлического серебристого гроба. Внутри лежал Термит. Он был одет в брюки от делового костюма и белую рубашку. Серый пиджак висел на стенке "гроба", вместе с носками и узким синим галстуком. Туфли стояли рядом. Руки Термита были сложены накрест, по бледному лицу ползли зеленоватые отсветы от мониторов. Множество проводков, тянущихся из стенок "гроба", соединялись с его телом - с запястьями, висками, пальцами рук и ног. Тонкая прозрачная трубка обвивала ладонь и терялась под рукавом белой рубашки.

Над дверью лаборатории мигнула красная лампочка, послышался писк сигнализации. Девушка в голубом халате, которая позевывая смотрела на экраны, поспешно закрыла рот и подняла трубку интеркома. В тот же момент сигнализация успокоилась, лампочка перестала мигать, а в комнату ворвался лаборант с бумажным стаканчиком кофе. От напитка поднимался пар и запах паленого пластика.

- Карточку не той стороной засунул, чтоб ее... - объяснил он.

- Зря торопился, Романа Палыча еще нет.

- Можно начать и без него. Только надо попросить импульс у Фракенштейна.

Девушка захихикала:

- Он тоже занят, вчера у них вся сеть упала на пятом уровне. Говорят, кто-то загрузил в нее модификацию вируса "farewell, world".

Лаборант хмыкнул:

- Ну еще бы. Я сразу сказал, если они хотят сделать ролик про Мордреда, то нужно было писать скрипты на компах без интернета. А они думают сбацать анти-рекламу хакерам и даже не удосуживаются поставить защиту.

Он плюхнулся на свое место у компьютера. Отпил кофе. Скривился - вкус оказался под стать аромату.

- Вылей эту гадость. После драйвера все равно проснешься.

- Драйвер на сонный мозг - путь к инсульту, - мрачно сказал

лаборант.

Однако еще разок хлебнуть сомнительную жидкость не рискнул. Глубоко вдохнул носом, видимо, решив ограничиться запахом, и полез в ящик стола. Порывшись, извлек спичечный коробок. Потряс - внутри загремело.

- Ты их испортишь, а потом сожрешь и свихнешься, - прокомментировала девушка.

Лаборант закатил глаза. Он достал из коробка желатиновую капсулу, положил на язык и замер.

- Ну что, ускорились мозговые процессы? Или там нечему ускоряться?

Парень промолчал, но в глазах его не осталось и призрака апатии. Они светились бодростью и энтузиазмом.

- Звони Фракенштейну!

Девушка снова направилась к интеркому.

- Здравствуйте, это Фра... Финкельштейн? Нам нужен импульс для новой пробы.

Лаборант усмехнулся, когда девушка едва не назвала замотдела по прозвищу. Он склонился над Термитом.

- Ты что там, сдох уже?

- Помечтай, - сказал Термит, не открывая глаз. - Я сплю.

- Черт, ну и наглость. Небось всю ночь веселился.

- Нет.

- А то я не вижу. У тебя морда, как после попойки. Знаешь же, что алкоголь и наркотики тестерам запрещены.

- Ничего такого не было.

- А что было? Ты подписал бумаги на ответственность?

- Подписал. Коли свой импульс, не томи.

"Было то, что я всего лишь не спал всю ночь. Всю чертову ночь занимался уборкой..."

Лаборант вернулся к компьютеру и стал заполнять многочисленные таблицы. Щелкали клавиши, цифры так и мелькали. Забытое кофе остывало рядом.

Наконец, пришел курьер от Фракенштейна и в запечатанном контейнере принес автоматический шприц, заполненный тягучей желтоватой жидкостью. Лаборант снова подошел к Термиту:

- Ну, что желаешь сегодня глянуть?

- А у меня есть выбор?

- Нет, я из вежливости предложил, - усмехнулся ученый. - Сегодня романтичная сказка будет. На двенадцать минут, кажется, хорошо синхронизированная.

- Это им всегда кажется...

Лаборант нажал на кнопку, и игла шприца вышла из пазухи, резко, как змеиное жало. Термит уже закатал левый рукав. К вене

в месте локтевого сгиба крепился катетер. Сейчас он был соединен с прозрачной трубкой, по которой подавался раствор нейтрализатора.

- Давай, запускай свой Глюковуд.

Игла легко пробила пластик. Две жидкости смешались и потекли к вене, чтобы влиться в кровеносную систему.

Термит откинул голову назад, уперся в жесткое дно "гроба". Он ничего не чувствовал, но знал, что нано-структуры импульса уже начали свою работу. Одни устремились к синапсам, другие стимулировали выброс гормонов, биоблокаторов и эндорфинов.

Активность мозга - всего лишь последовательность электрических сигналов, и нано-структуры должны были создать ее искусственно. Воздействовать на области, отвечающие за обоняние, вкус и, самое сложное, зрение. Запущенные же импульсом биохимические реакции должны были сфабриковать чувства.

Первым возник запах. Тяжелый и приторный аромат тропического сада, в котором смешались запахи цветущих растений, влажной земли и гнили.

Фантомные звуки напоминали то щебет птиц и крики приматов, то белый шум сломанного радио.

"Черта с два хорошая синхронизация!" - злорадно подумал Термит.

И провалился в сгенерированную импульсом виртуальность.

Это были не джунгли, а всего лишь оранжерея. На плиточном полу стояли кадки и горшки с растениями, в центре небольшой площадки играл серебряными струями фонтан. За переплетениями стволов, лиан и зеленых листьев виднелась стеклянная крыша. На стыках горели длинные световые трубки, внимательно присмотревшись, можно было увидеть звезды и ночное небо за стеклом.

"Мило", - подумал Термит. Он не видел своего тела и не ощущал его, но легкого желания оказалось достаточно, чтобы двигаться по оранжерее.

Рядом с фонтаном поднялась зыбкая фигура. Термит "отвернулся", чтобы она оказалась на периферии зрения. Очертания медленно оформились в нечто, напоминающее человеческий силуэт. Так пятна Роршаха становятся похожими на бабочек или чудовищ, если сознание берется их интерпретировать.

"Отвратительная синхронизация. А био-модуляторы, кажется, вообще не сработали".

При ближайшем рассмотрении фигура на миг показалась сиамскими близнецами, но скоро они рассоединились, и Термит

увидел мужчину и женщину. Оба были в белых длинных балахонах. Она - прекрасна и чуть печальна, он - спокоен и задумчив.

"Ах, ну да, романтичная сказка. Сейчас он ее поцелует, и она превратится в жабу. Хотя нет, это для женской целевой аудитории. Пусть лучше целует она, парень скачет в болото, и мы остаемся наедине. Жаль не спросил про рейтинг, интересно, снимет она свою тряпку, или..."

Губы парня зашевелились, но звук опять дал сбой, и вместо страстного признания или жестоких слов нелюбви Термит услышал шум и шипение.

Девушка наклонила голову. Длинные русые волосы упали на лицо. Термит невольно залюбовался. Пусть разработчики провалили звук и адаптацию чувств, красотка вышла что надо. Нужное соотношение опорных точек для визуализации и простора воображению - и вот перед ним его личный идеал.

Парень взял девушку за подбородок, заставил ее запрокинуть голову. Другой рукой он рванул ворот ее одеяния, открыв белое плечо. Они повернулись, и теперь парень стоял спиной к Термиту, а девушка почти скрылась за его фигурой.

"Еще и бессюжетное. До дела они дойти явно не успеют, с такой-то скоростью".

Белый шум стих. Но щебет и крики обезьян все равно не "включились". Сначала было тихо. Потом возник цикл странных звуков: щелчок, звон, щелчок, звон, щелчок...

Снова появился шелест помех, мужчина, будто ждал этого как сигнала, странно задергался.

"С воспроизводством телодвижений опять-таки налажали", - подумал Термит.

Парень шагнул назад от девушки. Его плечи сотрясались. Между лопаток медленно расцветало алое пятно.

"Что за?.."

Термит рванулся вперед, и парень упал прямо на него, сквозь него, пробив несуществующее тело. На груди красного было больше.

Впереди стояла девушка. В ее опущенной руке поблескивал пистолет.

"Романтичная сказка?!"

По каменным плиткам пола катились металлические цилиндрики.

"Щелчок - спущен курок, звон - падает гильза. Вот что это было. Синхронизация звука ни к черту".

Пистолет в изящной женской руке. Маленький, серебристый. Так не похожий на грубый вороненый наган.

Пол вдруг поднялся стоймя, превращаясь в стену, в облупленную потрескавшуюся стену нежилого дома.

Термит не мог кричать.

Белый шум усилился, закладывая уши. Стена придвинулась ближе. На ней проявилось грязно-красное влажное пятно.

Щелчок, звон.

Где-то за кругом зрения пуля прошила стеклянную крышу. Оранжерея осыпалась сверкающей крошкой. Мелкие осколки сделали визуализацию зернистой, как на экране старого телевизора.

Термит открыл глаза.

- Импульс терминирован за минуту до рассчетного времени, - безжизненным металлическим голосом сообщил компьютер.

Перед глазами плавал белый потолок в синих отсветах от мониторов. На периферии троились озабоченные лица лаборанта и девушки.

"Тяжелый выход. Отлично. Значит, есть время подумать откуда взялся этот чертов пистолет. Идиотский поворот сюжета или мое подсознание вмешалось, черт бы его побрал?"

Термит перегнулся через бортик "гроба", и его вырвало желчью на чистый кафельный пол лаборатории. Потом он позволил уложить себя назад и присоединить еще один шланг к вене - на этот раз на правой руке.

"Если пистолет возник из-за случившегося этой ночью - о нем нельзя говорить, но если такой поворот сюжета был запрограммирован - обязательно нужно указать в отчете. Дьявол! Так, спокойно".

Лаборант звал его, но Термит не спешил отзываться.

- Андрей? Очнись, Андрей! Ты же видишь меня, видишь? Люсь, вколи ему антиседатив.

"Думай, быстрее. Могла ли эта сучья романтичная сказка закончиться убийством? Могла. Если пистолет был в программе... значит, - да!!! - поэтому могла проявиться рассинхронизация звука. Мои мозги создать это сами не могли... реминисценция вчерашнего была бы получше в техническом плане. И, конечно, все не могло начаться со звука выстрелов, потому что выстрелов-то ночью не было".

- Андрей?!

- Да-а, - лениво протянул Термит.

- Уже пришел в себя?

- Да. Тяжелый выход сегодня. Наверное, из-за того, что я почти не спал ночью, да и импульс довольно паршиво сделан.

- Я же говорил тебе, на похмелье худо будет, - сказал лаборант. - А импульс плохой, говоришь?

- Да. Отвратительная синхронизация. Прямо скажем - хреновая.

3. Биореактор

К трем часам пополудни "Илюжнс Инкорпорейтед" работала на полную мощность. Солнце так и не соизволило показаться из-за полога серых облаков, но подхлестнутые дозами драйверов сотрудники уже вышли из сонно-ленивого состояния. Каждую минуту создавались новые пожары, землетрясения, взлеты ракет и падения спутников, цифровые материки сотрясались под натиском бедствий и агонизировала Земля. Наверное, даже в ожидании конца света здесь трудились бы над очередным монтажом ядерного взрыва или рисовали гигантский смерч.

Рабочий день Термита уже подошел к концу. Он успел написать отчет по импульсу и попробовать еще один, уже знакомый и хорошо синхронизированный. Обычный рабочий день тестировщика нано-фильмов. Обычный день обычной жизни.

Термит задержался в фойе, чтобы выпить чая из автомата. Автомат был старый, и чай отдавал растворимым псевдо-кофе. Рядом двое сценаристов под взглядом растерянно хлопающей ресницами секретарши пытались достать из автомата закусок застрявшую шоколадку.

Допив теплую жидкость, Термит кинул пластиковый стаканчик в робота-уборщика. Надел куртку.

Сценаристы расхохотались: после хорошего пинка из автомата вместе с шоколадкой выпал пакет неоплаченного печенья.

- Еще его потряси, может что-то получше выдаст!

- Эй, Андрей, уже уходишь? Возьми на дорожку.

- Спасибо.

Термит взял пару печенюшек.

- Нам надо идти работать, - в глазах сценариста появился нездоровый блеск. - Мы ж только синопсис относили. Задержались на целых пятнадцать минут.

В его голосе слышались нотки отчаяния.

- Спокойно, все нормально, - сказал Термит. - Это твой драйвер действует. К черту работу!

Все трое осуждающе посмотрели на него.

Вздохнув, Термит направился к дверям. Он еще ждал, пока фотоэлемент заставит открыться широкие прозрачные двери, а сценаристы уже бежали по коридору к рабочему месту.

Из пробоины неба - узкой каверны в свинцово-серых облаках - бил солнечный луч. Косой, цвета темного золота, он казался осязаемой, твердой полоской металла, остро заточенной по краям.

Влажный асфальт отражал огни фар, "фортуны", "корды" и "клинки" слились в одном потоке раскрашенного металла и пластика. Прохожих почти не было - в это время дня большинство людей еще трудится. Стайка школьников застыла у пешеходного перехода. Они смеялись и тараторили.

Термит терпеливо ждал, глядя под ноги. В большой луже отражалось серое небо, смутные фигуры школьников и здание "Илюжнс Инкорпорейтед" - сверкающий куб с обрамляющей его полоской рекламы, похожей на кольцо Сатурна. Поверх отражений плавал карминный осенний лист.

Термиту невольно вспомнилось красное пятно на облупленной стене... и вода канала. Вода, упорно и громко плещущая о сваи моста. Сырая темная утроба, с чавканьем принимающая тело. Холод, проникающий под рубашку, потому что плащ пришлось отдать покойнику.

Красный свет сменился миганием желтого, потом зажегся зеленым. Школьники рванулись вперед, наступив на свои отражения.

Термит тоже перешел улицу и свернул под арку узкого длинного дворика. У подъезда жилого дома алели мокрые астры, напротив сияли неоновые звезды на витрине спа-салона.

Термит открыл тяжелую дверь и вошел. За стойкой ресепшена развалилась толстуха в черном блестящем платье. Презрев включенный компьютер, она меланхолично раскладывала пасьянс на столе.

- Здравствуй, Ивонна.

- Ах, Андрюшенька!

- Сегодня я желаю кое-что продать.

- Как всегда, нет чтоб побеседовать зашел. Я б тебе чайку налила.

Термит поморщился:

- Мы можем как-то ускорить процесс? Домой хочу, спать и жрать, и ноги промокли.

- Ах, бедняга! Ну спускайся, спускайся вниз, ты знаешь... Процедурная номер восемь.

Термит кивнул и спустился в подвал. Сладко пахло сандалом и мускусом, под потолком горели лампочки, оформленные в виде кристаллов. Двери, располагавшиеся по обоим сторонам коридора, были овальные, от чего создаваось впечатление, что находишься на космическом корабле. Термит осторожно прошел в конец коридора и тихо приоткрыл самую дальнюю дверь.

В воздухе тесной комнаты витало пьянящее безумие, оно ударяло в голову каждому, кто переступал порог. На алюминиевых изгибах футуристического стола оплывали воском

свечи. Мятущийся свет отражался в глазах людей - или то были отблески их раскаленных душ?

Живой огонь свечей, терпкий запах крови, флюиды простых понятных чувств - ярость, похоть - изменили само пространство. Современная, обставленная дизайнерской мебелью комната казалась пещерой. Мрачным логовом в сердцевине горы, где племя перволюдей живет, размножается и умирает. Где молятся первобытным богам. Жестоким и таким близким, которых можно задобрить обильной жертвой, а потом требовать благосклонности и колотить идолов, если божество не выполняет обязательств.

Сеня сидел между двух автокапельниц, подобрав под себя ноги и опираясь о пол руками. Его рубашка была расстегнута, галстук мертвой змеей валялся рядом. Сеня глядел вниз, запрокидывая голову, только когда к нему приближался кто-либо из клиентов, кому нужен был доступ к ране. Короткий глубокий порез в том месте, где заканчивается шея и начинается плечо, сочился кровью. Он был обработан антикоагулянтом, и неиссякаемый ручеек струился по груди. Время от времени Сеня вытирал его подолом рубашки. Вытирал медленными, неловкими движениями. Потому что обе его руки через катетеры в локтевых сгибах были соединены с капельницами.

Клиенты тоже расположились на полу, призрев комфортабельные диваны. Фуллхауз - три вальта, две дамы. Все среднего возраста и средне-высоких доходов. Глаза их горели, рты были перепачканы кровью. Они смотрели на Семена одновременно с желанием и с презрением. Сейчас он был для них рабом и богом, их наркотиком, живым психоделиком, генератором видений.

- Давай-ка девок теперь! Голых! Троих, нет, пятерых. С большими сиськами!

Сеня кивнул. Поскольку его голова была и так опущена, при кивке он уперся подбородком себе в грудь, мазнув по ручейку крови. Сеня нажал пуск на автокапельнице, и по гибкому шлангу в его вены начала течь жидкость с матричными структурами. Множественное саморегулирующееся устройство, по сути - "болванка", носитель информации, введенный в человеческий организм.

Клиент оказался нетерпеливым. Поднявшись, он ходил кругами вокруг Сени. Скрипели половицы.

- Скоро уже?

И Сеня, наконец, перекрыл ток матрицы и запрокинул голову, и мужчина в костюме банковского служащего припал к ране и пил кровь, как вампир.

А потом клиента плющило на полу. Он стонал и выгибался,

захваченный в плен спроецированными видениями о пятерке голых девиц с большими сиськами. Он катался по полу, прижав ладони к закрытым глазам. Судя по его прерывистому дыханию и дрожи, сотрясающей тело, Сеня постарался на славу.

- Мило-мило, - пробормотал Термит. - Продаем свой богатый внутренний мир. Надеюсь, дорого?

Он подошел к Сене и пальцем подхватил падающую на пол алую каплю. Сунул палец в рот, на миг скривившись от стального привкуса. Видение оказалось довольно примитивным, но тщательно, детально проработанным. Пять сирен купались на мелководье, будто невзначай показывая все свои прелести. Термит заставил себя-наблюдателя расфокусировать взгляд. Видение затуманилось и исчезло.

В реальности он лишь сморгнул.

- Если долго торговать своим воображением, рано или поздно чужие девки поселятся в твоем мозгу навсегда. Вопрос, не уйдет ли тогда что-то свое...

Сеня хрипло хохотнул:

- Это будет означать, что я достиг профессионализма. И ты даже не представляешь, какая мерзость это "свое". Его никто никогда не купит.

- Резонно. Ладно, Дмитрич-то где?

- За новой порцией матрицы пошел. Счас прибежит.

- Надеюсь...

- Наподдаст тебе!

- А это мы посмотрим.

Термит сел на мягкий диван, едва удержавшись от желания прилечь на минутку. Но скоро обрадовался, что не прилег, - в комнату вихрем ворвался невысокий мужчина. Бежевые брюки, темный свитер, облегающий заметное брюшко, швейцарские часы на левой руке. В правой поблескивал заправленный автошприц.

- Добрый день, Станислав Дмитриевич, - сказал Термит.

- А, это ты, Андрей.

- Он пробовал слепок один раз, - монотонным голосом наябедничал Сеня.

- Ты заплатил?

- Нет. Стану я платить за такое дерьмо.

- Тогда б не пробовал.

Термит понизил голос до шепота:

- Я принес тебе товар, за который ты сам заплатишь.

В глазах дилера появилась заинтересованность, тут же сменившаяся притворным равнодушием.

- И что же это?

Термит наклонился к уху Дмитрича и прошептал на пределе

слышимости:

- Счастье.

- Выйдем-ка, Андрюша...

Дилер провел Термита в подсобку. За сейфовой дверью, под прицелом двух камер высились стеллажи с коробками ароматических свечей, банками с солью для ванн и ведерками целебной грязи.

Термит достал из кармана пачку "Даггерз", открыл - там, втиснутая между сигаретами, обнаружилась ампула.

- Концепт, конечно, на первый взгляд кажется впечатляющим - искусственное, смоделированное ощущение счастья. Вроде бы, предел мечтаний. Но, думаю, активным пользователям скоро захочется чего-нибудь погорячее. А сам импульс по сути зауряднейший наркотик, только что цифровой. Поэтому, самое главное для вас - успеть нагреть на нем руки, пока это еще новинка.

- То есть, ты хочешь за нее как за эксклюзив?

- Верно.

- У меня сейчас нет нала, а у тебя нет счета для таких дел...

- Я согласен на бартер, собственно, на это и рассчитывал. Мне нужны двадцать доз матрицы от "Войда".

- Двадцать доз за одну? Да и продукция у "Войда" хорошая, дорогая.

- Но это не эксклюзив. А "счастье" случайно сварганили наши химики при разработке хоррора. Заказчик понятия не имеет, что с ним делать, назначил экспертизу, потом будет проводить исследование рынка, чтобы понять, за сколько это можно втюхнуть. То есть до выпуска лицензионного варианта - минимум месяц. Конечно, рано или поздно кто-нибудь из химиков тоже толкнет на сторону... так что твоя задача - поймать клиентов, используя фору во времени, которую даю тебе я.

Дилер фыркнул:

- Проанализировать состав и наладить производство - тоже не так-то быстро. Разве что у тебя исходники и формулы есть.

- Кое-что есть. Сам понимаешь, копировать я не мог, но кое-что запомнил.

- За "кое-что" - десять доз матрицы от "Войда", не больше.

- Ты шутишь.

- Нисколько. И решай быстро, потому что скоро меня тут не будет. Послезавтра уезжаю в отпуск.

- В отпуск?

- Ну надо же и мне отдыхать... В Италию, на остров Капри. Представь: море, скалы, виллы, Зеленый грот, лимонные сады, паста с соусом из мурен - я в шезлонге. Это ли не счастье?!

- Счастье - это выброс эндорфинов.

Они оба расхохотались.

- Черт с тобой, пусть будет двадцать!

4. Рефлексия

Окна были плотно закрыты алюминиевыми жалюзи, продолговатая лампа на потолке заливала тесное помещение неестественно белым, холодным светом. На кухонном столе лежали ампулы от "Войда". Восемнадцать были аккуратно уложены в матерчатые кармашки держателя - как патроны в пулеметной ленте. Две, уже разбитые и опустошенные валялись на бумажном полотенце. Пристроенный на микроволновке ноутбук выдавал длинные таблицы цифр, котенок-магнит на холодильнике держал лист с рукописными формулами и схемами. Над плитой шумно работала вытяжка, хотя запах эфира уже почти улетучился. Табло электронных часов показывало три. Ночи.

Термит сидел на полу с закрытыми глазами. Под веками пульсировали огненные круги - давно пора бы отдохнуть. Но сначала нужно было позвонить Котову. Успокоить его и направить в нужном направлении. Все это обтекаемыми, зашифрованными фразами, чтобы робот в центре связи невзначай не вычленил из разговора информацию об их преступлении.

Двигаться было лень, но Термит все же подполз к столу и взял с него телефон. Экран раздражающе ярко светился. Несколько мгновений посидев в прострации, Термит полез в список имен.

Первым там стояло имя - Анна.

Термит беззвучно, одними губами повторил эти два простых зеркальных слога. Ан-на.

Вдруг неудержимо захотелось нажать на кнопку вызова. Он бы дождался, пока она поднимет трубку, и сказал, нарочито грубо: "привет, это я, я хочу, чтобы мы провели сегодняшнюю ночь в одной постели". И она бы ответила: "иди к дьяволу, Термит". Или "ну ладно, приезжай". И если б она выбрала второе, у него не хватило бы сил переться через весь город.

Анна... Анна, как и он, никогда не клала сахар в кофе. Анна выбирала духи с горькой ноткой, будь то свежая горечь лайма, или пряная - корицы, или чуть едкая - дыма. Она подводила глаза черным и предпочитала крепкие напитки шампанскому. Она обладала умением беззвучно подкрадываться, даже ступая на шпильках по асфальту.

Термит никогда не испытывал к ней любви. Чаще всего она вызывала в нем страсть, иногда - нежность. Но никогда - желание обладать или принадлежать.

Они встретились холодной мартовской ночью в шумном баре. Здесь продавали дешевый алкоголь и громко запускали музыку, поэтому заведение было любимым местом молодежи. Все толпились в тесном зале, кто-то танцевал, кто-то пил, кто-то пытался разговаривать, перекрикивая гроул певца на записи. Волей-неволей люди проникали в личное пространство, почти кожа к коже, дыхание к дыханию.

Термит и Анна пришли туда за одним и тем же. Оба проживали очень одинокий период и хотели почувствовать биение чужих жизней рядом. Как бедные замерзшие дикобразы Шопенгауэра они жаждали чужого тепла и в то же время знали, что прижавшись друг к другу слишком сильно исколются шипами.

За бешеным грохотом хэви-метал Термит не расслышал ее имени. И когда они целовались на холодной улице, она была для него безымянной. Он положил руки ей на плечи и прикасался губами к ее губам, щекам и тонким пальцам. Потом девушка отстранилась и строго посмотрела на него. И сказала:

- Я знаю, чего ты хочешь.

Ее однокомнатная квартира оказалась крошечной, с минималистичной обстановкой. Половину комнаты занимала кровать, напротив, на кофейном столике, лежал ноутбук.

Лампочек не наблюдалось. Нырнув в родную темень, тогда еще безымянная девушка включила ноут. По монитору закружились синие спирали, подарив комнате немного зыбкого света.

- Ничего, если так? Лампы у меня всегда перегорают.

- Ничего, - отозвался Термит, входя в чужой дом, полный чужих запахов, сладких и горьких: охотник, вступающий в логово зверя.

Стряхнув моментное замешательство, он заключил девушку в порывистые объятия. За стеной промчался вниз грузовой лифт. Гул отдался эхом по всей квартире, на кухне звякнули чашки.

Термит и его подруга упали на постель.

И он стал думать о товарняках.

О ритмично двигающихся машинах, мерном стуке колес по стальным рельсам.

О вагонах, которых сила собственной инерции увлекает все дальше.

Термит вколачивал себя в нее и думал о товарных поездах, падающих с мостов в пропасть.

А женщина под ним лежала, откинувшись на подушки, и в глазах ее отражались синие спирали, и кожа ее была прохладной. Она скрестила лодыжки на его пояснице, заключая Термита в

замок из плоти.

С последним вагоном Термит упал. Он рухнул на скомканные простыни, вздымая Анну над собой. Ее волосы темным флагом рассекли воздух и рассыпались по плечам, когда она уселась. Термит коснулся ладонями ее колен, провел пальцами по бедрам, по узкой талии, бокам и остановился, обхватив груди. Ощутил подушечками пальцев эластичные мускулы, твердость ребер, а потом - упругую мягкость. Женщина накрыла его руки своими и нагнулась, чтобы поцеловать. Кончики ее волос пощекотали кожу, а потом губы - неожиданно жаркие - прижались к его губам...

Термит встал с пола и открыл кран с холодной водой. Провел мокрыми руками по лицу, напился из горсти. Это немного взбодрило его, хотя туман усталости перед глазами не рассеялся. Больше всего сейчас хотелось забраться в теплую постель и все-таки позвонить Анне, чтобы уснуть с отзвуками ее голоса в ушах, думая о сексе.

Вместо этого Термит содрал листы бумаги с холодильника. Достал из кармана пачку сигарет и зажигалку. Узкий, как лезвие стилета, язычок пламени лизнул рукописные цифры и схемы. Осторожно держа полыхающие листы над раковиной, Термит прикурил от них. По мере того как пламя разгоралось, он повернул их вверх и отпустил только в самый последний момент, едва не опалив пальцы. Отвернул кран. Вода с журчанием слизала хлопья пепла и обугленные хрупкие частицы бумаги.

"Вот так. И с Анной нужно поступить также. Если я собираюсь сделать то, что собираюсь сделать, рядом со мной не должно быть никого. Никаких привязанностей, никаких любовниц, никаких друзей".

Он поднял телефон. На экране еще светилось имя его женщины.

Термит нажал на кнопку меню.

Уничтожить "Анна" - Y/N.

- Yes, - прошептал Термит, мгновение помедлил и... нажал на красную кнопку отбоя. - Ерунда, у меня куча женских номеров. И встречаемся мы с ней, только чтоб потрахаться!

Телефон согласно мигнул.

- Займемся делами насущными, - пробормотал Термит.

Он двинулся было к столу, но на полпути остановился. В таком состоянии, когда он устал и расстроен, не стоило собирать хрупкую аппаратуру и тем более возиться с ампулами, содержимое которых так дорого.

Термит подождал, пока уйдет легкий запах гари и выключил вытяжку. На кухне воцарилась тишина. Щелкнул выключатель - и погасла лампа на потолке, оставив экраны компьютера и

телефона единственными источниками света. Полумрак был приятен - на уставшие, воспаленные глаза словно опустилось прохладное покрывало.

Снова телефон. Адресная книга, прокрутка. Имена и номера мелькали, сливаясь в сияющую полосу. Добравшись до середины списка, Термит замедлился, в пару щелчков нашел Котова и нажал на вызов.

Приятель ответил почти сразу.

- Привет, Термит.

- Привет. Ты как?

- Нормально. Только не выспался.

"Мягче, мягче с ним".

- Понимаю. Но вообще, все хорошо. В новостях не было ни слова.

- Ох, я, я думаю, зря мы, надо было сразу заявить...

"Черт!"

- Нет! Зачем дергать людей. Мы сами можем справиться со всем. Если тебе тяжело...

- Тяжело, но я это переживу. Не в этом дело. Просто это неправильно.

"Господи, моралист несчастный..."

- Просто забудь обо всем этом. С тобой уже связалась организация?

- Пока нет. Они, наверное, еще ждут пока Тройка выйдет на связь. Честно говоря, теперь я не хочу иметь с ними никаких дел. Я ничего уже не хочу.

"Ах ты ублюдок!"

- Понимаю. Но будь осторожен. Они очень не любят отказов.

- Я знаю. Боюсь, у меня нет выбора.

- Все будет хорошо. Слушай, потом как-нибудь встретимся, поговорим. Только не делай глупостей, окей?

- Окей. Пока...

Термит положил телефон назад на стол. Подошел к окну и поднял жалюзи.

В темени не замечалось и проблесков утра. Светлые прямоугольники окон и огни трассы казались далекими звездами. Термит приложил пальцы к ледяному стеклу.

"Как я и думал, над Котовым нельзя ослаблять контроль. Слабак... хотя на встрече он повел себе лучше, чем я ожидал".

Перед глазами вновь возникла грязная кирпичная стена с расплывающимся багровым пятном.

С пластикового стула медленно сползало то, что секунду назад было телом Тройки. Упавшая на колени правая кисть превратилась в ошметки плоти. А то, что когда-то было его

головой, вместилищем его мозга, его мыслей, желаний и понтов - оно стало пятном на стене. К кирпичам прилипли кусочки серой ткани, и ручейки крови медленно текли вниз.

Термит стоял у окна и смотрел на труп. Свет от неоновой рекламы стал синим, и алое в комнате превратилось в черное.

Котов хватал ртом воздух, будто задыхался. Его била дрожь.

-Наган взорвался. Не думал я, что все так повернется.

Термит говорил спокойно, чуть печально. Котов понемногу отходил от шока, понимал, что жив, что им повезло.

- Это судьба.

- Кто же знал, что Тройка станет стрелять...

- Тварь! Чертов бандит!

- Да, он сволочь. Был.

А потом они вместе вытерли кровь, завернули тело в плащ Термита, погрузили его в машину Котова и отвезли к каналу.

- Не бойся, Тройка, - прошептал Термит, глядя на темный город. - Твоя смерть будет не такой напрасной, как твоя жизнь.

"Прогресс нельзя остановить, но можно предвосхитить. Пусть я не самый гениальный скриптор, но если я правильно скомпилировал куски чужих разработок, то новый импульс потрясет этот город".

Щелкнули полоски жалюзи, возвращаясь на свои места. Пальцы погладили холодно блеснувший автошприц.

- Нет, я не отступлюсь. Будь уверен. В конце концов, я убил тебя не ради того, чтобы воплотить справедливость или судьбу.

Термит усмехнулся и аккуратно положил шприц в гнездо пенала, выложенное мягким пластиком. Неделей раньше на этой самой кухне, на этом же столе он разбирал старый наган. Вынимал ненужные детали механизма и начинял полости взрывчаткой, превращая оружие в бомбу. Нажатие на гашетку - и вот вам аккуратный направленный взрыв, прямо в лицо стрелку. Конечно, куда сложнее было заставить "сдетонировать" Тройку, спровоцировать его на выстрел по бывшим друзьям...

5. Охота

Воскресный вечер был слишком теплым для начала осени, а воздух - тяжелым и наэлектризованным. Рестораны, бары и клубы распахнули двери, привечая тех, кто решился пожертвовать бодростью завтрашнего утра.

Для сотрудников радио-такси "Харон" понедельник не был тяжелым днем. Ночная смена заступала на работу в воскресный вечер, и попасть в эту смену мечтали все работники. Именно в эту ночь в офисе не было начальства. Значит, можно между вызовами и соединениями использовать дарованные драйвером ресурсы для игры в "слепой пасьянс" по сети.

Впрочем, впрыснуть в кровь тягу к активной деятельности никто не спешил. Девочки варили кофе и спорили, кто пойдет за булочками, листали глянцевые журналы, одновременно умудряясь принимать звонки и связываться с таксистами.

Полукруглая стойка ресепшена тонущим лайнером вырисовывалась в полутьме. Ночью посетителей, естественно, не принимали, и свет в холле был погашен. Только мигали лиловые светодиоды, шедшие по верхнему краю стойки и добавлявшие ей еще больше сходства с кораблем. На вертящемся стуле у ресепшена лежала белая болонка. Питомица одной из диспетчеров, она терпеть не могла оставаться ночью одна. Поэтому хозяйка брала ее в ночную: рядом с людьми собачка вела себя на удивление тихо.

Под потолком красновато поблескивали глаза видеокамер. Как водится в большинстве мелких фирм, ради экономии электроэнергии камеры отключили.

По одной девочки заходили в маленькую комнату возле холла. Пол, стены и потолок в ней были покрыты слоем асептического биопластика. В центре тихо урчал аппарат в форме металлической колонны, генератор драйверов. Диспетчеры вставляли микропроцессорную карточку в прорезь и подставляли ладони для капсулы. Вкус рабоспособности и трудолюбия был, как всегда, немного вяжущий. На легкое горько-сладкое послевкусие никто не обратил внимания.

Улица, на которой располагался офис "Харона", связывала деловой район города с крупной транспортной магистралью. Воскресным вечером движение на ней было не слишком интенсивным, зато наблюдалось немало народу, посвятившего себя шоппингу. Магазины и бутики работали допоздна. В сумерках ярко горели огни витрин, бежали строчки неоновой рекламы, улыбались красотки и красавцы на бигбордах. Отдаленный шум магистрали казался шепотом морского прибоя, прилежащие проулки - узкие и темные - представлялись горными ущельями. Над крышами лавок и офисов угадывались далекие очертания небоскребов с красными лампочками на пронзающих небо антеннах. Самое высокое здание с вершиной в форме зиккурата принадлежало корпорации "Войд".

Кружились листья. Черные листья, поднятые ветром, царапали асфальт, как когти призрачных зверей. Сумерки наливались лиловым. В воздухе пахло предчувствием непогоды.

Группа девушек, двигаясь почти синхронно, вышла из офиса "Харона". На ветру развевались полы расстегнутых белых рубашек, подолы юбок и распущенные волосы.

Вслед за людьми из раскрывшихся стеклянных дверей

выбежала озадаченная болонка. Повиливая хвостиком, она засеменила к одной из женщин, смешно переставляя короткие лапы. Но постепенно хвост замер, потом опустился. Собачка замедлила бег и скоро остановилась. Ветер волнами гнал шелковистую шерсть. Болонка постояла так мгновение, а потом, поджав хвост, кинулась назад. Приткнулась к захлопнувшимся дверям. И завыла. Тоненько и слабо, но с такой волчьей тоской, что у немногочисленных прохожих мурашки побежали по спинам.

Сотрудницы "Харона" переместились с тротуара на асфальт. Они шли, рассредоточившись по всей улице, и все же оставались спаянной группой. Шагали в ногу, как солдаты, выражения их лиц были одинаковыми - сосредоточенные и ищущие.

Болонка выла, шелестели палые листья. Полы белых блузок летели по ветру, как сорванные паруса. Дочери, жены и возлюбленные - сейчас они стали частью стихии. Прохожие сторонились их, прижимаясь к витринам, автомобили останавливались.

К вою болонки стали присоединяться другие собаки. Подавали голос холеные породистые псы, выведенные на прогулку, или сидящие в салонах авто, или лежащие дома на уютных подстилках, а то и в хозяйских постелях. Все они пели, запрокинув морды, протяжно и торжественно, пели, как матерые волки. Их голоса сливались с шумом надвигающийся бури.

Хозяйка болонки полоснула себя по шее накладными ногтями. Острые пластины акрила процарапали кожу чуть пониже уха. Лак цвета "цветущая сакура" забрызгался алым. Женщина даже не сбилась с шага. Она впилась ногтями в рану, углубляя ее. Проходивший мимо служащий с возгласом удивления отпрыгнул к витрине кондитерской. Ему улыбнулись ряды марципановых зайчиков и карамельных медведей.

Женщина выдернула ногти из раны, словно стилет из ножен. Их кончики влажно поблескивали. Служащий прижал ладонь к губам и почти в тот же момент по ней полоснули окровавленным акрилом. Бедняга вскрикнул. Уронив "дипломат", он оттолкнул женщину и выставил вперед кулаки. Ноздри служащего раздувались - он был готов к драке, был готов заломить руки этой ненормальной... Но женщина уже потеряла к нему интерес. Вернувшись на середину улицы, она вновь влилась в странное шествие. Она продолжала зорко оглядываться по сторонам, время от времени прикладывая пальцы к шее.

Кое-кто из других женщин последовал ее примеру, смочив ногти в собственной крови. Большинство диспетчеров, однако, обошлись без кровопускания. Они действовали чуть иначе. Стоило кому-то из прохожих поймать их взгляд, и к нему

тянулись осторожные, но уверенные руки, и губы прижимались к губам.

Девушки с горящими глазами, с волосами, наполненными ветром, страстно целовали незнакомцев, а потом, оттолкнув, продолжали свой путь. Кто-то из жертв смеялся, приняв все за странный перформанс, кто-то матерился и звал полицию.

Чуть дальше по улице, напротив офиса "Харона" располагалась дешевая пиццерия. Там подавали лазанью и "маргариту", на стенах висели рекламные плакаты и постеры к нано-фильмам, а из динамиков доносился треп поддатого диджея.

Держа в руках пластмассовые тарелки с кушаньями, посетители столпились у стеклянной стены. Глотая пиццу, шумно втягивая спагетти, запивая луковые пирожки пивом, они глазели на странный марш девушек-диспетчеров.

Термит поставил на пол бумажный стаканчик с кофе - его била мелкая дрожь, и он едва не расплескал напиток. Он смотрел на творение рук своих, и сердце его колотилось в бешеном ритме, то подскакивая к горлу, то ухая в пятки. Чувство ужаса и торжества накатилось как цунами, как взрывная волна от детонации атомной бомбы. Хотелось плакать и кричать от радости. Такое, должно быть, переживает художник, только что написав шедевр, поэт, сумевший выразить словами ярость и ласку, танцовщица, заразившая толпу своей страстью.

В конце концов, не этого ли всегда добивалось искусство - передать эмоции, поделиться фантастическими образами. Имплантировав часть чужой души, он, Термит, всего лишь пошел на шаг дальше. То, что он сотворил, было искусством, так же как сонаты Шекспира, портреты Мане или симфонии Чайковского. Да, это было насилием, но ведь искусство, настоящее искусство - оно с клыками и когтями. Оно не спрашивает, хотите ли вы, уважаемые, испытать катарсис. Оно вгрызается в сознание, заставляет чувствовать и думать. Оно вторгается во внутренний мир, чтобы слиться с ним в резонансе или потрясти.

Термит вышел из пиццерии и смешался с потоком пешеходов. На его место у прозрачной стены тут же встрял бородатый байкер, перевернув стаканчик с кофе. Темная жидкость амебой расползлась по светлым плиткам пола.

Капли дождя падали вниз, сверкая в желтых огнях фонарей. Пока еще они были редкими, первые гостьи, посланники ливня.

Мокрые волосы змеями обвивали плечи, одежда липла к телу.

Странное, лихорадочное движение на улице продолжалось. Только теперь проявились изменения в поведении "отмеченных" диспетчерами прохожих. Кто-то стоял на коленях на грязном

асфальте и кричал, кто-то смеялся и глубоко вдыхал горький осенний воздух. Но все громче и чаще звучали проклятия. Двое мужчин уже пытались силой остановить одну из девушек, она молча и сосредоточенно царапалась. Вдалеке ревела полицейская сирена, едва слышная за воем собак.

Термит быстрым шагом нагнал основную группу диспетчеров. Несколько метров он прошел рядом с ними, печатая шаг так же, как они. Девушки не обратили на него внимания.

Остановившись, Термит провел ладонями по лицу, стирая капли дождя, и тут кто-то ласково, но настойчиво потянул его за плечо. Он обернулся и увидел девушку. В светлых волосах раскаленными струнами горели метализированные пряди, дождь капал с длинных накрашенных ресниц. На одной из туфлей сломалась шпилька, и девушка шла, хромая при каждом шаге. Глаза ее ярко блестели, в них отражались рекламные слоганы с ближнего бигборда. Левой рукой она крепко вцепилась в куртку Термита, правой расширяла рану под ключицей. На кончиках ее пальцев темнела кровь.

- Это необязательно, - прошептал Термит.

Он взял девушку за подбородок и склонился к ее губам. Это не был поцелуй - зубы ударились о зубы, мужчина и женщина впились друг в друга, продолжая контакт. Она опустила руки ему на талию, выдернула полы заправленной в джинсы рубашки и прикоснулась к спине. Сначала нежно и трепетно, подушечками пальцев. Потом подняла руки выше, до его лопаток, и вонзив ногти в кожу повела вниз, оставляя глубокие царапины. Термит вздрогнул, но поцелуя не прекратил. Проведя вдоль спины десять кровоточащих полос девушка сама оттолкнула его.

- Это было необязательно, - поморщившись, пробормотал Термит.

Но она его не слушала, она уже продолжала свой путь.

- Ты, мразь! - металлический роботизированный голос проревел, заглушив все остальные звуки улицы. - Я говорю с тобой, с тем ублюдком, который издевается над людьми с Тисовой улицы, заставляя девчонок исполнять программу.

Термит заозирался. Впрочем, заозирались все пешеходы, даже многие водители высунули головы из машин.

Рекламные бигборды, установленные каждые несколько метров вдруг погасли. Черные поля мигнули, выдали три секунды статических шумов и наконец сложили из черно-белых полос извилистую букву "М".

- Да, я Мордред. И я найду тебя, кто бы ты ни был. Ты ответишь за свое сегодняшнее развлечение!

По бигбордам снова поползли полосы помех. Термит не стал

дожидаться новых откровений. Полицейская сирена орала совсем близко, на другом конце улицы уже виднелись красно-синие вспышки.

Термит нырнул в один из темных малолюдных проулков. Петляя и прячась по углам, он прошел квартал и остановился в закутке позади продуктового магазина. Фонарь рядом был разбит, из стоявших у заднего входа контейнеров воняло гнилыми овощами.

Прислонившись к кирпичной стене, Термит содрогался в конвульсиях. Он то тер ладонями виски, то зажимал рот, чтобы не кричать. На его щеках слезы смешивались с дождем.

6. Фазаны

"Забудь, забудь, забудь", - мысленно повторяя эти слова, будто мантру, Термит старался не шевелить губами. Помимо него в вагоне монопоезда ехало еще с десяток человек. Он сидел на скамье, вытянув ноги, капли дождя стекали с его куртки и волос. Перед закрытыми глазами плавали красные овалы и дуги.

Термит чувствовал себя как удав, заглотивший слишком большую добычу и отчаянно пытающийся ее переварить, невзирая на позывы к рвоте. Блоки в его памяти были снесены, и утерянные видения всплывали одно за другим.

Вот мама жарит яичницу-глазунью поутру, а они с братом попеременно разбивают яйца - осторожно, чтобы остались целыми желтки. Вот он, четырехлетний малыш, бежит, держась за холку соседского ротвейлера. Вот компания дворовых рябят сидит под цветущей черемухой и излагает теории появления детей, одна другой удивительнее. Первая любовь. Первая вспышка яростной ненависти, по прошествии лет кажущаяся умилительной. Все чувства, которые он когда-то испытывал, все, что было сокрыто от него за стеной психоблока.

Искусственно стереть память - почти то же самое, что стереть личность. Отличный, гуманный и действенный способ борьбы с преступностью. Пусть враги общества забудут о своих мотивах и начнут создавать себя заново под умелым руководством психотерапевтов. На бумаге, как оно обычно и бывает, идея выглядела красивее, чем в жизни. Попадая в прежнюю среду, преступники брались за старое, а коррупция и махинации, связанные с попытками подставить и стереть память врагов, конкурентов и наследодателей приняли небывалый размах.

В те времена, когда идея коррекции личностей осужденных казалась еще очень привлекательной, а коррупция стремительно набирала обороты, пятеро подростков, называвших себя бандой "Grassa-Grassa" напились пива и пошли развлекаться. Как и большинство жителей окраин, они испытывали неприязнь к

полиции. И, увидев полицейский экипаж, не придумали ничего умнее, чем пошвыряться в него пустыми бутылками.

Полицейские тоже испытывали неприязнь к шпане из неблагоприятных районов, особенно, когда им портили казенное имущество. Поэтому ограничиться арестом не вышло. Юных бандитов хорошенько проучили, сначала пройдясь ногами по ребрам, потом к делу подключили электрошокер.

На свою беду все пятеро оказались из вполне приличных семей, да и сами отморозками не были - просто глупыми импульсивными подростками. Полиции пришлось потрудиться, заметая следы. Очень быстро организовали суд, на котором им, помимо хулиганства, пришили ограбление бензоколонки. Каждому милосердно дали на удивление маленький срок - с условием частичной коррекции личности.

Районный прокурор за утренним кофе прочел маленькую заметку в газете о судьбе юных хулиганов и разбойников. Обрадовавшись, он сообщил жене, что уже месяц этого ждал. Наконец-то появилось дело, где коррекция личности применена явно вне законных рамок.

Из колонии подростков привезли на допрос, потом туда же отправились судья и полицейские. Долгое разбирательство, потом реабилитация. Слова прокурора о том, что Термит и его приятели стали жертвами ужасной несправедливости, но они отомщены и, более того, случившееся с ними дало толчок к ужесточению правил коррекции и, вероятно, спасло многих других.

А потом дом, свой, но незнакомый, семья, о которой ничего не помнишь, близкие, к которым ничего не чувствуешь, потому что видишь их первый раз в жизни.

Каждый охотник желает знать, где сидят фазаны.

Каждый человек желает помнить приятные моменты своей жизни. Хочет, чтобы не таяли воспоминания о материнской заботе, поцелуях любимой, об аплодисментах восхищенных коллег. Плохие же воспоминания многие предпочитают отторгать. Не хочется помнить о неудачах и срывах.

Термит использовал диспетчеров как биореакторы. Приготовленная им матрица заполнилась свойствами их личностей - способностями к мнемонике. Девушки, которые, как он узнал из Интернета, убивают время игрой в "слепой пасьянс", наверняка обладают способностью помнить и вспоминать.

По вагону пронесся тягучий, заунывный вой. Пассажиры вздрогнули, Термит открыл глаза. Но это была лишь запись, прозвучавшая из динамиков. На подвешенных к потолку экранах началась новостная передача, и первым репортажем в ней оказалась история о произошедшем на Тисовой улице.

- Сейчас в мире немало людей, которые кустарным способом пытаются создать новые матрицы и слепки. Вопреки здравому смыслу и инстинкту самосохранения они тестируют все это на себе. Но негодяй с Тисовой улицы незаконно экспериментировал на других людях. Он не только преступник, он еще и трус!

- Отсоси, - мрачно пробормотал Термит.

Он машинально потер левую руку, где сгиб локтя был все еще заклеен пластырем после нескольких неудачных попыток уколоть в вену.

Субботний день неделей раньше был необычно жарким для начала осени. Солнце палило, как в июле, и желтые листья деревьев, словно вторили ему, наполняя воздух тяжелым зноем.

Кондиционер в арендованной машине работал на всю катушку. Усевшись на заднем сидении, Термит целился иглой автошприца в вену. Выше руку пережимал резиновый жгут, концы которого Термит стянул зубами. Он долго выбирал в прокате машину с затемненным салоном. Но теперь в полумраке едва мог разглядеть жилу на руке. Укол - неудача. Тонкий ручеек крови побежал по руке. Термит промычал ругательство и попробовал еще раз... и еще.

Впереди, на пассажирском кресле стоял раскрытый ноутбук. На экран было выведено досье, для добычи которого пришлось немало ночей провести в сети, перелистывая сайты федеральных служб и списки судебных решений. Константин Чернов, 25 лет, холост. Привлекался за дебоши и хранение наркотиков, осужден за амфетамин на три года с частичной коррекцией личности.

Параллельно с досье были открыты несколько компьютерных игр-головоломок. Квадрат заполненного числами судоку закрывал фотографию Чернова.

Управившись со шприцом, Термит надел шапку с козырьком, темные очки на пол-лица, поднял воротник серой куртки. Обладая сравнительно непримечательной внешностью, он считал, что этого будет достаточно, чтобы его не опознали на записях камер.

Тщательно закрыв машину, он побежал по пустынной улице. Из-за серых кирпичных многоэтажек выступила серая же стена, примечательная только высотой и виднеющимися вышками. У маленькой железной двери никого не было. Термит остановился напротив и закурил, стряхивая пепел на водосточную решетку. Туда же отправились и окурки трех сигарет. Когда он прикуривал четвертую, дверь, скрежеща, раскрылась.

Из нее вышел растерянный худощавый парнишка. Его глаза часто мигали и щурились от солнца. В руках бывший заключенный сжимал пластиковый пакет.

Термит бросил в водосток недокуренную сигарету и подошел к парню.

- Привет!

Тот посмотрел испуганно. Возможно, когда-то это и был дебошир и весельчак, начинающий гангстер. Но теперь он представлял собой лишь тень человека. Дезориентированный, не знающий куда идти и что делать.

Термит сунул правую руку в карман и достал оттуда бритвенное лезвие, маленькое и хрупкое лезвие для новомодных станков. Как и обещали в рекламе, оно оказалось очень острым. Термит даже не заметил, когда порезался, но по его ладони уже расплывалось красное пятно.

Он нарочито широко улыбнулся и, расположив лезвие между пальцев, протянул кисть для рукопожатия. Парень машинально принял ее. Термит крепко сжал пальцы, поводил вверх-вниз, чтобы наверняка прорезать кожу.

Кровь смешалась с кровью.

- Что ты делаешь? - затравленно спросил бывший зек, не делая, впрочем, попыток освободиться.

- Я пришел отпустить тебя на свободу.

Моментом позже Термит опустил руку и ушел, не оглядываясь. А бывший зек упал на колени, обхватил голову и стоял так, раскачиваясь. Но это продолжалось недолго. Скоро освобожденный встал, презрительно пнул оброненный пакет и тоже скрылся за углом. Движения его были легки и уверенны, а в глазах появилась настороженность бывалого зверя.

Видения прошлого возвращались. Там, у холодной стены, по которой скатывались капли дождя, нано-структуры, заимствовавшие способность вспоминать у бедных диспетчеров, прорвали психоблок, как бурная река срывает плотину. В один миг они сделали то, чего не удалось добиться за годы реабилитации. Термит вспомнил запах матери и смех брата. Но уничтоженными оказались все барьеры, в том числе созданные им самим. Постыдные поступки, болезненные переживания, разочарования и обиды - это все он тоже вспомнил и пережил еще раз.

Моменты из детства сгладили кое-что, но потом пришло видение об узком коричневом конверте, о листке бумаги, в котором новая жена отца сообщала о его смерти. О сдавленных рыданиях женщины, доносившихся всю ночь из комнаты той, которая была его матерью. Тогда он лежал, уткнувшись в подушку и разрывался между желанием ничего не слышать и потребностью сопереживать. Эти люди были для него чужаками. Он не знал, что должен сказать, не мог плакать, но чувствовал,

что совершает в этот момент ужасное предательство. Теперь, когда на это воспоминание наложились восстановленные образы матери и отца, оно было вдвойне больнее.

Термит потер лоб ладонью. Он был очень горячим - процесс разрушения нано-структур слепка достиг пика.

- Уверяю вас, скоро виновные окажутся за решеткой и хулиганству с применением кустарных средств изменения личности придет конец! - жизнерадостно заключил ведущий новостей.

"Конец? Я только начал!"

7. Легенды

В полдень понедельника Термит, уже закончив с намеченными на тот день пробами нано-фильмов, сидел за казенным компьютером. Ему было хорошо. Обрывки чужих образов помогли сгладить последствия мнемонического слепка. Прошлое, как ему и положено, отошло на периферию памяти.

Параллельно с двумя открытыми таблицами и анкетами, Термит просматривал новостные сайты и дайджесты. Многие заметки были посвящены вчерашним событиям. Да и не только заметки. Обитатели всемирной сети веселились вовсю. Из-за собак и ищущих жертву биореакторов главного виновника событий окрестили Охотником. Появились ролики, где кадры шествия диспетчеров перемежались с картинками из "Ночи живых мертвецов", в другом варианте на действо была наложена музыка "имперского марша", в третьем поцелованные превращались в огромных зеленых слизней. Ко всему этому прилагались мегабайты конспирологических теорий, от пришествия Антихриста до экспериментов госбезопасности.

Глядя на все это, Термит испытывал смешанные чувства. С одной стороны, сознание того, что это он - он! - все это устроил, приятно грело тщеславие. С другой, теперь он впервые чувствовал вину перед людьми, которых использовал. Он заставил этих девушек выполнять программу, сделал их биореакторами, живыми фабриками нано-структур. И теперь, шутки ради, им пририсовывали то светящиеся антенны "инопланетян", то программой убирали одежду.

Почти треть ссылок вела на один сайт - страничку доктора Воленского. Несмотря на ученую степень, ее владелец занимался не наукой, а политикой. Несколько лет тому назад он со своими сторонниками задавил движение против драйверов для менеджеров. Некоторые из его противников оказались в тюрьме, что привлекло внимание доктора и к пенитенциарной системе. На его сайте было немало статей в поддержку коррекции личности для преступников, но сейчас главное место занимал обзор

событий на Тисовой улице.

Термит едва сдержал порыв написать Воленскому парочку язвительных комментариев. Вместо этого он зашел на один из форумов через прокси и оставил там сообщение.

"То, что нас не убивает, делает нас сильнее. Охотник, возможно, мерзавец. Хищник, нападающий на невинных. Но, может, настало время перестать быть невинными? Научиться защищаться от него и от всего остального дерьма, которое сует нам в мозги драгоценное общество?"

Робот-уборщик мыл коридор. Он полз, оставляя после себя чистую мокрую полосу, в которой, как в реке, колыхались зыбкие отражения людей и вещей. Термит переступил ее широким шагом.

За стеклянными дверьми фирмы на осенний город неторопливо оседали сумерки. Солнце повернуло на закат. Сейчас оно казалось светящимся переспелым апельсином - чуть надави, и брызнет сок. Падая на запад, оно отражалось в окнах и зеркальных стенах, и везде, куда ни взгляни, горел этот оранжевый закат.

Термит взглянул на часы. До настоящей темноты оставался еще как минимум час. А тут и автобус так удачно подошел к остановке.

Спустя четверть часа Термит уже шел по гравийной дорожке парка. Кусты и трава еще оставались зелеными, а вот листья берез пожелтели и теперь походили на золотые монеты. Ветер срывал их с веток и долго кружил в воздухе, прежде чем бросить под ноги. На уютной, почти идеально круглой полянке девочка в голубой курточке собирала осенний букет. С ее шеи свисали длинные рябиновые бусы, путаясь в белом шарфе.

Термит поднял ярко-красный кленовый лист и протянул девочке. Малышка достала из-за спины пистолет.

- Бах!

Термит упал. Увядающая трава пахла как сено, клочок неба в золотой раме осенней листвы казался колодцем в бесконечность.

- Ты умираешь? - строго спросил детский голос.

- Да.

Презрительное фырканье:

- Как-то неубедительно!

Термит издал протяжный стон и забился в агонии.

- О, так лучше!

Он перекатился по земле к старой липе и швырнул в девочку охапку упавших листьев.

- Нет!!! Он убил... он убил меня ядерной гранатой!

Воздев руки она застыла. Пистолет выпал из обессилевших

пальцев, а за ним и его хозяйка опустилась на жухлую траву. Впрочем, упасть, как Термит, она не решилась и аккуратно улеглась, расправляя складки на курточке.

- ...и только цикады пели над мертвецами, и вороны кружили над полем боя, - торжественно сказал Термит.

- И они выклевали тебе глаза! А мне нет, потому что меня похоронили верные роботы-оруженосцы, и долго плакали маслом над могилой! - Она всхлипнула, проникаясь мрачным величием момента. - А потом папа вырыл мои кости, и втихаря протащил их на работу, и клонировал меня! Я восстала и начала разрабатывать план мести!

- Гм, кому?

- Тебе!

- Эээ, но я же мертв! И с выклюватыми глазами!

Снова фырканье:

- Твои боевые андроиды, конечно же, подобрали твое тело и вживили твой разум в огромного металлического зверя.

- А, ну да. Того самого, который плюется плазмой.

На сухую узловатую ветку над головой Термита опустилась ворона. В клюве у нее была зажата добыча, правда не выклеванный у павшего героя глаз, а овсяное печенье.

- Смотри... - прошептала девочка.

И они смотрели, как птица устраивает печенье в развилке, а потом степенно ужинает, время от времени поворачивая голову, чтобы взглянуть на людей.

Падали липовые листья. Похожие на золотые сердечки, они кружились и планировали в потоках воздуха. На западной части неба блестел огонек - словно кристаллик сахара, тонущий в черничном варенье. Первая звезда. Город зажигал свои звезды - светились окна, фонари и витрины.

Ворона, доев, шумно поднялась в воздух и полетела в сторону реки.

- Полетела добывать себе глазки, - сказал Термит.

- Нет, ты разве не знаешь? Это не ворона, а дух. Там, на набережной, видел скелеты ангелов?

Он рассмеялся:

- Это горгульи. Скульптуры. По крайней мере я так думал. Может, у тебя более верные сведения.

- Это скелеты ангелов. А вороны - их души, которые иногда летают поесть.

- Ага, понятно.

- А, Дара, ты тут! А я ищу тебя по всему парку!

Под сень липы шагнул Котов. В обоих руках у него было по мороженому в вафельном стаканчике.

- Андрей убил меня! А я его! Сейчас птичка будет выклевывать нам глаза!

Птичка на такое предположение ответила готически-мрачным клекотом, но тут же разрушила образ, уронив на куртку Термита белую кляксу...

- Ах ты ж б... б-боже мой! - Термит вскочил на ноги и принялся оттирать одежду пучком травы.

- Я принес тебе живой воды, принцесса, - Котов сел на корточки перед девочкой. - Только она в замороженном виде...

Вишневое мороженое, как оказалось, действительно обладало живительными свойствами. Со стаканчиком в одной руке и пластиковым пистолетом в другой, Дара побежала за вороной.

- Ты пришел сюда, чтобы встретиться со мной? - спросил Котов.

- Да. По телефону об этом больше не будем говорить, слишком опасно. К тебе уже приходили?

- Да. Они хотят, чтобы я стал их агентом и исполнял часть обязанностей Тройки. И, естественно, регулярно сливал информацию "Клонакса".

- Ну что ж, это основательная приработка, в таком случае.

- Ты даже не представляешь, насколько основательная. Но и опасная. Они дали мне доступ к одной из их баз данных, наверняка лишь для того, чтобы проверить мою лояльность. Если что-то оттуда всплывет в других фирмах... мне даже страшно подумать, чем это может обернуться для меня.

- Не бойся, они не дураки. Они не станут намеренно подставлять такого специалиста, ты нужен им. Ты же не скакал в универе по верхам, как Тройка. Они заплатят за то, что у тебя вот там, - Термит легонько постучал Котова по лбу. - Ты поднимешься куда выше, чем Тройка.

- Они спрашивали, когда и где я видел его. Я сказал правду.

- Что ж. Они вероятно, посмотрят комнаты. Найдут там следы крови, возьмут частицы на анализ ДНК...

- И узнают, что Тройка был убит на нашей встрече!

- Необязательно на встрече. Его с тем же успехом могли убить, когда мы ушли. На этой версии ты и должен настаивать.

- Они мне не поверят!

- Успокойся. "Войд" - не полиция, у них другие приоритеты.

- И в них наверняка входит розыск и казнь убийц их агента. Теперь они уже не поверят, что мы не собирались его убивать, что это был несчастный случай!

- Леш... Скажи, если бы наган не взорвался у него в руках, что бы мы сделали с Тройкой? Ведь он был мразью, Леша...

- Я не говорю, что не был!

- Посадить его мы бы не смогли. Материальных доказательств того, что он толкал "гюрзу" нет.

- Мы бы сдали его "Войду", ты же сам знаешь, они бы наркоторговца не потерпели.

- И как ты думаешь, что бы тогда с ним сделали в "Войде"?

- Они бы казнили его, конечно, за прошлое и за обман.

- Вот видишь. Так или иначе мы приговорили Тройку. И разве важно, что послужило орудием возмездия - наган или наемники корпорации? Мы не убивали его собственными руками, но все равно что убили.

- Да мне плевать на эти тонкости, я просто не хочу в тюрьму! Мне нельзя... я должен позаботиться о Даре, у меня масса дел!

- В мои планы кича тоже не входит. Но полиция никогда не найдет концов, а "Войду" просто нет резона нас сажать. Они будут копать про Тройку? Пускай! Рано или поздно, они натолкнутся на инфу о его связях с картелями. И тогда - даже - если - вдруг - они неожиданно докопаются до нас... Они нам премию выпишут!

- Что ж, я надеюсь, ты знаешь о чем говоришь.

- А то! Кстати, дай-ка мне тоже "замороженной живой воды", - Термит выхватил у Котова из рук стаканчик с потекшим мороженым. - В меня же попали из бластера, это не шутка!

8. Аптеронотус

Домой Термит вернулся уже в потемках. Повесил куртку на крючок в прихожей, погрел в микроволновке остатки макарон с мясом и уселся ужинать перед телевизором.

"Прекрасно, теперь мне остается только ждать", - самодовольно подумал он - и вдруг замер, не донеся вилку до рта.

- В эти выходные пройдет ежегодный сентябрьский благотворительный бал, - сообщила хорошенькая дикторша. - Множество бизнесменов, политиков и деятелей искусства съедутся...

"А может быть, ждать и не стоит".

Вечер следующего дня Термит проводил в баре спа-салона. Неяркие лампы переливались синим и зеленым, посверкивали кристаллы, нанизанные в гирлянды. Столы были разделены высокими аквариумами. Термит вот уже час пил бокал пива, рассеянно наблюдая за рыбами и слушая болтовню Сени-биореактора. Сеня успел употребить три порции темного, и из него потоком извергались его мечты, надежды и планы.

Больше посетителей в баре не наблюдалось - в пять вечера богатые прожигатели жизни только-только собирались приступить к развлечениям.

- Я не собираюсь оставаться в этой дыре всю свою жизнь.

Накоплю деньжат, и все будет иначе...

- Что - все?

- Ну все. Тачку куплю. Знаешь, я уже по каталогу выбрал! Счас покажу, была распечатка...

Сеня полез в карманы, доставая все что угодно кроме пресловутой распечатки. На столе перед ним образовалась горка из ключей, горсти монет, нескольких скомканных купюр, зажигалки, огрызка карандаша, двух календариков... Золотая рыбка смотрела на все это через стекло, размеренно двигая плавниками.

- Забей, потом покажешь. Ты лучше так расскажи.

Сеня принялся восхвалять свою будущую покупку, закончив глубокомысленным заверением:

- Да, если бы у меня были бабки, я был бы другим человеком.

- Мы все могли бы быть другими людьми, более умными, смелыми, удачливыми и добрыми. Но тогда это были бы уже не мы...

- Чего?

- Ничего. Как там Дмитрич, успел запустить в производство новый продукт?

- Тот, который ты притащил прошлый раз? Откуда я могу знать? - Сеня хитро осклабился.

- Ты все знаешь.

- Ах, ну в общем, доволен он твоим счастьем. Его химики уже скопировали препарат, пробные дозы ушли клиентам - отзывы хорошие, - биореактор хихикнул. - Представь, даже Ивонна пробовала его.

- Ивонна... Она тут в кабинете?

- Да.

- Эй, пацан! - Термит подозвал официанта - школьника, дальнего родственника дилера. - Позови-ка нам Ивонну, пока тут наплыв клиентов не случился.

Официант апатично кивнул - его поставленная гелем челка упала на глаза. Мальчишка исчез за аквариумами и спустя четверть часа вернулся с толстухой. Сегодня на ней поверх темных обтягивающих брюк и кофты была просторная вязаная накидка серого цвета. Тут, среди золотых рыбок, барбусов и гуппи, сразу возникали ассоциации с неводом.

Термит улыбнулся женщине.

- Иди сюда, Ивонна, посиди с нами.

- Ах, мальчики, я же на работе!

- Работа не волк...

Термит нежно обнял толстуху за рыхлые плечи. Она зарделась, как девочка, и сказала:

- Ну, раз уж ты так настаиваешь. Чаю выпью.

- Садись. Эй, пацан, - он подозвал скучающего официанта. - Притащи нам чаю и бутылку коньяку.

- И мне еще пива! - вмешался Сеня.

- Я бутылку коньяку не выпью! - толстуха рассмеялась.

- Не волнуйся, сердечко мое, я тебе помогу, - сказал Термит. - Все равно от этого пива только в отхожее место набегаешься.

- Что это ты такой галантный сегодня?

- А разве я не всегда такой?

Принесенный чай щедро сдобрили коньяком. Сеня заявил, что пить коньяк после пива - пижонство, и быстро наполнил свою рюмку. Веселые, душевные посиделки продолжались. Ивонна смеялась, подносила чашку ко рту, манерно отставив мизинчик. Когда чай закончился, Термит уговорил ее выпить на брудершафт. Чмокнул в накрашенные ярко-красным губы. В глазах Ивонны появился мечтательный блеск. Сеня снова стал искать распечатку будущей машины.

- Пардон, ребята, пиво уже прошло свой путь и хочет наружу. Я в туалет.

Термит встал и быстро пошел между аквариумами той нарочито упругой походкой, какой хотят подвыпившие люди. Туалеты для клиентов располагались в дальнем конце зала, но ближе находился небольшой закуток с кладовками, парой кабинетов и отхожим местом для работников.

Уверенно распахнув дверь с табличкой "только для персонала", Термит вошел в совсем иной мир. Здесь не было загадочного освещения, кристаллов и рыб. На голых стенах обнажилась кирпичная кладка, по потолку шли провода. Несколько дверей были скучного серого цвета. Термит открыл вторую справа и проскользнул в узкую душную комнатку - рабочий кабинет Ивонны.

Здесь пахло кофе и краской для принтера, на стенах висели постеры с тигрятами. Рабочий стол был завален бумагами и всякими необходимыми женщине мелочами, на мониторе компьютера скринсейвер показывал расцветающие лилии.

Термит положил руку на мышку. Экран посветлел, и на нем показались открытые списки и таблицы.

Напряженно прислушиваясь к тишине за дверью, Термит просматривал папки - так же лихорадочно и бестолково, как Сеня шарил по карманам в поисках распечатки.

- Ч-черт, где же, где ты?

Наконец, он нашел нужный файл. Вся информация была, естественно, зашифрована, но угадать числа и мероприятие труда не составило. Под кодом, обозначавшим благотворительный бал в ближайшее воскресенье, стояло несколько имен-кличек.

- Сектант! Я так и знал! Так и знал, что они пошлют Сектанта обслуживать богатеев.

Термит уничтожил все следы своего пребывания и вернулся в бар. За время его недолгого отсутствия Сеня и Ивонна успели приговорить еще несколько рюмашек, и обоих заметно развезло.

- Иди сюда, дорогой, - Ивонна плеснула из бутылки в пустую рюмку. - Скоро клиенты пойдут, нужно быстренько заканчивать.

Улыбнувшись, Темит выпил стоя, отсалютовав собутыльникам.

- Успеем, все равно и мне, и Сене завтра работать, так что до потери пульса напиваться нельзя.

- Ты мне весь кайф обломал, - пробурчал Сеня.

- Кстати, Ивонна, мне сказали, ты пробовала мой новый препарат, счастье.

- Да.

Ее круглое лицо вдруг стало грустным. В мерцающем голубоватом свете оно казалось печальной луной, одиноко взирающей на землю.

- И как?

- Прекрасно, но... не для меня.

- Почему?

- Знаешь. Мне было хорошо, пока длилось действие, а потом я полдня плакала. Потому что никогда раньше я не чувствовала себя настолько счастливой. Это ведь ужасно - осознавать, что в твоей жизни не было более счастливых моментов, чем искусственно вызванные нанонаркотиком. Наверное, все от того, что я дура...

- Глупости.

Она шмыгнула носом, и Термит ласково обнял ее. Но прижимаясь кожей к коже, он смотрел не на женщину, а в сторону.

Бархатно-черный аптеронотус в аквариуме напротив плавно обогнул "обломки пиратского судна" и спрятался в гроте: в искусственной пещерке заворочался воплощенный мрак.

Когда они с Сеней вышли из бара, на город уже опустилась ночь. Лил навязчивый осенний дождь, и они дошли до остановки монопоезда под одним, сениным, зонтом. Там они распрощались и сели в разные поезда.

Термит сидел в теплом уютном вагоне, рассматривал лица пассажиров - одни усталые, другие явно предвкушающие

вечерний отдых. За залитыми дождем окнами мелькали огни фонарей, витрин и автомобилей, сливаясь в единое расплывчатое свечение. Сощурившись, можно было убедить себя, что это огни комет и метеоров, пролетающих мимо твоего космического корабля. В детстве Термит с братом часто играли в такую игру...

Усилием воли Термит отогнал воспоминания, от которых щемило сердце, и заставил себя подумать о делах насущных. О благотворительном бале, на котором коммерсанты щедро пожертвуют на содержание стариков-инвалидов, на поиски лекарства от СПИДа, на финансирование детских стационаров, на гуманитарную помощь и учебные пособия - лишь бы не платить налоги. О Сектанте, который будет частью неофициальной программы.

Худой темноволосый студент техникума, вообще-то, ни в каких сектах не состоял. Если он и был человеком религиозным, то держал свои убеждения при себе. Сектантом его прозвали из-за странных и упорно претворяемых в жизнь убеждений - нести людям добро и стараться сделать их лучше. Ради этой идеалистической цели Сектант четыря дня в неделю продавал свои слепки в спа-салоне. Он работал с теми, кто мечтал о голых девках, деньгах и власти, воплощал их мечты в созданной им виртуальности. Сектант верил, что мало помалу сможет изменить этих людей, показывая им их же мечты более лучшими, красивыми и чистыми. Порой из-за этого клиенты писали жалобы Дмитричу, но большая часть все-таки оставалась довольна. Сектант считался одним из самых талантливых биореакторов. Он мог привнести некую эстетику даже в визуализацию разнузданной групповухи на старом кладбище.

"Я помогу тебе воплотить твою идею, Сектант", - мрачно думал Термит, глядя сквозь ресницы на огни города.

Следующие вечера вплоть до субботнего Термит провел в своей квартире. Запершись на кухне, он снова работал у самодельной установки для модификации матриц. В этот раз все было и проще, и сложнее. С одной стороны, не нужно заморачиваться с распространением слепка. Клиенты сами выпьют кровь Сектанта. С другой стороны, необходимо учесть влияние пустой матрицы, которую ему будут вливать через капельницу. Кроме того, препарат должен действовать достаточно долгое время.

Было странно и даже как-то неправильно создавать столь сложную вещь на кухне, рядом с кастрюлями и сковородками.

"Прекрасно! Теперь полиция будет терять время, выясняя, кто обогатился на этой акции. Им и в голову не придет, что я не взял ни единой копейки. Они, конечно, уверены, что Охотник решил

эдак разжиться баблом. Поэтому проследят путь каждой банкноты, каждого чека. А на самом деле - я всего лишь совершу акт благотворительности".

9. Благотворительность

Деньги - универсальный эквивалент. Для кого-то бумажки с гербами и портретами - воплощение амбиций и работы ума, для кого-то материализация проливаемого пота и потраченного времени. Для одних цель, для других средство. Квинтэссенция необходимого в современном обществе. Маркер успешности и знак пижонства. Идол и злой дух.

Те, у кого денег достаточно, могут позволить себе роскошь презирать их.

Для обитателей переулка за супермаркетом деньги были промежуточным звеном при трансформации пустых пивных бутылок в полные водочные. Сейчас трое из них терпеливо стояли под золотой липой и ждали, пока молодой служащий на скамеечке допьет свое светлое. На нем были хорошо пошитые брюки и смокинг, а вот распахнутая куртка совершенно не соответствовала - карман оторвался, рукава потерлись.

Воскресный вечер был теплым, лишь с тем легким предчувствием холода, которое проявляется весной или осенью. Оно обещает приятные посиделки на улице до заката и бодрящую свежесть утром. И проникающий до костей морозец для тех, кто вынужден коротать ночь под открытым небом.

Молодой человек посмотрел на просвет бутылку - пива оставалось чуть меньше половины.

- Сейчас, - сказал он ожидающим добытчикам и прильнул губами к горлышку.

- Благодарствуем! - серьезно ответил заросший щетиной мужик.

Допив пиво, молодой человек вручил пустую бутылку бомжам. Посмотрел на дешевые электронные часы:

- Мне пора, пока.

- Храни тебя Господь, - пробубнил бомж, склонившись над пластиковым мешком с бутылками.

Парень улыбнулся и зашагал к парковке в центре квартала. Короткая дорога пролегала через длинный узкий проулок, в котором уже наступила ночь. Угрюмые бока кирпичных зданий загораживали последние лучи солнца. Было темно и холодно.

Тонкие подошвы начищенных туфель звонко стучали о асфальт. Впереди из вороха теней возникла человеческая фигура. Кто-то стоял, опершись о стену, с зажженной сигаретой в руке. Когда молодой человек поравнялся с незнакомцем, тот отвернулся, шелестнув дешевой пластиковой курткой. Окурок

упал на асфальт, искры брызнули в стороны и погасли.

Чувствуя себя неуютно и небезопасно, молодой человек ускорил шаг. Где-то далеко, на краю света, гудели машины и играла музыка. А в темном проулке даже воздух вибрировал от сдерживаемого напряжения.

Паренек стиснул кулаки. Он шел, готовый к удару в спину, - впрочем, в этом районе всегда нужно было быть готовым к такому.

Зловещая атмосфера, сгустившая в проулке, наконец прорвалась звуком. Послышался тонкий, навязчивый писк. Мгновением позже шею молодого человека ошпарило болью. Он рефлекторно шлепнул ладонью, потом глянул на нее - на пальцах была размазана кровь и остатки хрупкого серого тельца.

"Комар!"

Он нервно хохотнул. Вся опасность обернулась нападением насекомого, доживающего последние деньки перед зимой.

Писк повторился, и уже несколько кровососов впились в лицо. Видимо, то была целая штурмовая команда. Выводок из ближайшего подвала, десантировавшийся через узкое окошко у земли.

- Ч-черт!

Паренек бежал с поля боя, одновременно ругаясь и смеясь. Комары скоро отстали.

На парковке ждал белый лимузин. Шофер высунул голову из окна - его приглаженные гелем волосы отражали солнце, как и металлический бок его машины.

- Сектант, быстрей. Еле вписываемся в график!

Молодой человек открыл дверь:

- Привет всем!

В прохладном, пахнущем коньяком и духами салоне уже сидели четверо человек. Все молодые, явно небогатые люди, одетые в дорогие костюмы и дешевые куртки.

Лимузин плавно тронулся с места. Он медленно и торжественно проехал кривые грязные улочки и встал на трассу, ведущую к центру города. Мимо пролетали дома и магазины, вывески сливались в одну пеструю ленту. Заслонка между кабиной водителя и салоном была открыта, и по машине разносился меланхолический треп ди-джея. То ли обкуренный, то ли просто растяпа, он никак не мог найти записи нужных треков и в промежутках между рекламой видеоигр и модных пилюль от кашля пытался развлечь слушателей старыми анекдотами.

Сектант откинулся на спинку сиденья.

- Ребята, у кого-нибудь есть одеколон?

- Не-а, а зачем тебе?

- Комары, заразы, все лицо искусали. Распухнет, клиентов напугаю.

- Какие комары осенью? Разве они еще не сдохли?

- Как видишь, нет.

Из приоткрытого окна била струя холодного воздуха. Сектант подставил под нее разгоряченное лицо. Это было приятно, почти так же, как в пекельную жару окатиться ведром колодезной ледяной воды.

Внезапно болтовня ди-джея стихла. Из динамика послышалась серия сухих щелчков, а потом механический, явно измененный компьютером голос сказал:

- Вниманию всех водителей, на набережной у моста Героев авария и пробка. Вашшш Мордред!

Прошипев последние слова, хакер-полтергейст снова переключил на радиостанцию.

- Как бы, э-э-э, ну вы слышали, - промямлил ди-джей. - Сейчас в честь Мордреда прозвучит песня, гм, песня...

- Придурок, - прокомментировал парень, сидящий напротив Сектанта. - Оба придурки, что ведущий, что Мордред. Тот обещал на весь город, что этого Охотника поймает. А ведь черта с два. Наверняка, это был правительственный эксперимент с новыми матрицами, ну или корпорации это устроили. Так что никогда Мордреду зачинщика не поймать, только позору себе наживет.

- Кто знает, - сказал Сектант, - может быть, Мордред и на правительство или корпорации может выйти.

- Ты как всегда... тьфу! Подумай головой, даже если что-то и откроется, у них будет достаточно денег, чтобы откупиться от скандала!

- Я понимаю. Но все равно, Мордред поступает правильно. А это важнее всего, даже важнее результата.

- Сектант!

- А вот мы... Мы - зло этого мира. Мы поставляем людям мечты, красиво оформленные и профессионально сделанные. Интересно, сколько из них уже не могут мечтать самостоятельно, вызывать в мозгу образы и ощущения?

- Они богатые уроды, если, как ты считаешь, мы их калечим - так им и надо.

Сектант нахмурился и промолвил ледяным голосом:

- Никто не урод.

- Да ну?! А Охотник? Он ведь изнасиловал мозги куче народа!

Сектант улыбнулся:

- Наверняка он верил, что поступает хорошо и справедливо. У него просто неправильные понятия. И если его поймают, это возможно исправить.

- Угу, спустив в унитаз его личность.

- К сожалению, рассчитывать на добровольное раскаяние тут не приходится. Я согласен с доктором Воленским. Это необходимая мера. Может быть, наши потомки научатся избегать ее...

Лимузин остановился - мягко, как эльфийская лодка у пристани сказочного озера. Водитель повернулся к салону:

- Вылазьте, философы, - сказал он хриплым, каркающим голосом. - Время вам стать посудинками для реакций.

Лимузин стоял в одном из внутренних двориков ресторана "Золотой мангуст". В отличие от декорированных цветами и фонтанами двориков для посетителей, этот был зажат между кухней, складом и гаражом. Он мало чем отличался от расщелины проулка в бедном районе, где Сектанта искусали комары.

Водитель выстроил парней-биореакторов в ряд, еще разок оглядел всех - как бывалый сутенер выводок новых проституток - и повел узкими служебными коридорами в глубь заведения. За тонкими стенами играла классическая музыка, Шопен и Вивальди, иногда слышался веселый перестук каблучков, звон бокалов, смех и голоса.

Их путь закончился в просторном зале. Из-за размеров и новаторской мебели он напоминал зачарованный лес. Из темных колонн с бугристой поверхностью вырастали светящиеся цветки-бра из кованого железа и венецианского стекла. Диваны перетекали в пол, а посреди зеленого ковра то и дело обнаруживались впадины, заполненные водой. Девушки в купальниках сидели в этих странных бассейнах, потягивая коктейли и улыбаясь серьезным усталым мужчинам.

Хриплым шепотом водитель отдавал приказания - кому в каком секторе зала остановиться. Сектанту достался один из угловых, особенно укромных участков. Пользуясь этим обстоятельством, парочка в складках пушистого ковра свилась в одно подергивающееся существо, которое, извиваясь, пытается выползти из остатков одежды. Когда Сектант подошел к стойке капельницы, так некстати стоявшей прямо рядом с ними, любовники уставились на него.

Он - молодой, загорелый с красивым мускулистым торсом и светлыми волосами до плеч. Видимо, актер или певец. Она - уверенная леди с хищным лицом, лет на десять старше своего партнера.

- Пожалуйста, извините. Я только возьму капельницу и отойду.

- Погоди, - женщина встала, одернув узкое вечернее платье. -

Ты из партии заказанных биореакторов, так?

- Да.

- Прекрасно, выполняй свою работу. Мы не против небольшой дозы нано-секса, верно, дорогой?

Парень заурчал, покрывая ее шею поцелуями.

Сектант слабо улыбнулся и закатал рукав на левой руке:

- Конечно, сейчас я поставлю матрицу. Но должен заметить, что старый способ заниматься сексом все-таки лучше...

Женщина фыркнула:

- Чем это? Матричный секс куда лучше настоящего. Во-первых, можно смоделировать любую ситуацию. Во-вторых, никакой опасности заразиться СПИДом или забеременеть. В-третьих, от него никогда не будет по-настоящему больно.

- Верно, - пробормотал Сектант, возясь с катетером, - по-настоящему больно бывает от настоящего...

- В общем, сделай для меня его где-нибудь на природе, а для него меня.

- Хорошо.

Рядом с капельницей в лотке со спиртом лежал ланцет. Сектант взял его, расстегнул рубашку и сделал аккуратный разрез поверх полузатянувшейся раны на груди.

Он закрыл глаза.

Белый мрамор, мертвый, как обглоданная кость, холодный даже под палящим солнцем. Руины утопают в зелени. Вьюнок обнимает полуразрушенные колонны, его нежно-лиловые цветы трепещут на ветру. Молодое дерево пробило себе путь в мраморной кладке. Оно все покрыто красно-золотистыми соцветиями размером с арбуз, оно источает свежий и сладкий запах. Двое лежат в его тени, на гладких мраморных плитах. Они - торжествующая, бурная и яростная жизнь среди этих мертвых руин. И когда мужчина касается женщины, лепестки начинают опадать, кружатся в воздухе, невесомыми касаниями гладят кожу. Воздух пронизан ароматом, золотая пыльца оседает на сокращающиеся в любовной истоме тела...

- Готово, - сказал Сектант, не открывая глаз.

Бизнес-леди, оглаживая платье, подошла к ближайшему столику-пню, взяла бокал с коктейлем и выплеснула зеленоватый опалесцирующий напиток. Она прижала пустой бокал к груди Сектанта. По стеклу, змеясь, потекла тоненькая струйка крови.

Нацедив достаточно жидкости, женщина повернулась к своему партнеру:

- За тебя, красавчик!

Одним глотком она осушила бокал и медленно опустилась на всхолмие дивана. Ее тело изогнулось в ожидании призрачных

ласк.

Актер-певец поднял выпавший из ее руки бокал и бросил Сектанту. Тот снова нацедил своей крови, жмурясь, когда стекло слишком сильно вдавливалась в рану.

А из искусственного леса уже шли остальные клиенты, тянулись к крови, дарящей видения, шептали свои желания. Господа жаждали развлечений.

10. Дождь

Термит валялся в постели, раздраженно щелкая пультом телевизора. На тумбочке рядом стояла чашка чая и тарелка с овсяным печеньем. Похрустывая магазинной выпечкой, Термит переключал каналы. Увы, ни один не показывал то, что его интересовало. Хотя, по его расчетам, акция в ресторане "Золотой мангуст" уже должна была начаться.

Он включил новостной канал, прослушал репортаж о народных промыслах в чукотской деревне и, пробормотав "никчемные журналюги", переключился на спортивную программу.

Девочка-теннисистка крепко сжала ракетку, напружинилась, готовясь отбить подачу - и тут ее изображение пошло волнами. Смешались белые цвета одежды и зелень корта, змеящиеся линии стерли контуры фигур. А через мгновение скачком появился кадр. Черно-белое изображение с непривычного ракурса, явно снятое камерой безопасности, висящей под потолком.

Бальный зал. Мужчины в дорогих костюмах, женщины в роскошных платьях. Они роются в карманах, бумажниках и сумочках, выгребая монеты и банкноты. А потом бросают их в открытые окна. Примостившись на полу или у фуршетного стола они заполняют бумажки, лихо расписываются - деталей не видно, но наверняка это чеки - и опускают в прорези урн. На каждой урне наклеен плакат, но разобрать можно только надписи самыми крупными буквами: СПИД, кровь, потеря, наркотики, война.

На лицах благотворителей - судорожно-счастливые улыбки. Их глаза горят ярче, чем их бриллианты.

- Дикая охота продолжается! - возвестил механический голос за кадром. - Я Мордред, и я считаю, что вы должны знать, что происходит сейчас в ресторане "Золотой мангуст" на благотворительном балу.

Термит расхохотался.

- Спасибо, Мордред! - прокричал он. - Вот уж удружил!

- Вероятно тот, кто за этим стоит, Охотник, как называют его в Интернете, наверное, он считает, что совершил правильный и благородный поступок. Но не стоит обманываться.

Благотворительность, вырванная силой - это грабеж. Время робин гудов прошло. Если ты хочешь быть полезным обществу - работой, делай мир лучше через добрые дела, а не через преступления. Очень скоро тебя ожидает неминуемое возмездие, Охотник! Надеюсь, ты меня слышал!

- Плевал я на ваше общество, - фыркнул Термит.

Похрустывая печеньем, он продолжал наблюдать за трансляцией. Мордред умолк, но дал записи и с других камер. Одна, установленная у входа, показала толстого бизнесмена, настойчиво сующего свой фрак прохожему.

Термит криво улыбнулся.

- Я сделал их лучшими людьми, пусть и на время, разве не этого ты добивался, Сектант? - саркастически сказал он телевизору. - Насильно привить людям доброту и щедрость, что может быть благороднее?

Вопреки словам Мордреда - или благодаря им - на следующее утро Термит проснулся знаменитым. Тексты дикторов новостей были нейтральны, зато в Интернете он стал героем. Робин Гуд нового века, хакер-бунтарь, взламывающий негодные, черствые души. Просматривая сайты на работе, Термит еле удерживался, чтобы не написать что-нибудь. Волна всеобщего бессистемного флуда захватила его. Представиться самим собой? Или написать что-нибудь от лица Мордреда? И пусть люди гадают, кто это за интернетовским никнеймом.

Его отрезвляло и останавливало понимание того, что игра в виртуальности может обернуться проблемами в реале. Зачем возиться с прокси-серверами, заметать следы, если можно просто молчать - и это будет самой выгодной тактикой.

Он закрыл все форумы и очень тщательно и аккуратно заполнил очередную рабочую анкету. Зато возвращаясь домой заглянул в супермаркет и купил бутылку водки. Напиться посреди недели было нельзя, но отметить удачный поворот дел одной-двумя рюмашками крепкого - почему бы и нет?

Поэтому, когда вечером пришло сообщение от Котова, Термит был уже немного навеселе. Чертыхаясь, он оделся, со злости выпил еще несколько рюмок и, захватив зонт, отправился к месту встречи, в парк Пожарского.

Непогода ускорила наступление сумерек. С темно-серого сурового неба лил дождь. Он лил стеной, смягчая контуры, растушевывая краски, превращая город в ностальгически-туманную акварель. Капли громко барабанили по натянутой ткани зонта, отгораживая Термита от остальных звуков. Для него эти моменты под дождем были одним из самых любимых вариантов одиночества. Зонт и вода становятся границами твоего

личного мира, небольшого, но приватного кусочка города, принадлежащего только тебе.

Вход на пешеходный мост через реку стерегли две нахохлившиеся горгульи. Их морды-черепа свысока уставились на прохожих, с костистых крыльев стекала вода. На одной из прогулок Дара уверенно окрестила эти изваяния скелетами ангелов и теперь Термит с ней бы согласился. Мост каскадами лестниц спускался к главной аллее парка. Внизу шелестело золотое море осенних деревьев. Мокрые листья сверкали в свете фонарей. Фигуры немногочисленных прохожих казались лишь всплесками теней.

Термит закурил и медленно спускался, затягиваясь на каждой ступеньке. Алкоголь все-таки настроил его на мирно-сентиментальный лад, и злость на Котова прошла. Он уже смаковал, как вернется домой, поставит под батарею промокшие ботинки и дернет еще чуть-чуть водки. А потом посмотрит пару-тройку старых фильмов про гангстеров и полицейских, с томными женщинами и блестящими машинами. И киношные перестрелки будут сливаться с шумом реального дождя, выбивающего дробь на жестяном подоконнике.

- Вот ты где! Я уж продрог, как собака, пока тебя ждал! - Котов, разбрызгивая лужи, подошел навстречу.

- Извини. Хочешь сигарету?

- Я ж не курю. Слушай, все плохо.

- В смысле?

- "Войд" копает насчет Тройки. Хорошо копает. Мне кажется, они подозревают меня!

- С чего это?

- Вопросики, ухмылочки, намеки...

Термит раздраженно отшвырнул окурок.

- Забей. Я же говорил тебе, даже если они узнают правду - ничего тебе не сделают. Слушай, ты из-за этого вытащил меня под дождь, чтобы поплакаться?

Котов молчал. С края его зонта ручьем стекала вода, брызгая на бежевый плащ. Лицо его было не разглядеть во мраке.

- Ну расслабься, - уже спокойнее сказал Термит. - Все будет хорошо.

- Дай покурить, - пробормотал Котов.

Термит протянул ему пачку, потом щелкнул зажигалкой. Лепесток огня озарил усталое лицо - мешки под глазами, щетина на щеках.

- Они знают о тебе, - сказал Котов. - Поэтому я и хотел встретиться, предупредить. Они много расспрашивали меня. Я соврал, что мы почти не общаемся, что я заплатил тебе деньги за

подстраховку. Но они очень тобой интересовались.

- Плевать, - расслабленно ответил Термит. - Спасибо за предупреждение, конечно, но я не думаю, что синдикат станет со мной связываться.

- Я надеюсь, но все-таки - будь осторожен, - Котов затянулся, и багровый отблеск высветил его профиль. - Слушай, он тебе не снится?

- Снится, - соврал Термит. - Но это всего лишь сны.

"Неужели сейчас мне придется успокаивать тебя всю ночь?"

- Помнишь, мы говорили о том, что Тройка - сволочь, что он заслуживал смерти? Сейчас я думаю, мы ошибались. Не важно, какими были наши мотивы. Даже если бы мы пеклись об общем благе, все равно его убийство оставалось бы преступлением.

- Какой смысл разводить теории и придумывать альтернативное прошлое? Это был несчастный случай. Тройка сам спустил курок!

- Да... Я просто думал о том, что всякое благое на первый взгляд деяние впоследствии оказывается для кого-то выгодным. Из-за смерти Тройки я продвинулся в синдикате даже дальше, чем сам того хотел. Ты смотрел новости? В Интернете говорят, что этот парень, Охотник, устроил благотворительную акцию, - Котов хмыкнул, - говорят, новый нано-хакер, защитник обездоленных. Красивая легенда у него.

- Да? - только и смог произнести Термит.

- Только я в нее не верю. Какой-нибудь отморозок играет, радуется, что получил доступ к человеческим душам. А на самом деле все делает только ради выгоды.

- Хм.

- И я такой же. Теперь я преступник и не хочу попадаться, - Котов глубоко затянулся, докуривая сигарету до самого фильтра. - Я готов сделать что угодно, лишь бы "Войд" не узнал правду... но я не знаю, что.

- Успокойся, тебе ничего не нужно делать.

- В той проклятой комнате остались наши биологические следы. Я думал о том, чтобы сжечь там все. Но уже поздно, туда нельзя возвращаться.

- Конечно нет! Держу пари, синдикат уже установил там пару жучков, так, на всякий случай...

- Да, я знаю. Просто вся эта история - как гиря, которая тянет меня на дно. Так хотелось бы от нее отвязаться.

- Не переживай ты так. Хочешь, пойдем в бар, напьемся?

- Я не могу, дочка ждет.

- Да, верно. Ладно, тогда пока.

- Пока.

Котов шагнул прочь, и через миг его силуэт уже растворился в ночном дожде.

Термит взглянул на часы: было десять. Он задумчиво постоял, качаясь на пятках, а потом, приняв решение, отправился к остановке монопоезда. По пути зашел на бензоколонку, где купил канистру самого дешевого бензина - на нее ушли почти все остатки зарплаты.

Трясясь в вагоне Термит начинал ощущать последствия протрезвления. Алкоголь выходил из крови, и вместо приятной расслабленности навалилась усталость, ноги в мокрых ботинках замерзли.

Он сошел в одном из глухих спальных районов. Ежась под ударами холодного ветра, побрел по улице с зонтиком в одной руке и канистрой в другой. Нести было тяжело и неудобно, а дождь зарядил пуще прежнего.

Термит выдохнул с облегчением, добравшись наконец до заброшенной высотки, где пару недель тому назад убил человека. Он оставил сложенный зонт в подъезде, а канистру потащил наверх.

В обшарпанной комнате по-прежнему стоял белый пластиковый стол и стулья. За разбитым окном мигала вывеска, окрашивая нити дождя во все цвета радуги.

- Иногда они возвращаются, - пробормотал Термит, открывая канистру.

Он плеснул бензином на "мебель", на стену, в которую отлетели мозги Тройки, на пол. Резкий едкий запах смешался с влажным, чуть отдающим плесенью, воздухом.

Термит зашвырнул пустую канистру в угол и закурил сигарету.

Он стоял перед разбитым окном и смотрел, как капли дождя на мгновение отражают свет рекламы и падают вниз, в черную пустоту. Сизый дым клубами застывал в воздухе, напоминая спящее привидение.

А потом загудело, зарокотало коптящее пламя, облизывая оранжевым шершавым языком стены и потолок. Стул, на котором Тройка сидел в последний раз, расплавился и растекся по полу бесформенной лужей.

Закрыв рукавом рот и нос, Термит спустился по лестнице. Взял зонт и побежал к остановке, ни разу не оглянувшись на высотку, на одиннадцатом этаже которой пылал огонь.

Дождь барабанил по подоконнику, и подсвеченные фонарем струи воды стекали по оконным стеклам. Термит лежал в кровати. Он выпил остатки водки и таблетку аспирина. Его знобило. Во рту было горько, от брошенной посреди комнаты

одежды воняло бензином.

Находясь между явью и сном, Термит слушал стук капель. И струящиеся по стеклу потоки казались ему прозрачными руками, которые налегают упруго и сильно на стены человеческих жилищ, чтобы однажды обрушить их, и тогда вода прорвется внутрь и будет дождь, только дождь и ничего кроме дождя.

11. Хвост

Тройка ему так и не приснился.

Тем не менее наутро Термит проснулся совершенно разбитым. Промахнулся по кнопке будильника и зарычал на проклятый прибор как зверь. Кое-как отрубил навязчивые трели.

Голова болела, глаза будто всю ночь терли наждаком.

Подумав, Термит позвонил на работу и сказал, что не придет. Выслушал ответный выговор. Швырнул телефон на пол и снова зарылся в подушки.

Второй раз он проснулся к полудню и чувствовал себя уже куда лучше. Заварил крепкого кофе, пожарил яичницу-глазунью. Поел, просматривая новости об Охотнике в Интернете. Сейчас они уже не вызвали восторга и гордости. Появились целые сайты, где люди давали неведомому хакеру душ советы, кого и как исправить. Начиная от президента и заканчивая соседской собакой.

Позевывая, Термит вышел из дому и отправился к киоску поблизости. Небо было белесо-серым, как рыбье брюхо, но пролиться дождем не торопилось. Асфальт еще не просох после недавнего ливня, в лужах отражались зыбкие очертания людей и зданий.

Термит купил пачку сигарет. В тот момент когда он ссыпал в карман сдачу, возникло странное, неприятное ощущение пристального взгляда в спину. Будто кто-то сверлит дрелью между лопаток.

Термит осторожно огляделся. Никаких подозрительных людей поблизости не было. Однако ощущение взгляда сделалось лишь сильнее.

Улицы спального района в это время дня были почти безлюдными. Возле киосков и у остановки монопоезда еще толклись какие-то подвыпившие граждане, ну а дальше начинался пустынный лабиринт. Высотки, общежития, все похожие друг на друга, только с разными граффити на серых стенах. Дворики, где скрипели, раскачиваясь, мокрые качели и блестели втоптанные в землю крышки от пивных бутылок. Термит то брел, то почти бежал. Неведомый наблюдатель не отступал.

Пройдя зигзагами два квартала, Термит заскочил в супермаркет. В раздумьях завис в отделе, где продавался

алкоголь. Ощупывая взглядом бурбон и бакарди, прошел вдоль стеллажей. Перед окном были составлены пирамидкой бутылки дешевого вина. Термит посмотрел на просвет. Перед магазином напряженно застыла темная фигура в плаще и с зонтом. Лица человека не было видно, но Термит мог поспорить, что тот пристально наблюдает за алкогольным отделом.

На горлышках бутылок жарко горела золотая фольга. Даже дешевое пойло - спирт плюс компот - выглядело презентабельно. Термит рассеянно посмотрелся в зеркало. В свете специальных лампочек его невыспавшаяся рожа выглядела вполне свежо. Что поделаешь, бизнес: в супермаркетах освещение всегда розоватое или слегка оранжевое, как правило, немного искажающее реальность в лучшую сторону.

Термит нахмурился и взъерошил волосы. Он решительно взял бутылку водки и пошел к кассе.

Когда перед ним услужливо раскрылись стеклянные двери, человек перед магазином уже исчез. Не утруждая себя его поисками, Термит свернул в проулок. Ощущение сверлящего взгляда вернулось. Стена справа принадлежала магазину, слева - общежитию. Обе они были глухие. Пустынное, очень укромное место.

Термит дошел до середины проулка. Встал, облокотившись о стену. Закрыл глаза. Было тихо, только со стороны общежития доносились невнятные обрывки музыки. Ничего не происходило. Соглядатай не спешил приступать к активным действиям.

Демонстративно открыв бутылку, Термит выдохнул и глотнул из горла. Пить особо не хотелось, поэтому он преспокойно расплескал большую часть. Холодный ручеек потек по подбородку. Утершись, Термит с хриплым ругательством швырнул полупустую бутылку в противоположную стену. Брызнули осколки и остатки жидкости.

Прижав ладони к лицу, Термит сполз спиной по кирпичам, усевшись на корточки. Резко пахло спиртом и недавним дождем.

"Ну что хватит тебе? Или продолжим шоу?"

Поднявшись, Термит побрел дальше. Он был почти уверен, что на выходе из проулка его остановят - но этого не случилось.

"Ладно. Черт с вами".

Продолжая играть роль человека нервного и чем-то удрученного, Термит сел на поезд и добрался до центра. Там он полчаса послонялся по магазинам, а потом, устав, купил билет в кино.

Показывали военный фильм. Динамики завывали, кресла тряслись. В какой-то момент невыспавшегося и слегка пьяного Термита даже немного укачало. Прикрыв глаза, он смотрел сквозь

ресницы на вспышки взрывов. В его голове каждая из них отдавалась всплеском боли.

"И почему считается, что нано-фильмы хуже?"

В фойе после сеанса, вроде бы, опять мелькнула известная фигура. Термит умылся холодной водой в туалете и вышел на улицу. Там его подхватила вечерняя толпа.

Бесконечный поток людей двигался от офисов к остановкам, от супермаркетов к бутикам, от баров к клубам. Будто невидимые стенки исполинского кишечника проталкивают пищу-толпу все дальше и дальше. Необходимые остановки в полостях, чтобы смешаться и пропитаться кислотой и желчью, а потом, все быстрее, зигзагами вперед. И когда, наконец, все эти заведения по дороге выпьют из тебя им причитающееся - ты, как и положено, превращаешься в дерьмо.

Витрины блистали огнями, сияли фары роскошных автомобилей. В воде луж догоняли друг друга золотые и пурпурные блики. У клуба девочки в корсетах и кружевном белье безуспешно щелкали пустой зажигалкой. Термит дал им прикурить и, не говоря ни слова, побрел дальше, увлекаемый толпой. Под бигбродом играл на саксофоне оборванный музыкант. Какой-то парень двигался, удерживая на голове футбольный мяч, его приятель снимал это на телефон. Пахло дорогими духами и табачным дымом.

Термиту уже не нужно было играть нервозность. Теперь он на самом деле чувствовал себя здесь чужим, одиноким и неприкаянным. Он уже повернул к остановке монопоезда, собираясь ехать домой, как перед ним остановилась замызганная "фортуна". Из машины вылезли двое мужчин в строгих костюмах и при галстуках. Нежно взяв Термита в "клещи", они повели его к автомобилю.

- Пожалуйста, проедемте с нами.

- Какого хрена?..

Удар под ребра:

- Тихо! Вопросы не тебе задавать.

Они усадили его на заднее сиденье машины, сами расположились по бокам. Термит - ради правдоподобия выбранной роли - пару раз обратился к ним с вопросами, кто они такие и куда его везут. Ответов, естественно, не получил. Успокоившись на этом, он откинулся на спинку сиденья и стал наблюдать за своими похитителями.

Оба были лет сорока, в дорогих костюмах - однако слишком подтянутые и спортивные, чтобы спутать их с простыми бизнесменами. Их возраст, одежда, уверенная и холодноватая манера держаться - все это позволяло сделать вывод, что в

синдикате они отнюдь не шестерки. Не руководители, конечно же, но и не команда тупых исполнителей. Один все время щурился, видимо, был близорук. Именно он говорил с Термитом и, вероятно, являлся предводителем этой тройки. Второй, несмотря на в целом приличный вид преуспевающего предпринимателя, мог похвастаться немалым количеством шрамов на руках и лице, а также белыми, как первосортный кокаин, висками. Водителя же Термит мог видеть только со спины. И спина эта была весьма широкая.

"Фортуна" медленно выбралась из центра на трассу, но там водитель поддал газу. Мотор работал тихо и четко, наверняка он был форсированным и стоил не меньше, чем двигатель какого-нибудь спорткара.

Термит отрешенно наблюдал, как мелькают за окном дома и деревья. Скоро "фортуна" выбралась на кольцевую дорогу, и высотки уступили место одноэтажным домикам, а потом и вовсе - полям и перелескам с встречающимися порой фабричными комплексами. В густых сумерках отличить природное от искусственного удавалось лишь по очертаниям: закругленные и плавные принадлежали кустам и деревьям, угловатые - зданиям.

"Фортуна" остановилась в поле, рядом с затянутым ряской прудом. Чуть дальше виднелись фабричные цеха.

- Вылезай.

"Близорукий" придержал дверцу, пока Термит выкарабкивался из автомобиля.

- Идем.

Сам пошел впереди, "седой" и водитель замыкали шествие, как конвоиры. Они пересекли площадку перед фабрикой, обогнули здание администрации и через боковой вход проникли на склад. В центре просторного зала замерли несколько автопогрузчиков, у стен высились штабели ящиков с фруктами.

"Седой" запер лязгнувшую железом дверь, а остальные двое оттеснили Термита в угол. "Близорукий" задумчиво взял апельсин из ящика, подбросил. Из-за долгого лежания в таре фрукт приобрел почти квадратные очертания. Когда мужчина уронил его на бетонный пол, он даже не покатился.

Свет галогеновых ламп отразился от гладкого ствола пистолета. "Близорукий" прицелился.

Термит выматерился про себя. Он и не думал, что его решат просто убрать, без вопросов.

- Стой смирно, не дергайся.

"Значит все-таки будут говорить".

- Мы из корпорации "Войд", думаю, ты уже догадался об этом.

- А, все-таки достали меня.

- Ты - Андрей Зарецкий, работаешь тестировщиком нанофильмов в "Иллюзиях", заканчивал университет в одном потоке с Алексеем Котовым и Игорем Троицким, более известным как Тройка.

Термит спокойно слушал. "Седой", будто невзначай, тоже достал пушку.

- Не так давно Котов попросил тебя об услуге, сопровождать его на встречу с агентом промшпионажа, которым оказался ваш общий знакомый Тройка. Вскорости после этой встречи он исчез. Мы обследовали дом, где вы встречались. Обнаружили следы всех троих, а помимо этого - кровь Тройки на стене. И совсем недавно наши камеры зафиксировали человека, который вернулся туда и устроил поджог.

Термит простовато улыбнулся, всем своим видом говоря "да уж, прищучили вы меня, ничего не скажешь":

- Что ж не буду увиливать. Да, это был я. Решил избавиться от улик - поздновато спохватился, конечно.

- Говори. Чем больше ты расскажешь - тем легче умрешь.

Термит мысленно расхохотался.

- Да, мы убили Тройку. Точнее, Котов убил. Он прострелил этому ублюдку голову, да так, что мозги на стенку вылетели. А я помогал прятать труп.

- Понятно.

- Вам не интересно, почему мы это сделали?

- Мы догадываемся... Ваш друг получил место Тройки в синдикате.

- Это побочный эффект, - он улыбнулся. - На самом деле это было возмездие... А вашей организации мы, на самом деле, оказали услугу.

- Вот как?

- Во время нашей учебы Тройка был связан с картелями. Он торговал "гюрзой"... и подставил одного нашего друга.

- Тройка был чист! Организация внимательно проверяет досье каждого.

- Значит, недостаточно внимательно! - заорал Термит, подаваясь вперед.

Холодное дуло пистолета коснулось его лба.

- Успокойся.

- Да ты ж меня пристрелить хочешь, как же мне быть спокойным?

- Жора, передай информацию в центр. Пусть проверят Тройку. А ты, - он ударил стволом Термита по виску, - рассказывай, что вы сделали с трупом.

- Скинули в канал.

- Понятно.

"Близорукий" постоял, качаясь на каблуках и потирая переносицу.

- Кончать его или подождем инфу? - спросил "седой".

- Подождем. Заприте-ка его в контейнере покамест.

- Эй, мне завтра на работу! Я сегодня и так прогулял!

- Возможно, им придется привыкнуть обходиться без тебя...

- Ну ладно, тогда хотя бы не говорите Котову, что я его сдал!

12. Фирма

Подгоняемый своими конвоирами, Термит легкой рысцой пробежал по узкому коридору между двумя цехами. Лампочки тут горели тусклые, экономии ради. На станах висели плакаты о технике безопасности, хотя в полумраке их невозможно было разглядеть.

- Стой! Здесь идем медленно - скользко.

Они вошли в небольшую комнату, где на открытых стеллажах стояло множество резиновых сапог. Перелезли через барьер, за которым, судя по ядовито-зеленой надписи, начиналась зона особой гигиены.

Во втором "предбаннике" лежали запечатанные в пластик белые халаты, на полках валялись разноцветные шлемы с наушниками. На двери, ведущей в цех производства, огромный плакат гласил, что работникам запрещено находиться на территории, не закрыв уши защитой.

- Да, кричать тут бесполезно, - сказал "близорукий", увидев, как Термит пялится на плакат. - Вперед!

В цехе было холодно. Видимо, там поддерживалась пониженная температура, чтобы не портились продукты. Бетонный пол недавно вымыли, он блестел от влаги и действительно оказался довольно скользким. Сверкали железом непонятные агрегаты, наверху сплетались трубы и металлические мостки. В дальнем конце огромного помещения были составлены тележки с нарезанными овощами и фруктами. Паприка и помидоры, лук и кукуруза, яблоки и лимоны - все вместе это выглядело огромной цветной мозаикой.

Термита провели к стенке под одним из автоматов. Конвейерная лента спускалась вниз и исчезала в окошке, соединявшем цех производства с цехом упаковки. Все трое пролезли под ней и оказались в закутке между стальными лапами-стойками автомата и большим контейнером у стены.

- Вытяни руки вперед.

Термит послушался, и "близорукий" защелкнул на его запястьях наручники. Цепляясь за углы и рейки автомата все трое залезли на высоту контейнера. Подталкиваемый конвоирами,

Термит спрыгнул вниз. Ударился коленом. Выругался.

- Отдыхай тут. Как только из центра дадут инфу, мы тебя заберем, - сказал "близорукий".

- Вот, держи, чтоб не замерз!

"Седой" скинул ему несколько упаковок с халатами.

Лязгнула крышка, проскрипел, закрываясь, замок.

Сначала в щели наверху еще проникал слабый свет, потом, когда парни из синдиката вышли, он погас, и в контейнере стало темно, хоть глаз выколи. Приторно и едко пахло сгнившей черешней.

Термит зубами и ногтями разорвал пластик и устроил себе постель из халатов.

Его разбудил грохот механизмов. За стальной стенкой контейнера клацало, жужжало, стрекотало, билось металлом о металл. За этим шумом людских голосов не было и не могло быть слышно.

Собственная одежда Термита и халаты отсырели. Наручники казались ледяными. Чтобы согреться Термит завернул скованные руки в полу куртки.

Уверенность в том, что синдикат заглотил наживку и скоро будет у него на крючке, уже не грела. Ожидание привело к нервозности. Кроме того, хотелось есть и в туалет. Термит мрачно подумал, что сдохнуть в луже собственной мочи от голода в контейнере посреди рабочего цеха - презабавная концовка честолюбивых планов. Эталонный фэйл для истинного лузера.

Крышка наверху контейнера открылась неожиданно рано. Судя по звукам в цеху, рабочий день еще не закончился, а к Термиту уже спрыгнул "седой". На нем был зеленый шлем и белый халат с надписью "контролер" на груди.

- Давай руки.

"Седой" открыл наручники и небрежно сунул их в карман. Подобрав один из валявшихся на дне контейнера халатов, он заставил Термита надеть его, а потом помог выбраться наружу.

Суставы закоченели от долгой неподвижности и холода, поэтому Термит был весьма благодарен, когда "близорукий" наверху подал ему руку. Они пробрались под конвейером, по ленте которого сейчас потоком шли коробочки с нарезанным салатом. Все кругом грохотало и двигалось. Среди механизмов сновали люди в белых халатах и шлемах. Под ногами хрустели рассыпанные кусочки паприки и бусины зеленого горошка.

- Ты - был - прав! - проорал "близорукий" на ухо Термиту.

Они пошли к двери, но перед выходом задержались. Рядом одна из работниц мыла руки в дезинфицирующем растворе. Хлопья пены падали на и так скользкий пол.

Термита поддержали под локотки и заставили обернуться. Он, недоумевая, посмотрел на своих конвоиров, и "близорукий" взглядом указал ему на ближайший лифт.

Это была конструкция из четырех металлических столбов и сетки. Внутрь рабочие закатывали тележки, механизм поднимал их наверх, к потолку, где овощи высыпались в жерла конвейеров. Сейчас там медленно поднимался груз. Внизу стояла женщина в веселеньком желтом шлеме и тоже в халате с надписью "контролер". Ее светло-бежевые брюки промокли до колен, а сама она выглядела растерянной.

Тележка в лифте дошла до верха. Однако вместо того чтобы покатиться по рельсам над головами, накренилась в противоположную сторону. Кто-то почти бегом пронесся мимо женщины - Термит не заметил, как это произошло, но в следующий момент она, поскользнувшись, упала рядом с лифтом. А тележка, прорвав сетку, рухнула вниз. Звук удара металла о бетон слился с сырым чавканьем. На пол зеленым водопадом хлынули оливки. Полегчавшую тележку подбросило вверх, она подскочила и вновь упала чуть поодаль.

Раздавленное лицо женщины казалось заготовкой для томатного пюре, расколотый шлем выглядел, как цветок-украшение из яичного желтка. Ее халат стремительно менял цвет с белого на красный. Перемазанные в крови оливки катились по бетонному полу.

Визг работницы у умывальника оказался настолько громким, что на миг заглушил даже грохот цеховых автоматов.

Зажатый между "седым" и "близоруким", Термит был вынужден проследовать в комнату с халатами и шлемами. Тут они избавились от своих, просто покидав их на пол.

- Хочешь в туалет? По коридору налево.

Кивнув, Термит впереди своих конвоиров вошел в комнату с ботами, перелез через барьер и направился в комнату уединения.

В туалете резко пахло луком. Намыливая руки, Термит немного удивился, что они совсем не дрожат. Растер красные полосы от наручников, вытерся бумажным полотенцем. Подумал, а не попить ли воды из-под крана - но отвратительный запах удержал его от этой затеи.

Зато по пути к машине "близорукий" дал бутылочку тоника с хинином. Глотнув пенящуюся горько-сладкую жидкость, Термит немного взбодрился. Также он успел взглянуть на часы, блеснувшие на руке конвоира. Они показывали час дня, значит, в контейнере он просидел не так уж и долго.

Серый осенний день встретил их, швырнув в лицо пригоршню мороси. Над унылыми полями стоял зыбкий туман.

Поеживаясь, все трое уселись в салон "фортуны". И снова была долгая поездка по окраинам, мимо полей, перелесков и фабрик.

Город с его мокрыми вывесками, черными от влаги домами и нахохлившимися голубями все-таки выглядел повеселее. Отстояв в нескольких пробках, "фортуна" прорвалась к деловому центру и мягко встала у порога корпорации. Небоскреб "Войда" мощно вздымался к низким небесам. В его зеркальных боках отражался город, а несколько открытых окон походили на битые пиксели, искажающие изображение на гигантском древнем мониторе.

- Входи, босс тебя ждет. На правом лифте поднимись до сорокового этажа, - напутствовал "близорукий".

- Спасибо.

- Можешь звать меня Джонсмит.

- Хорошо.

Термит опустил голову, чтобы скрыть кривую усмешку. Он никогда прежде не встречался с этим человеком, но успел немного изучить его - впрочем, как и остальных низших координаторов синдиката. В паспорте, точнее, в одном из паспортов, Джонсмит имел фамилию Петров. Он всегда хорошо одевался, любил дорогие машины, тихие, но известные курорты и с криминалом связан почти не был. Более всего он походил на в меру удачливого бизнесмена из в меру хорошей семьи. Достаточно образованный и воспитанный, чтобы не поражать окружающих поступками нувориша, и в то же время сохранивший способность смотреть на вещи практически.

Собранные Термитом досье имели пробелы в самых неожиданных местах. Например, он понятия не имел, женат ли Джонсмит. С другой стороны, он немного изучил характер этого человека и даже знал его сокровенное желание.

Джонсмит принадлежал к той породе людей, которые предпочтут искать дыры в законе, а не нарушать его, или хотя бы сохранять видимость законопослушности. При встрече никто бы не сказал, что этот элегантный господин принадлежит к организации, которая не гнушается криминала.

Сейчас, когда Джонсмит, опершись бедром о стол, оценивающе смотрел на Термита, тот мысленно сунул ему в руку бокал с мартини, и в прозрачной жидкости плавала зеленая оливка, покрытая ржавыми брызгами крови. Пришлось вцепиться в подлокотники кожаного кресла, чтобы сдержать себя от удара.

- Не бойся, - Джонсмит по-своему расшифровал нервозность Термита. - Мы проверили твою информацию.

Пожалуй, именно природная благоразумность, умение не пересекать черту и мешали Джонсмиту осуществить его мечту.

Термит знал о ней от одного из биореакторов Дмитрича. Они немного выпили в хорошей компании, и тот поделился впечатлениями с вечеринки "Войда". Желания у большинства людей из синдиката были стандартные: секс, реже - кошмары, чтобы пощекотать нервы, еще реже - просто красивые видения. Но Петров-Джонсмит заказал то, о чем пьяный биореактор не мог рассказывать без смеха. Он хотел увидеть себя в кресле управляющего компанией, отдающего приказы, и президенты холдингов стояли перед ним, вытянувшись в струнку, и министры спрашивали совета. Иллюзия власти, сладкая и пустая, как сахарная вата.

- Тройка действительно сотрудничал с картелями. Влюбленная дура из отдела статистики помогла исправить его досье...

- Я видел, как вы исправили ее саму на фабрике.

- Да?

- Ей на голову уронили тележку с оливками. Лицо - всмятку...

Джонсмит всплеснул руками, заставив Термита замолчать.

- Значит, ты понимаешь, что нельзя идти против синдиката. Особенно тебе и твоему приятелю, ведь на вас остается убийство.

- Понимаю.

- Теперь тебе придется быть очень лояльным и исполнять все, что я прикажу.

- Да. Конечно.

"Да, я буду твоей шестеркой, придурок. Маленьким болтиком в механизме синдиката. По крайней мере так тебе будет казаться".

- Очень хорошо. Ты работаешь тестировщиком нано-фильмов, это весьма полезная для нас профессия. Я скажу, чтобы тебя отвели к специалистам, которым ты будешь помогать.

Термит кивнул, стараясь не выдать своего торжества.

"Здравствуйте, я беззащитный подопытный кролик! Покажите мне вашу секретную лабораторию!"

13. Скрипторий

Следуя инструкциям Джонсмита, Термит вошел в лифт и нажал на кнопку, обозначенную буквой "С". Он понятия не имел, какой это этаж.

Кабина с багровым ковром на полу и зеркальными стенами больше всего напоминала лифт какого-нибудь роскошного отеля. Кнопки светились синим, экран над ними оставался матово-черным, как окно в пустоту. Обычно на нем высвечивались этажи, мимо которых проезжал лифт, - но не в этот раз.

Термит, застыв посредине кабины, терпеливо ждал. Он чувствовал, что поднимается, причем с большой скоростью. Ему

было немного не по себе, а когда лифт резко остановился, не торопясь открывать двери, в голове снова встал образ женщины с раздавленной головой. Синдикату не обязательно убивать. К их услугам множество удобных возможностей для несчастного случая.

Пальцы Термита коснулись кнопки вызова диспетчерской, погладили выпуклый рисунок.

Лифт дернулся и снова пришел в движение. Но на этот раз в горизонтальной плоскости. Он проехал влево и остановился. Прислушавшись, Термит уловил шорохи и скрежет наверху, видимо, там автоматически цеплялись новые тросы. Через несколько минут лифт продолжил путь наверх и выпустил Термита в полутемном коридоре.

Пол и стены здесь были покрыты слоем светло-серого пластика, как в общественных поликлиниках. О них же напоминал и резкий химический запах. Термит прошел по коридору и заглянул в первую попавшуюся комнату.

В густой, почти осязаемой темноте плавали светящиеся зеленым и желтым структуры матриц. Интерактивные пространственные схемы предназначались для упрощения работы скрипторов, но выглядели как произведения искусства. Модели молекул кружились в воздухе, завивались в спирали и снова расслаблялись, становясь аморфным переплетением светящихся нитей. Было слышно приглушенное гудение проектора.

- Ты кто такой? И что здесь делаешь, а? - раздался голос сзади.

Термит обернулся и увидел девушку. Она стояла, сунув руки в карманы синего халата, местами прожженного кислотой. Ее светло-серые глаза смотрели с такой неприязнью, будто хотели проделать в собеседнике дыры больше, чем в пресловутом халате. Металлизированные волосы отражали свет проекций и светились желто-зеленым, создавая над головой девушки зловещий нимб.

- Я ваш новый тестер. Джонсмит прислал.

- А... Подопытный кролик.

- Именно.

Термит ухмыльнулся, и девушка неожиданно на эту ухмылку ответила.

- Я Катя, - она протянула руку.

- Я Андрей. Хотя можешь звать меня и по кликухе - Термит.

- Термиты, это типа муравьев? Мелкие насекомые такие.

- Да.

"Правда, кликуха к тем термитам отношения не имеет".

- И чем ты, Термит, вообще в жизни занимаешься? В смысле, где работаешь? Кроме "Войда".

- Продаю свое тело.

- И много желающих?

- Корпорация "Иллюзии" в основном. Я тестирую для них нано-фильмы.

- А, это хорошо. Значит, ты хоть немного будешь подготовлен.

- У вас сложные импульсы?

- Своеобразные. Пойдем, наш оптимизатор даст тебе что-нибудь на задание. Если, конечно, не передумал и не хочешь убежать отсюда.

- Я не могу передумать и убежать.

- Понятно. Что ж, надеюсь, он по крайней мере поставит тебе отлаженную вещь. Я как-то залезла в его картотеку - кое-что из его творений действует похлеще ЛСД.

- Что ж, значит, у меня есть шанс схватить кайф...

Она кивнула, разбрызгивая зеленые и желтые блики, взяла Термита за руку и потащила его дальше по коридору. За поворотом их ждал зал скриптория.

Крохотные окна под потолком были наглухо задраены и закрыты жестяными шторами. В уютном полумраке светились мониторы компьютеров, на экране осциллографа мерцал овал. За столами, как темные призраки монахов-переписчиков, сгорбились скрипторы.

Оттолкнувшись ногами от стола, один из них проехал через полкомнаты на офисном стуле и остановился прямо напротив Термита и Кати.

- Это наш новый боец? Пополнение пушечного мяса?

- Он профессиональный тестер, - сказала Катя.

В глазах скриптора появился нездоровый блеск:

- Отличненько, то есть я могу не тратить время на объяснения и подготовительные пробы. Впрочем, я и с другими этим не занимался, хе-хе. Если человек - мудак, значит, на роду ему написано кончить жизнь в психушке, пуская слюни изо рта. Верно я говорю?

Все промолчали. Скриптор вскочил, схватил Термита за плечи, обдав едким запахом сгоревшей проводки.

- Пойдем. Как тебя зовут, кстати?

- Андрей. Но можно - Термит.

- Я Нинген. Пойдем.

Термит позволил себя увести в небольшую, прилегающую к скрипторию, комнатку. Как и в аналогичной лаборатории "Илюжнс Инкорпорейтед" посредине тут возвышался "гроб", а под потолком и у стен виднелось множество мониторов и датчиков.

- Хм, что бы тебе поставить для начала? - скриптор подошел к терминалу у двери и стал рыться в электронном каталоге.

Термит снял куртку и расстегнул провонявшую потом и овощами рубашку. Он стоял лицом к скриптору, что выглядело совершенно естественно, и мог краем глаза заглянуть в файлы. На таком расстоянии прочитать текст не представлялось возможным, однако Термит успел кое-что понять о структуре картотеки. А самое главное - он видел, пусть и со спины, как Нинген набирал пароль.

- Вот! Это подойдет!

Термит улегся в "гроб", подставил вену под укол автошприца и принялся ждать. Памятуя о словах Кати, он старался гнать от себя страх и тревогу. Если войти в специфический импульс в состоянии стресса, слишком сильно повышаются шансы на то, что выйдешь из него уже слабоумным.

Холод обрушился неожиданно. Казалось, мышцы и кости становятся одним прозрачным куском льда. Замерзшие легкие пару раз раскрылись при вдохе, а потом замерли. Термит напряг гортань, пытаясь заглотнуть хоть немного кислорода - тщетно.

Он лежал в полной темноте, скованный холодом, и мысли медленно захватывала идея о неизбежной смерти. Пусть холод на самом деле лишь иллюзия, созданная проклятыми нано-структурами, но его тело реагирует на это фантомное состояние как на настоящее. А значит, очень скоро, когда в мозг не поступит должной порции кислорода, он отключится,. И тогда его или реанимируют, если скрипторам еще нужен тестер, или оставят подыхать, если большой нужды в новом работнике нет.

"Дыши, дыши, дыши, мать твою!"

Термит мысленно орал, но вдохнуть не мог. Еще ни одному человеку не удалось побороть действие импульса или слепка. Химические реакции и электронные сигналы всегда оказывались сильнее настоящих чувств.

Воздух, вдруг прорвавшийся по трахее, оказался колючим. Он пах железом, и казалось, что пытаешься затолкнуть в легкие связку сюрикенов. Но Термит дышал, тщательно, старательно и размеренно. С каждым вдохом чернота перед глазами таяла, уступая место глубокому закатно-желтому небу и красным скалам. Придя в себя, Термит понял, что стоит на вершине "столовой горы": на выветренной каменной колонне с плоским верхом и крутыми, отвесными краями. На лице чувствовалось тепло солнца, легкий ветерок ощутимо ерошил волосы. Термит наклонился и увидел пару запыленных сапог, в которые были обуты его ноги. Попробовал шагнуть правой - вышло. Сплюнул - отдающая железом слюна шлепнулась на камни.

"Да, исполнение и синхронизация отличные. Только..."

Термит не успел додумать мысль, как неведомая сила

потащила его к краю горной вершины. Тело послушной марионеткой пробежало весь путь и встало у обрыва. Внизу кружились черные птицы, отсюда похожие просто на клочки черной тряпки, подхваченные ветром.

При всем желании Термит не смог отойти назад. Его глаза против его воли внимательно рассмотрели каменистую пустыню внизу. Гигантское расстояние от вершины до подножия тянуло. Пустота звала к себе, в падение. И когда черные птицы по крутой спирали взмыли вверх, Термит захотел закричать. Но и этого он сделать не мог. Его рвануло навстречу птицам. Навстречу земле.

Перья хлестнули по лицу ударом бича. Из глаз потекли слезы. Они срывались с ресниц и падали в пустыню, как и Термит. А он испытывал ужас и восхищение одновременно. Страх смерти леденил сердце, но огромное небо, ветер бьющий в лицо - это было прекрасно.

Земля дернулась навстречу и приняла Термита в свои жесткие, жаркие и пыльные объятия. Он чувствовал, как кости ломаются от этой ласки, как рвутся сосуды и сухожилия, как лопаются органы. Смерть не стала концом. Термит смотрел - внутренним взором? - на выпавшие из глазниц глазные яблоки, раздавленные, в кровоподтеках, и метался от желания завыть к желанию рассмеяться. Ни того ни другого сделать он не мог.

Его перемалывало агонией целую вечность. Он уже верил, что нет на свете ничего, кроме этой пустыни и его разбитого тела посредине.

Термит открыл глаза и увидел ползущие столбцы чисел и линии графиков на экранах датчиков. Он увидел лицо Кати над собой и смутную фигуру скриптора в дальнем углу комнаты. Слух еще не вернулся, на зубах хрустела фантомная пыль.

В руках Кати блеснул шприц. Она проворно ввела его содержимое в вену, и только тогда Термит внезапно вспомнил, что вот он - реальный мир.

- Да живой этот тестер, живой! Зыркалами-то, вон, моргает! - голос, несомненно принадлежал Нингену.

- Мне по закону о защите прав работников положен отдых! - не слишком внятно сказал Термит.

- Ты в сознании! - обрадовалась Катя.

Скриптор тут же отстранил ее рукой.

- А ну что, прошел импульс? Нормально себя чувствуешь?

- Да ничего.

- Ну и как тебе вещица? Хорошенько трахнула твои мозги, а?

- Синхронизация на высоте, техническая часть тоже. Но, как тестер нано-фильмов, не могу не сделать замечание по сюжету. Весь импульс тщательно создает ощущение симуляции реального

тела. Но в концовке какого-то дьявола вид остается из глазниц, из глазниц, где уже нет глаз.

Скриптор раздраженно фыркнул:

- Это несущественно.

- Несущественно, если ты хотел создать комедию. Я же смотрел на валяющиеся рядом с моим телом мои же глаза и ужасно хотел ржать!

За спиной скриптора кто-то рассмеялся:

- А ведь и правда, треш-комедия вышла. Хоть кто-то и замахнулся на симуляцию Ада.

- Заткнись, - зло бросил Нинген. - Всем остальным она показалась не такой уж и смешной.

Бормоча себе что-то под нос, он скрылся в полумраке скриптория.

Термит попробовал сесть, но головокружение заставило его снова упасть на дно "гроба".

- Не вставай пока, отдохни. - сказала Катя. - Раз уж ты импульс Нингена выдержал, тебе что-нибудь и более важное дадут. Оно тоже неприятное, но не настолько. А сегодня полежи, заполни анкету и иди домой. Мы тебя сами вызовем, когда нужно будет.

- Ладно. Спасибо, Катя.

- Да не за что.

Термит слышал, как она прошла по комнате. Потом хлопнула закрывающаяся дверь, и он остался один. В помещении с терминалом, который содержал картотеку Нингена.

Прижав ладони к вискам, Термит думал и вспоминал. Катя залезла в картотеку - то есть, взломала. Если она выкладывает это первому встречному, это не бог весть какое достижение, значит, хакерскую программу она для этого не использовала. Скорее всего, подсмотрела или угадала пароль. Нинген набирал его абсолютно не прячась, значит, могла подсмотреть. Но если скриптор относится к паролю так легкомысленно, сложным он быть не может. Цифровым блоком на клавиатуре он не пользовался. Судя по движением рук, пароль - не просто ряд последовательно расположенных букв. Наверняка это слово. Слово простое, которое Нинген легко может запомнить.

Термит выкарабкался из гроба. Его шатало из стороны в сторону, пока он шел к терминалу. Наконец он вцепился в клавиатуру. На монитор была выведена анкета, которую ему предстояло заполнить - видимо, Катя открыла ее перед уходом. Термит свернул окно анкеты и попробовал зайти в директорию каталога. На экране предсказуемо высветилось требование пароля.

"Нинген", ввел Термит.

Ошибка.

"Войд".

Ошибка.

"Пароль".

Принято!

Термит едва не расхохотался - уж где-где, а в скриптории синдиката он не ожидал обнаружить столь простой пассворд.

Он пролистнул папки и скоро нашел нужные схемы и формулы. Скачать информацию возможности не представлялось, пришлось использовать умыкнутые с письменного стола листок бумаги и ручку. Руки дрожали, из носа на записи капала кровь. Термит настороженно прислуживался, не скрипнет ли открываемая дверь, но было тихо. О тестере все забыли.

Перед глазами мелькали черные "мошки", и, кое-как закончив со схемами, Термит понял, что сейчас потеряет сознание. Трясущимися руками он сунул скомканный листок в карман джинсов, закрыл каталог и опустился на пол. Поднял ноги вверх, чтобы кровь быстрее прилила к мозгу. Поза была в высшей степени дурацкой - полуголый человек валяется перед терминалом, задрав наги. Однако она оправдала себя: слабость и головокружение быстро прошли. Термит заполнил анкету, оделся и вышел в скрипторий.

Нинген, что-то считавший на компьютере рядом, обернулся.

- Закончил?

- Да.

- Нормально себя чувствуешь?

Он положил руку Термиту на плечо и наклонился, участливо заглядывая в глаза.

- Да.

Скриптор продолжал смотреть.

- Все хорошо, правда.

Нинген усмехнулся, показав блеснувшие металлом зубы.

- Я знаю, импульс тяжелый. Пару дней отдыхай, мы не будем тебя тревожить.

- Ладно.

- Пойдем покурим?

Термит кивнул.

Они прошли через лабораторию, пересекли коридор и оказались перед узкой дверью с надписью "только для персонала". Скриптор толкнул ее. В отворившийся проем ворвался пахнущий дождем ветер. Пригнув голову, Термит вышел наружу.

Его ноги приросли к бетонной поверхности, сердце заколотилось так, что в груди стало больно.

Они стояли на одной из ступеней зиккурата. Внизу в серой дымке угадывался город - такой далекий и такой маленький отсюда. Осеннее небо цвета асфальта нависало над головой. А впереди была пустота, прошитая нитями дождя, зовущая, затягивающая.

Нинген протянул Термиту пачку сигарет, продолжая вглядываться в его лицо. Мелкая морось блестящим бисером оседала на темных волосах скриптора.

- Спасибо, - прохрипел Термит.

Его руки дрожали, когда он подносил сигарету ко рту, и он посмотрел на них с ненавистью. Механически наклонившись к огоньку зажигалки, втянул в легкие горький дым. Кончик сигареты зарделся как сигнальные огни на вершине зиккурата.

- Наверное, лучше пойти внутрь, - сказал скриптор с заботливостью, за которой явно чувствовалось зловещее удовлетворение.

- Нет, здесь хорошо, - Термит, вымученно улыбаясь, развел руками в стороны, - свежий воздух.

Он шагнул вперед, заставив себя подойти к краю. Скриптор взглянул почти обиженно, и Термит едва не расхохотался. Он стоял, чуть покачиваясь, а самому казалось, что уже падает. Ощущение полета не отпускало ни на миг.

Зажатая в зубах сигарета погасла, по лицу стекали капли дождя. Термит стоял на краю, вытянув руки в стороны, и, запрокинув голову, смотрел в небо. Будто надеясь, что притяжение свинцово-серых туч пересилит или его взгляд сыграет роль страховочного троса. Головокружение создавало иллюзию полета. На периферии зрения метались темные пятна-птицы: фантомы, созданные памятью и воображением. Порой Термиту чудилось, будто он слышит, как их крылья рассекают воздух. Передернув плечами, он выплюнул волглую сигарету. Сгорбился, прижав ладони к мокрому лицу.

- Пойдем? - донесся сзади голос скриптора.

- Да, - глухо ответил Термит. - Пойдем.

Отойти от края было неимоверно тяжело - будто его ноги успели врасти в бетон.

14. Обыденное

Парочка идиотов едет на машине. Они явно любят друг друга до соплей. Улыбочки друг другу, косые взгляды. На заднем сидении сидит их дочка в розовом пушистом свитере с плюшевым мишкой в руке. Родители пристегнуты ремнями безопасности, а она - нет. И когда машина резко тормозит из-за выскочившего на дорогу лося, начинается веселье. Девчонка летит вперед, вперед через лобовое стекло, осколки окрашиваются малиновым от ее

крови. Она падает на капот, вся в алых потеках. И обалдевшие родители, затаив дыхание, смотрят на ее труп. Поверх их изображений ползут черные буквы, как тараканы: "а ваши дети пристегнуты ремнями безопасности?"

Термит вздохнул. Социальная реклама всегда представлялась ему абсурдной, но этот ролик был хотя бы забавным в своей кровавости. Вот новости в последние дни становились все неинтереснее. Эпизод на Тисовой улице уже обсосали до косточек, как и случай на благотворительном вечере. Ни Мордред, ни полиция никак себя не проявляли. С одной стороны, это было хорошо - значит, Термит не допустил глупых ошибок. С другой, явно настало время действовать дальше, а он еще понятия не имел как, где и с кем провести следующую акцию.

В раздумьях он тупо смотрел на экран телевизора, где реклама сменилась криминальным сериалом.

"Если я хочу вынудить их защищаться, я должен действовать нагло и эффектно. Так, чтобы возникла настоящая истерия по изменениям личности. Забавные, конечно, существа люди. Драйверы делают из них полу-роботов, а они и рады..."

Тут во входную дверь громко и требовательно постучали. Одновременно нежданные гости нажали кнопку звонка, так что стук слился с назойливой трелью. Термит выключил звук на телевизоре и поплелся открывать.

- Кого тут черт принес?..

На лестничной площадке стояли полицейские. Две женщины и паренек. Термит оперся о стену. У него внезапно подкосились колени и перехватило дыхание. Сердце заколотилось со скоростью пулеметной очереди, бласт-бит пульса отдавался в ушах стеной звука. Старшая полицейская что-то сказала, но Термит не услышал. Он только видел, как движутся ее тонкие обветренные губы.

"Блин, почему?"

Не успел Термит опомниться, как одна из женщин проскользнула внутрь и обшарила комнату цепким взглядом. Вторая тоже рвалась войти, только паренек стоял позади на темной лестнице и виновато улыбался.

Термит пришел в себя и заступил путь женщине. Момент внезапного ужаса прошел, и наилучшей защитой показалось нападение.

- Какого хрена вы врываетесь? Ордер на обыск у вас есть?

- Когда вы видели последний раз вашего соседа из квартиры напротив?

- Позавчера, я за ним не слежу.

Женщина сделала попытку заглянуть на кухню.

- А что случилось-то?

- Ничего-ничего, - пробормотала она, убедившись, что сосед не прячется у холодильника.

Резко развернувшись на каблуках, она направилась к выходу. Вторая в это время достала из кармана отпечатанную на принтере визитку.

- Если он появится, позвоните нам, пожалуйста.

- А что случилось-то? Он что, свою девку убил в конце концов?

Обе женщины смерили его осуждающими взглядами, старшая нахмурилась и сказала:

- Он ей угрожал. А вы что, не видели - она беременная. Она была вынуждена выпрыгнуть из-за него в окно!

- Бедняжка...

Взгляды женщин смягчились.

- Вы, как видно, человек приличный, интеллигентный, присмотрите за ней!

"Делать мне больше нечего, только со шлюхами возиться."

- Обязательно.

- И позвоните, если появится он.

- Непременно!

Раскланиваясь и улыбаясь, Термит выпроводил полицейских и закрыл дверь.

"Ах, ну конечно же. Какой я параноик. Эти идиоты никогда, никогда бы не смогли вычислить меня - великого и ужасного Охотника!"

Термит устроился с напитком перед телевизором. Щелкнул кнопкой пульта.

- Сегодня утром произошло землетрясение в Японии силой шесть баллов по шкале Рихтера; конгресс гринписовцев закончился ничем; известная топ-модель подала в суд на пластического хирурга...

Трель звонка прервала новостной дайджест.

Термит выругался и поплелся открывать.

На пороге, поддерживаемая с двух сторон полицейскими, стояла соседка. На ней был старый спортивный костюм, короткие черные волосы растрепались, покрасневшие глаза моргали, смахивая остатки слез.

- Вот, - сказала старшая из полицейских. - Она не может оставаться в квартире, ее дружок забрал ключи. Пусть она побудет пока у вас, ладно?

Термит пожал плечами и отошел, пропуская соседку в квартиру.

- Спасибо. Присматривайте за ней.

- Угу, - буркнул он и захлопнул дверь.

Соседка уже прошла в комнату и уселась в кресло перед телевизором. Термит молча сел на застеленную кровать.

- Спасибо, - сказала девчонка. - Представь, этот урод мой паспорт порвал. И саму хотел ножом порезать. Напился, козел...

"Так какого черта ты с ним живешь, дура?" - подумал Термит, но вслух сказал:

- Заходи, телевизор посмотрим.

Она устроилась на краешке дивана, маленькая, несмотря на огромный живот, и очень несчастная. Термит, вздохнув, накинул ей на плечи плед и придвинул вазочку с карамельками. Соседка благодарно кивнула и уставилась в телевизор, будто надеясь найти в нем спасение от всех ужасов.

- ...пресловутый Охотник - просто маньяк. Как и все такие преступники, он одержим одной идеей: идеей власти над другими людьми. Наша задача - показать ему и таким, как он, что наше общество этого не потерпит. И полная коррекция личности станет логичным исходом его пути. Я лично готов финансировать его поимку, - говорил доктор Воленский, профессионально улыбаясь в камеру.

"Заткнись, сука!"

Термит щелкнул пультом. На другом канале показывали новости без Воленского. Смотреть их оказалось невозможно: соседка ими ничуть не заинтересовалась и как-то уж слишком кокетливо рассматривала конфеты, бросая наивно-пошлые взгляды через плечо. Термит вздохнул. Он переключал каналы, пока не попал на какую-то романтическую комедию, которая, как ему подумалось, заинтриговала соседку. Сам он сосредоточиться на фильме не мог. Думал о синдикате, о полиции, о Воленском, и мысли эти были тяжелыми, словно гири.

Из забытья его вывел очередной звонок.

- Да что ж за день такой?

Он вышел в коридор, открыл замок и только тогда подумал, что это может быть сосед, и стоило взять хотя бы нож. Напружинившись, Термит резко распахнул дверь - так, чтобы можно было хорошенько двинуть ею вошедшего, если возникнет нужда.

На пороге стояла Анна.

- Ты?

Она лишь улыбнулась и прошла в комнату мимо него. По ее походке было видно, что женщина настроилась на романтический вечер.

- Слушай...

Анна и глазом не моргнула, увидев соседку, только походка

ее изменилась, из почти кошачьей став обыкновенной.

- Это моя соседка. Представляешь, я защищаю ее по приказу полиции. Ее парень...

Беременная вскочила, прижимая плед к груди. Ее глаза блестели - ей-то ситуация казалась, скорее, забавной. Но нужда пожаловаться пересилила остальные чувства, и бедняжка, шмыгнув носом, заговорила:

- Я на самом деле просто соседка. Мой парень, козел, нажрался водяры, я в магазин за хлебом ходила, а он - где ты шляешься, сучка. Думала, убьет...

- Смотри телевизор, сейчас и чаю попьем, пусть Андрей расщедрится, - остановила Анна поток откровений. - Я в ванную схожу, руки помыть.

Она бесшумно встала и вышла в коридор. Под ее сапогами на каблуках не скрипнула ни одна половица.

Термит вздохнул. Если бы не брюхатая соседка-дура, этот вечер мог бы быть совсем другим. Он безотчетно потянулся за сигаретами, но, взглянув на выпирающий живот соседки отложил пачку.

- Слушайте, - все тем же заискивающим голосом произнесла она, - дайте мне сигаретку, а? А то у меня стресс после всего, покурить бы...

- Что?!

Он выплюнул это слово с такой агрессией, что соседка испуганно замолчала. Термит швырнул сигареты через всю комнату на подоконник. А потом подумал, что зря. Младенец соседки из тех, кто обречен уже с самого рождения. Эта глупая залетевшая девочка вынуждена работать на фабрике и, как большинство из ее круга, будет стоять у конвейера до шести-восьми месяцев в надежде получить материнское пособие побольше. Она, конечно же, никогда не уйдет от возлюбленного-урода, и после родов он все так же будет называть ее шлюхой. А напившись, вероятно, начнет размышлять, его ли ребенок. И не исключено, что в один день мозги ребенка окажутся на стене, или он умрет в колыбели от голода, забытый. Что значат в таком случае несчастные несколько капель никотина?!

- Пойду, поставлю еще воды, - сказал Термит и пошел на кухню.

В ванной было тихо, наверное, Анна красилась у зеркала.

На стенках чайника виднелась корка накипи. Наливая воду, Термит подумал, что давно пора бы его почистить. И купить нового чаю, а то всего пять пакетиков осталось. Из полупустой картонной коробки приятно пахло бергамотом, и это несколько сгладило депрессивное настроение вечера.

Поставив чайник на огонь, Термит пошел назад. Он решил забрать сигареты и таки покурить на кухне, оставив соседку наедине с ее глупыми печалями и дурацкими бедами. Но до комнаты не дошел...

Дверь ванной приоткрылась, когда он проходил мимо, и быстрые руки Анны втянули его внутрь. Она действительно накрасилась: использовала тушь и подвела глаза. Теперь, обведенные черным, они выглядели огромными и глубокими, когда она, облокотившись о край ванны, смотрела на Термита.

И он вспомнил, как однажды, после очень бурно проведенных суток, он лежал на ней и смотрел в ее глаза. Радужка, плотным кольцом охватывающая темень зрачка, была зеленовато-каряя, с желтыми крапинками. В утреннем свете, наполненном сиянием восходящего солнца, эти точки казались золотыми и таинственно мерцающими, как будто через глаза Анны проступал космос. Термит сказал ей об этом, а она засмеялась и ответила, что ее глаза - болотного цвета, а он - наглый льстец.

Теперь он промолчал. Анна гладила и перебирала пальцами его волосы, откидывая пряди со лба. Он поймал ее руку и лизнул запястье, ощутив ее странный вкус, что-то среднее между соленым и терпким. И Термит наклонился к ней и провел кончиком языка от одной ключицы к другой. Анна вдохнула, порывисто и осторожно, пропуская свистящий воздух между зубов.

От этого ее вдоха сердце Термита зашлось в бешеном ритме, так же, как недавно при виде полицейских, которых он принял за слишком раннее и неожиданное возмездие. Он протянул руку и открыл кран. Струя воды хлынула в ванну, скрыв своим шумом дыхание любовников.

Термит почти вальсирующим движением прижался к Анне и развернул ее спиной к стенке. Там на крючках висели разноцветные полотенца. Когда он целовал ее волосы и виски и гладил ее плечи, полотенца попадали на них обоих, как призраки огромных радужных птиц. Анна, беззвучно смеясь, скинула с его головы оранжевое полотно.

"Я решил не делать этого... не встречаться с ней. И соседка в комнате. Чай на плите, ч-черт!"

Его руки медленно спускались от плеч к талии и по крутым бедрам ниже, вцепились в ткань, задирая юбку.

Термит прижался губами к уху Анны и прошептал:

- Мы должны это сделать быстрее, чем выкипит вода.

А полотенца все падали и падали.

"Люди привыкают ко всему. Привыкают даже к аду, отчаянию и отсутствию надежды. В моем детстве никого не удивляли ни

избиваемые беременные женщины, ни смерть двадцатилетних, ни курящие детсадовцы, ни одноклассницы-стриптизерши, ни нудная и бестолковая поножовщина у кабаков. И все они жили и смеялись, и радовались, и бездна в их душах хоть и смущала порой, но была привычной и терпимой. Человеку же из другого мира, такому как милый доктор Воленский эта привычная повседневность показалась бы медленной изощренной пыткой..."

Вечер из зловеще-депрессивного окончательно превратился в мирный. Телевизор тасовал кадры старого фильма, от чашек поднимался благоухающий бергамотом чай. Термит, расслабленный и удовлетворенный, сидел между двумя женщинами и думал о тепле, о сексе, о рождении и смерти. И о том, что знает, как Охотник поступит с Воленским.

15. Крылья

Овраг на окраине города - огромный, изогнутый, словно полое тело великого змея, - был одним из любимых мест шпаны, школьников и владельцев собак. Забавно, но этот достаточно разноплановый контингент уживался вполне мирно. Жертвы, конечно, бывали, но в основном среди групп своих. То юные бандиты устраивали поножовщину, то какой-нибудь прогульщик ломал ногу, упав с "тарзанки".

Самое большое количество трупов, однако, приходилось на самую малочисленную категорию - наркоманов. Место все-таки было открытое, поэтому долго тусоваться здесь они почти никогда не отваживались. Захаживали ширнуться по-быстрому среди кустов сирени и шиповника. Облюбованная ими площадка была усеяна пластиковыми шприцами. Заботливые хозяева Рексов и Джулек запрещали своим питомцам захаживать в наркоманский уголок, дабы не поранили лапы. Время от времени кому-нибудь из наркоманов продавали особо редкую дрянь, или кто-то дорывался до слишком большой дозы, или решал замутить коктейль из водочки и герыча. В итоге Рексы и Джульки начинали с интересом принюхиваться к волнующим запахам мертвечины, хозяева, ругаясь на чем свет стоит, вызывали ко всеобщему развлечению полицию, и мирная жизнь оврага продолжалась.

Это замечательное местечко не было безымянным - среди своих посетителей овраг был известен под звонким именем Спарнай. Так его называли в память о литовском ресторане, когда-то располагавшемся наверху.

Именно "на Спарнай" отправился Термит утром в субботу. Во внутреннем кармане его куртки лежал пенал со шприцом, заправленным только что приготовленной на кухне матрицей. В этот раз она была усовершенствована при помощи украденных в скриптории схем, по крайней мере Термит надеялся на это.

Невозможно с уверенностью прогнозировать, как поведет себя самопальный препарат.

Моросил навязчивый дождь, и, выйдя из монопоезда, Термит надвинул на лоб капюшон черного плаща, а нижнюю часть лица замотал шарфом. Теперь разглядеть черты его лица было невозможно.

Он прошел мимо насупленных старых домов и ступил на узкую тропинку, которая вела по краю оврага. Под кроссовками чавкала липкая грязь. Навстречу ему бодро пробежала девочка-подросток в армейских сапогах и оранжевом плаще, влекомая мокрым лабрадором. Пес на ходу махнул хвостом и ткнулся Термиту в руку, а тот посвистел вслед парочке.

Спускаться по размытой глинистой тропе оказалось непросто. Термит хватался за мокрые кусты сирени и жимолости, но все равно пару раз едва не шлепнулся в грязь. Оказавшись на дне оврага, он быстро пошел вперед, к тому месту, которое находилось дальше всего от домов и сильно заросло шиповником и порослью молодых осин. В глубине этого городского леса возвышалась старая ива. Площадка под ней была утоптана, в центре чернело пятно кострища. Среди потухших углей и головешек валялись закопченные бутылки из-под пива.

Термит пересек площадку и оказался на берегу маленького пруда - или большой лужи. К темной воде склонились ветви ивы, роняя листья при каждом порыве ветра. В центре виднелся островок из автомобильных шин, возле берега валялся перекошенный остов детской коляски. За прудом буйно разросся шиповник; именно за его колючей стеной и находилась территория нариков. Термит прислушался и уловил невнятные голоса. Довольно хмыкнул и, развернувшись, полез на иву.

Это дерево было любимым игровым снарядом для подростков. К одной из ветвей привязали тарзанку, а засохший сук, выступающий в сторону пруда, представлял собой удобнейшее сиденье. Конечно, в ясные дни. Сейчас дерево намокло под дождем, и Термит весь перемазался зеленым и коричневым пока лез. Он устроился поудобнее на суку и взглянул поверх шиповника. Ветки местами загораживали обзор, но все же со своего наблюдательного пункта Термит мог легко наблюдать за собравшимися на той стороне пруда наркоманами.

Их было четверо, все худые и оборванные. Двое вяло разговаривали, двое сидели на корточках в прострации. Деталей разговора Термит отсюда слышать не мог, но решил, что и вида ему вполне хватит. Он обхватил сук ногами и приготовился долго и муторно наблюдать.

В голову лезли мысли, но почему-то не о предстоящей работе,

даже не о ублюдке Воленском, а об Анне. Он вспоминал блеск ее глаз, запах ее тела, и повторял себе, что необходимо свести общение с этой женщиной к нулю. Это опасно для нее, а для него - втройне. Если кто-то и может почуять происходящие с ним подозрительные перемены, так это она.

Анна работала детектором лжи. Изо дня в день ей вкалывали слепки клиентов. Иногда преступников, иногда респектабельных военных и политиков, но чаще всего - корпоративных работников высшего уровня. Сначала им вводили матрицу и предлагали ответить на вопросы тестов, призванных утомить и запутать, а при удаче - проявить девиантность мышления. А потом Анне вкалывали порцию Ивана Ивановича или там Марии Петровны, и она методично рылась в образах, пытаясь выявить следы совершенных преступлений или склонность ко лжи и жестокости.

Анна никогда не покупала нано-короткометражки и редко смотрела трехмерные фильмы. Она предпочитала черно-белые старые ленты, лучше всего - немые.

Обычно она избегала общества, боясь, что из новых знакомых вдруг полезут явные сигналы того, что они успешно умудрялись скрывать от остальных людей: зависть, жестокость, вранье, похоть, алчность. Увы, распознавать скрытые хорошие черты она умела хуже, за такое ей не платили.

Однажды призналась, что в первую ночь их знакомства с самого начала увидела, как Термита буквально окружает аура одиночества и похоти. Ее слова - "я знаю, чего ты хочешь" - были констатацией факта.

Капли дождя касались желтых ивовых листьев, как пальцы музыканта - рояльных клавиш. Овраг заполняла музыка осеннего дня, полушепот-полушорох. Термит сидел на ветке, словно большая черная птица. Влажный холод уже проник за полимерную ткань плаща, напоминая об адском импульсе Нингена.

Решение пришло неожиданно. Оглядывая затуманившимися тупыми глазами сборище наркоманов, Термит внезапно понял, кто из них станет следующим орудием Охотника.

Худощавый парнишка лет семнадцати в рваной джинсовой куртке явно не набрал денег на дозу. Он сунул одному из дилеров купюры. Тот смеясь, ударил его по руке. Мгновенно подобравшись, мальчишка выхватил нож. Удар - и оружие вылетело из его руки. Компания, внезапно превратившись в спаянную стаю, налетела на него. Удары ногами. Кто-то побежал взять упавший нож.

К счастью, остальные тоже отличались заторможенностью реакций, поэтому повалить мальчишку не успели. Выкрикивая

ругательства, он кинулся напролом через кусты, вброд перешел пруд и оказался на площадке перед ивой. Обернулся.

- Беги-беги, сучонок, пока жопу на хлебало не натянули!

Облегченно выдохнул - преследовать его все же не собирались.

- Привет! - весело сказал Термит сверху.

Он лихо спрыгнул вниз - мокрая поверхность дерева весьма поспособствовала резкости и быстроте движения. Наркоман закрылся руками, ожидая продолжения побоев.

- Спокуха, я драться не собираюсь. Тебе доза нужна?

Глаза пацана блеснули голодным огнем:

- Ага, спайка. Но у меня бабок мало.

"Спайка", очередная модификация героина, - это погружение в себя, это как войти в зеркальный лабиринт и крепко-накрепко запереть дверь изнутри. Это твой личный ад, который кажется раем, пока в крови поддерживается должная концентрация наркотика. Но в отсутствие дозы позолота облезает, обнажая ржавые несуразные конструкции утомленной души. Поэтому в среде предпочитающих закидываться "спайкой" депрессии особенно часты и сильны.

Термит ухмыльнулся, радуясь, что шарф скрывает эту ухмылку. Спайщик в его ситуации оказался особенной удачей.

- У меня спайки нет. Есть самопальная дурь, отдам дешевле. Не волнуйся, берет здорово, не яд, сам вмазывался.

Спайщик поколебался, но не нужно было быть Анной, чтобы прочитать в его глазах: да ему плевать, насколько вероятно, что это яд или стиральный порошок надежда на приход перекрыла все.

- Давай!

Несколько скомканных купюр перекочевали в карман Термита, а заправленный шприц - в руки паренька.

- Слышь, ты это... поможешь мне ширнуться, а? А то руки дрожат.

- Ладно.

Наркоман снял свою джинсовую куртку и, обернув вокруг бедер, завязал ее рукава. Засучил серый свитер, обнажив костлявую белую руку с дорожкой уколов на сгибе локтя.

- Счас, счас...

Спайщик торопливо достал из кармана тонкий резиновый жгут, обмотал им руку. Вена никак не хотела вздуваться, и пару раз игла шприца воткнулась мимо. Наконец Термит ввел препарат.

- Ты подожди, оно не сразу торкает, - сказал он, убирая шприц обратно в футляр. - Пойдем, здесь холодно.

Взяв парнишку за плечи, Термит подтолкнул его к тропе. Тот послушно зашагал по грязи. Убрать жгут спайщик и не подумал. Чертыхнувшись, Термит нагнал его, размотал резину и опустил рукав свитера. Капли дождя застревали в грязных взъерошенных волосах, скатывались по одежде. Термит покачал головой, взглянув на мокрые по колено джинсы наркомана и его заляпанные глиной и грязью кроссовки.

Кое-как они все же выбрались из оврага и подошли к станции монопоезда. К счастью, вагон оказался пустым, и никто не возмутился, что какой-то явно неадекватный и грязный парень

пачкает сиденья. Термит затолкал его в самый темный угол, наклонился к уху и сказал:

- Сойдем на Центральной, понял? Потом на улицу.

Паренек безвольно кивнул:

- На Центральной и на улицу, ясно.

В его лице было не больше жизни, чем в лице робота.

"Кажется, импульс сработал! Ура! Ох, все-таки я сволочь. Я ведь мог бы спасти его. Одолжить ему кусочек души какого-нибудь сильного и целеустремленного человека. Тогда он, наверное, смог бы отказаться от наркотиков, начать новую жизнь. Черт. Или тогда эта жизнь была бы уже не его? Он бы всю жизнь гнался за чужими мечтами. Как запрограммированный. Ценность свободной воли в том, что он вправе выбирать, и если желает колоться и спать на улицах и сдохнуть через пару лет, кто я такой, чтобы мешать ему? Если моя соседка хочет ежедневно получать колотушки от своего любимого, почему я должен помешать этому? То есть, наверное, она не хочет... но выбрала именно это".

Поезд тряхнуло, и Термит едва не приложился лбом о поручень. Спайщик почти упал с сиденья, но Термит успел его подхватить и усадить назад.

"Делая выбор за выбором, мы порой доходим до той точки, где выбора у нас уже нет. Мы мечемся от стены к стене в тупике, созданном нашим сознанием. И выйти из него нет шансов - по крайней мере у нас. Чтобы его преодолеть, надо стать другими людьми. Другими людьми... Что ж, посмотрим, как господин Воленский преодолеет свой барьер".

Он снова склонился к уху наркомана.

- Слушай меня...

16. Ловушка

Серебристый ковер из поливолокна впитывал шаги. Группа людей в ботинках, сверкающих блестящей кожей, беззвучно шла к выходу. Они были очень похожи друг на друга, все в дорогих костюмах и бежевых плащах. Бизнесмены, юристы, начинающие политики. Сейчас они выглядели особенно уверенно и подтянуто, гример поработал на славу, скрыв красные жилки на щеках, морщины и визуально уменьшив двойные подбородки. Господа негромко обсуждали прошедшую съемку.

Девушка на ресепшене привстала, прощаясь с важными людьми. Кто-то махнул ей рукой, кто-то проигнорировал. Вахтер взял под козырек, пока они проходили мимо контрольного пункта, мимоходом прикладывая к сенсору пластиковые карточки.

Вся компания подошла к автоматическим стеклянным дверям

студии и остановилась. Неподалеку располагалась стоянка с их автомобилями, даже отсюда были видны плавные очертания "мурен" и хищные профили "лагро". Проливной дождь стекал по их гладким бокам, колотил в зонты прохожих.

- Надо же, как поливает, - сказал один из начинающих политиков.

К отвороту его плаща был пришпилен значок-голограмма. Яркое изображение всем давало понять, что перед ними сам Воленский - организатор "Справедливой инициативы".

Респектабельные господа уныло глядели на улицу за стеклянными дверями студии. Многие пешеходы вымокли, несмотря на зонтики, а уж ноги промочил наверняка каждый.

Мимо пробежали студентки: прямо по лужам, встряхивая мокрыми волосами и раскручивая сумочки. На светофоре остановился старик с огромным зонтом, больше похожим на тент. Затянутый в кожу байкер притормозил у студии, покрутил головой в черном шлеме и поехал дальше.

- Нужно идти.

Воленский шагнул вперед. Автоматическая дверь стала медленно открываться, будто пасть очень сонного зверя.

Из общей массы прохожих отделился паренек. Он шел спокойно и уверенно, чуть задержался на пороге, ожидая, пока стеклянные створки отъедут в сторону. Он вымок до нитки: и ветхие джинсы, и куртка, обернутая вокруг бедер, и серый старый свитер, и волосы. Дождь ручейками стекал по его коже, а парнишка стоял и ждал, пока откроется дверь.

Воленский поморщился: вот уж наприглашают в студию всяких панков, не разминешься с ними. Небось мальчишка считает, что его драная одежда выглядит очень круто и концептуально.

Наконец стеклянной преграды не стало, в фойе пахнуло дождем.

Воленский посторонился, но парнишка шагнул за ним, к нему. Обхватил руками шею, заставляя нагнуть голову и впился губами в губы. Воленский подался назад, потом уперся в психа руками и отшвырнул от себя. К ним уже бежали секьюрити, но парень быстро подобрался и скользнул назад, в дождь.

Ошарашенный Воленский вытер рот ладонью. Вода с волос и одежды психа оставила темные пятна на его светлом плаще.

Байкер в черном шлеме резко развернулся, едва не потеряв управление. Отталкиваясь ногами, он медленно повел мотоцикл вдоль улицы, потом свернул в узкий длинный проулок.

Впереди бежал парнишка, разбрызгивая лужи. Его загнанное дыхание эхом отражалось от стен.

Взревел мотор.

Паренек отшатнулся к стене и побежал быстрее. Правда, надолго его не хватило. Он остановился, задыхаясь, и тогда из-за завесы дождя блеснул хромированными деталями механизм, и черная фигура байкера возникла рядом.

- Ты кто? - голос из-за шлема звучал глухо. - Ты кто, придурок? Ты встречался с Охотником? Видел его?

Паренек молчал. Байкер слез с мотоцикла, схватил наркомана за плечи и потряс.

- Отвечай, черт тебя возьми!

Тот тупо смотрел на свое искаженное отражение в черном пластике шлема.

Байкер выругался.

- Я не помню, кто я, - безразлично, механически сказал паренек. - Я не знаю, кто такой Охотник.

- Ты помнишь, что ты только что сделал?

- Да.

- Что?

- Я поцеловал взасос мужика с голограммой.

Байкер тряхнул головой в шлеме:

- Тебе ведь кто-то приказал это сделать, так? И ты не смог ослушаться.

- Да.

- Кто?

- Человек.

- Мать твою, кто он, как выглядел?

- В плаще. Я не видел лица.

Пальцы байкера нервно пробарабанили по стене. Он подтащил парня к мотоциклу, сам сел впереди, а наркомана заставил сесть сзади.

- Теперь приказываю я! Ты слышишь?

- Да, - безвольно отозвался паренек.

- Держись за меня, крепко. Когда увидишь того человека в плаще, двинь мне в бок. Понял?

- Да.

Снова взревел мотор, и мотоцикл понесся по улицам, разрывая серую завесу дождя. Он описал круг, вернулся к студии и, петляя, проехал по маленьким улочкам вокруг. Вернувшись на главную, рванулся к станции монопоезда - и когда они проезжали мимо остановки, байкер почувствовал ощутимый тычок под ребра.

- Где он?

- Стоит.

Но этот расплывчатый ответ был уже не нужен, несмотря на

то, что добрая треть ожидающих посадки людей была в темных плащах. Байкер развернул мотоцикл и поддал газу. Они пересекли двойную сплошную и выехали на площадь перед остановкой. Холодно засверкали вспышки камер, фиксирующих нарушение.

А человек в черном пластиковом плаще уже бежал. Прочь от остановки, наискосок через площадь и дальше по узкой пешеходной улочке, где нескончаемая толпа сновала от бутиков к кафетериям.

Мотоцикл описал круг, выехал на параллельную улицу и развил по ней запредельную скорость. Вспышки камер отражались серебром в струях дождя.

Байкер остановил своего железного коня у другого конца пешеходной улицы, соскочил на землю и, бросив наркоману: "смывайся!", кинулся вперед, навстречу Охотнику.

Любителей шоппинга дождь не смущал, они разноцветным потоком передвигались от одного магазинчика к другому. Призывно мигали вывески на витринах, рвались в воздух накачанные гелием шары.

Охотник продвигался вперед, бесцеремонно расталкивая прохожих. Серый трикотажный шарф по-прежнему скрывал его лицо, полы блестящего мокрого плаща развевались при движении.

Байкер рванулся наперерез.

Охотник резко затормозил. Развернулся, повалив стенд, и бросился бежать назад.

Они вихрем пронеслись по улице. Прохожие матерились им вслед, связка разноцветных шаров, которую задел байкер, величественно поднималась в небо.

Человек в плаще, не сбавляя скорости, забежал в кафе.

Байкер, чертыхнувшись, последовал за ним. На первом этаже все было тихо, девушка за барной стойкой продолжала пялиться в телевизор, клиенты негромко переговаривались, пили кофе и ели пирожные.

- Вот ты где, - пробормотал байкер и взбежал по лестнице на второй этаж.

Посетителей здесь не было, столики стояли пустые. Напротив лестницы начинался короткий коридор к туалетам. Байкер коснулся шлема, но, передумав, не снял. Он наклонился к тяжелым сапогам и вытащил из левого короткий тонкий щуп - электрошокер.

Сжав оружие в руке, байкер прокрался по коридору. На мгновение остановился перед двумя дверьми. На левой красовалось изображение львицы, на правой - льва. Прислушался

- тишина. Помедлив, он взялся за ручку двери женского туалета и беззвучно проскользнул внутрь.

Помещение было залито неярким фиолетовым светом. На стене располагался ряд умывальников, над ними - огромное зеркало. Далее шли туалетные кабинки. Стекла в единственном окне напротив двери оказались матовыми и цветными, создавая этакий витраж, под окном стоял широкий стол.

Цепочка чуть смазанных грязных следов вела к первой кабинке.

Неторопливо оглядевшись, байкер выставил шокер впереди себя и двинулся по следам. Зеркало отразило его темную напряженную фигуру. По мокрой поверхности шлема ползли фиолетовые блики, кончик шокера чуть подрагивал.

Байкер остановился напротив кабинки. Белая полоска на двери свидетельствовала о том, что она не заперта. Он положил левую ладонь на ручку, осторожно нажал и резко потянул на себя.

Кабинка была пуста - на унитазе валялись обрывки туалетной бумаги, черные от грязи. Байкер стал разворачиваться, почувствовав движение сзади.

Он не успевал.

Охотник выпрыгнул из соседней кабинки. Замахнулся крышкой от туалетного бачка - и с силой опустил ее на голову байкера. Брызнула в стороны керамическая крошка. Шлем выдержал, лишь треснув в месте удара.

Байкер пошатнулся, и Охотник двинул его обломком крышки, на этот раз в правое плечо.

- С-сука, - шлем почти заглушил ругательство.

Шокер выпал из обессилевших пальцев. Охотник нагнулся, чтобы его подобрать, и тут же получил удар ногой в бок. Упал в проход между кабинками.

Байкер, не теряя времени, кинулся к врагу. Пинок - Охотник откатился по полу, сгруппировался и, поднимаясь, бросился к дальней стене.

В руке байкера сверкнул нож.

Охотник запрыгнул на стол. Отбил ногой выпад, стараясь выбить оружие, - не вышло. Противники замерли. Напряженный Охотник на столе, байкер - напротив, с ножом в руке. Из-за шлема слышалось тяжелое дыхание, а серый шарф обрисовывал контуры открытого рта при каждом судорожном вдохе.

- Ты - Мордред? - наконец прорычал Охотник.

- Да, а ты - труп!

Мордред медленно обошел стол. Охотник следил за каждым его движением, и на первый же выпад ответил ударом ноги. Байкер схватил его левой рукой за лодыжку, дернул.

Охотник рухнул на столешницу, одновременно пнув противника в грудь. Мордред увернулся. Его нож лиловой молнией вспорол воздух и вонзился в гипсокартон. Извиваясь как уж, Охотник отполз назад. Мордред запрыгнул на стол, подскочил к противнику и ударил ногой в плечо. Того откинуло на окно. Звякнуло, разбиваясь, стекло.

Охотник привстал на полусогнутых, держась рукой за плечо. Бросил взгляд назад, передернулся.

Мордред шагнул вперед, выставив перед собой нож.

Охотник еще раз оглянулся. Сквозь разбитое окно тянуло сыростью, было слышно, как внизу ездят автомобили. Он покачнулся, нелепо схватился за стену.

- Ты чего?

Охотник отчаянно протянул руки к врагу. Он схватился за лезвие ножа, как за соломинку над пропастью, но дыра сзади словно тянула его. Руки скользнули по клинку, окрашивая его в багровое, и мастер-кукловод безвольно выпал вниз из окна туалета.

17. Эфир

Термит падал в серую, затягивающую бездну. Черные пятна зловещих птиц чудились ему далеко внизу, и красный блеск заходящего солнца слепил глаза. На зубах скрипел песок...

Удар о землю привел его в себя. Термит вдруг увидел обычнейшую улицу, по которой идут люди с черными зонтами и горит красный сигнал на светофоре. Вверху щерилось разбитое окно. Из него выглядывал человек в шлеме байкера. Он группировался, собираясь спрыгнуть. Второй этаж - не низко, но и не ужасно высоко.

"Мордред!"

Термит вскочил и кинулся бежать. На светофоре как раз застыло пустое такси, после пары выразительных жестов, водитель открыл дверь.

- Прямо! - крикнул Термит, заскакивая внутрь.

- Угу, - меланхолично отозвался водитель, включая счетчик.

Когда Мордред добежал до светофора, тот уже показывал зеленый. Автомобили тронулись. Термит обернулся и увидел, как фигура его противника тает за завесой дождя.

- Спасибо, шэф.

"Чертов импульс Нингена, надо же схватить флэшбэк в самое неподходящее время".

Термит со вздохом всунул в прорезь сканера кредитную карточку: эти несколько километров поездки выльются ему в овердрафт, и если он вовремя не пополнит счет, банк насчитает зверские проценты.

- Здесь, на углу! Спасибо!

Вернувшись домой, Термит содрал с себя мокрую одежду и повалился на кровать. Зарылся в одеяла и отключился до воскресного утра.

В снах он то падал, то дрался, то убегал, но, к счастью эти фрагменты были слишком отрывисты и мутны, чтобы вылиться в настоящий кошмар.

Проснувшись, он ощутил, как болит все тело. Принял горячий душ и обработал раны и ушибы. Через левую ладонь шла наискось длинная царапина. Она была неглубокой, и Термит ограничился тем, что заклеил ее пластырем телесного цвета.

"Откуда там появился Мордред, интересно? Будто ждал. А вдруг... вдруг все так и было?! Он рассчитал, что я замечу выступления этого болвана, и знал, что Воленский наиболее уязвим, когда выходит из телестудии".

Термит вскочил и нервно заходил по комнате. Ушибленная нога болела, но сидеть на месте он не мог.

"Так, нужно думать последовательно. Если Мордред действительно использовал его как наживку он должен был убедиться, что я захочу напасть именно на Воленского. Возможно, он достал результаты опросов свидетелей с Тисовой улицы и сделал вывод, что для Охотника принудительная коррекция памяти - больное место. Зная это, вычислить, кого я захочу убрать, - дело нехитрое. Впрочем, полиция и до этого не додумалась".

Остановившись у окна, Термит закурил.

"Мордред, судя по всему, взялся за это дело серьезно. Тем лучше. Я надеялся спровоцировать общество защищаться - я сделал это. Главное, чтобы это хако-байкер не выбил меня из игры до шоудауна".

Он бросил взгляд на часы: они показывали половину первого.

"Еще два часа, и мы увидим, как теперь себя чувствует наш дражайший лидер Справедливости".

Термит затушил сигарету и отправился на кухню. Ужасно хотелось порыться в Интернете, поискать возможные заметки о вчерашнем инциденте в кафе и рядом. Но он решил отложить это на потом и, включив погромче музыку, принялся стряпать гуляш из клоно-кролика.

На цветастой упаковке виднелся лейбл "Клонакса" - компании, в которой работал Котов. В емкостях с био-раствором выращивались свиные отбивные, куски говяжьей вырезки, куриные грудки и прочие вкусные части тела. Есть клоно-мясо в приличном обществе считалось апогеем дурного тона, но Термит окончательно перешел на него после визита на рабочее место

Котова. Тот показал ему контейнеры, где были сложены те же продукты, но со значками биологически-традиционных.

Готовка затянулась надолго, но к началу передачи Термит успел сделать мясо и настрогать салат. Разложив еду на тарелки, а тарелки на поднос, он отнес снедь в комнату, включил телевизор и с удобством расположился в кресле.

- Сегодня у нас в гостях известный активист движения "Справедливая инициатива", бывший судья и бизнесмен господин Воленский! - ведущая в строгом костюме с неожиданно глубоким декольте встала, чтобы поприветствовать гостя.

"О, имплантация души наркомана явно прошла успешно", - злорадно заметил Термит, поддевая вилкой лист рукколы.

Воленский выглядел, как призрак самого себя. Даже умело наложенный грим не мог скрыть бледности лица, а дорогие капли - воспаленного покраснения глаз. Политик был похудевшим и усталым.

"Всего-то ночку побывал в шкуре отброса общества, но, я вижу, все хорошо прочувствовал. Что ж, эксперимент с новой матрицей оказался удачным. Отлично, теперь я могу в некоторых пределах контролировать поведение биореактора".

Ведущая задавала дежурные вопросы, Воленский отвечал невпопад. Термит наслаждался зрелищем, поедая гуляш с салатом.

- Вы считаете, что общество не обязано терпеть тех, кто не следует его законам, - говорила ведущая, волнительно положив руку на грудь, - но не кажется ли вам, что стирать личность из-за малейшей провинности - жестоко?

- Вся наша жизнь жестока. А стирание никчемной личности - это благо. Когда человека раздирает отчаяние, боль и ненависть ко всему миру, войти в пустоту - это желанный исход.

- Вы так считаете?

- Я это знаю. Отребья общества, преступники и маргиналы, они бегут от себя, они вмазываются героином, насилуют, убивают, все для того, чтобы на миг забыть о том, какое же они на самом деле дерьмо. Их жизнь - это череда дней без света надежды.

- И вы считаете, что стереть их личность в данном случае - милосердие?

- Да! Да...

Воленский вскочил с кресла. Его била дрожь. Сейчас он больше всего походил на наркомана, пропустившего прием дозы.

- Я не хочу так жить, - прошептал он.

"Да ладно, в нашем районе половина людей так живет, и ничего", - Термит отправил в рот кусочек мяса.

Камера застыла, показывая крупным планом измученное лицо Воленского. Он порывистым движением стер пот со лба и повторил:

- Я не хочу так жить.

Пошатываясь, он подошел вплотную к камере.

- Забвение - это счастье.

Ударился лбом об объектив. Изображение вздрогнуло. Воленский приложился о камеру еще и еще раз. По его лицу медленно полз ручеек крови, а политик все бился и бился.

Ведущая вскрикнула.

После одного особенно сильного удара, изображение погасло. Некоторое время были слышны лишь крики и треск, а потом оператор включил трансляцию с камеры под потолком студии. Видимо, на телевидении рассудили, что подобный скандал только добавит программе рейтинга.

Окончательно раздолбав камеру, Воленский застыл, будто не зная, что делать. Он запрокинул голову вверх - в рваной ране блеснул осколок стекла.

- Выключите трансляцию, вашу мать, выключите трансляцию! - истошно орал кто-то за кадром.

Термит отложил вилку и поставил на пол поднос с грязными тарелками. Вцепился в подлокотники кресла, напряженно наблюдая за происходящим.

Воленский резко повернул голову, оставив в воздухе трассирующий след из капелек крови. Двое мужчин в темной одежде секьюрити уже бежали к нему.

Экран телевизора резко почернел, а затем заполнился цветастой рекламой новой зубной пасты.

Термит выругался. Выключив телевизор, он кинулся к компьютеру. Забил в окно поисковика "Воленский", нажал энтер. Одна из ссылок оказалась тем, что он искал: кто-то из массовки в студии снимал происходящее на телефон и сразу отправлял в Интернет. Изображение было зернистым и дерганым, но оно было.

Воленский отходил в противоположный от выхода угол студии. Секьюрити задержались, пробиваясь через декорации. А он всплеснул руками и крикнул:

- Дайте мне... дайте мне нож!

Под ударами тяжелых сапог секьюрити рушились картонные профили небоскребов.

Воленский тянул окровавленные руки к толпе зевак, в которую превратились и зрители массовки, и пара подсобных рабочих, и операторы.

Серебристый металлический предмет упал к его ногам. Это

был небольшой складной нож: кто-то мрачной шутки ради исполнил просьбу Воленского.

Секьюрити на бегу вытащили травматические пистолеты. До безумца им оставался один рывок.

Воленский поднял брошенный нож, раскрыл лезвие и всадил его себе в горло.

- Какая ирония, - заключил Термит. - Вот тебе и достойные члены общества - всегда готовы кинуть тебе нож.

Кровь ключом била из раны - видимо, клинок перерезал сонную артерию. В студии поднялся переполох, кто-то визжал, кто-то дрался. Скоро телефон выбили из рук снимающего, и трансляция прекратилась.

Число посмотревших ролик стремительно росло. Термит с сожалением убрал курсор от кнопки "комментировать". Он закрыл окно и стал искать информацию о вчерашнем инциденте. На некоторых новостных сайтах пара строчек оказалась посвящена байкеру, который многократно нарушил правила дорожного движения возле остановки монопоезда. Кроме того, как выяснилось, мотоцикл был угнан накануне.

- Отлично. Значит, в полицию жаловаться мы не пойдем, - пробормотал Термит.

Подхватил поднос и отправился на кухню. Водя мыльной губкой по тарелкам, он продолжал обдумывать произошедшее.

"Никто, кроме Мордреда, не знает, что в случившемся с Воленским замешан Охотник. А Мордред не станет доносить об этом полиции, за устроенные гонки ему светит года два тюряги. В то же время, если только я достаточно хорошо понял его характер, - он наверняка выступит с обличительным заявлением. Конечно же, не поясняя, откуда у него эти факты. Будем на это надеяться, иначе придется самому возиться с прокси и придумывать пафосное обращение".

Домыв посуду, Термит закурил и вернулся в комнату. Обновил страницу с комментариями к видео и расплылся в довольной улыбке.

"Внимание всем. Я - Мордред. Я не стану вдаваться в детали, но я точно знаю, что в сегодняшних событиях повинен Охотник. Он умудрился ввести Воленскому препарат, именно поэтому тот был сам не свой. Уверен, Охотник ненавидел идею "Справедливой инициативы" и именно поэтому подписал ее организатору смертный приговор. Да, он прекрасно знал о последствиях и рассчитывал на самоубийство Воленского. Охотник начал с простого хулиганства, но теперь перешел к убийствам. Рано или поздно он ответит по всей строгости закона, но пока - будьте бдительны!"

- Ах, как же ты предсказуем...

18. Тьма

Вечером Термит шел по тихому парку, подбрасывая ногами ворохи желтых листьев. Наконец-то распогодилось, и на расчистившемся небе одна за другой проступали звезды. Вдалеке шумела автострада, за деревьями смеялись и пели подростки. По узкой тропинке слева бежал спортсмен с прикрепленным на лбу фонариком, как у шахтера.

Термит медленно втянул ртом осенний воздух. Будто студеной воды напился. На душе было легко и спокойно. Поединок в туалете кафетерия, самоубийство Воленского казались не более реальными, чем блокбастеры "Илюжнс Инкорпорэйтед".

В левой руке Термит нес пакет с изображением кинозвезды, облизывающей клубничинку. В нем лежал свернутый черный плащ, порезанные ножом Мордреда перчатки, шарф и кипа старых газет и рекламных проспектов.

Повернув в сторону от основных троп, Термит пробрался между кустов ежевики и старых лип к берегу канала. Набережная на другой стороне была пустынна. Дорожки света от редких фонарей дробились рябью на поверхности воды. Термит отстраненно подумал, что где-то там, на дне, лежит тело Тройки.

"Странно, что я не чувствую мук совести, ни из-за убийства Тройки, ни из-за случившегося с его любовницей - хотя ее-то по настоящему жаль, - ни теперь, после того, что я сделал с Воленским. Может быть, это потому, что я никогда не наносил последнего удара и всегда давал им шанс? Если бы Тройка не спустил курок, если бы Воленскому не швырнули нож... Да нет, я знал, что все произойдет примерно так, я был уверен в их смерти".

Термит спустился к воде. Там, между склонившимися к воде ивами, пряталась уютная полянка с выложенным кирпичами кострищем посередине.

Новости и сплетни, обзоры и программки, кроссворды и анекдоты - Термит скрутил из всего этого растрепанное гнездо и поджег. Пламя разгорелось быстро и весело. Клочки горящей бумаги взлетали в воздух и светлячками отражались в воде канала. Термит, не открывая пакет - на случай если кто-то любопытный наблюдает из кустов - бросил его в костер. Огонь недовольно зашипел, но смирился, подкормленный рекламой сейфовых дверей. Запахло горящим пластиком.

Термит отошел на пару шагов от смердящего костра. Сложенные в пакете улики обуглились и спеклись между собой. Теперь они казались черной головой монстра, сгорающей в

адском пламени.

Бумага горит быстро. Термит знал, что какие-то клочки ткани и кусочки потекшего и вновь застывшего пластика неминуемо останутся среди закопченных кирпичей. Однако это уже не имело значения. Главное - улики потеряли форму. Со временем подростки или бомжи опять разожгут тут костер и остатки плаща, перчаток и шарфа будут окончательно уничтожены.

Термит пробрался между кустов вербы назад. В темноте он не нашел тропинку. Шум ветра в кронах старых лип заглушил людские голоса и шум далекой автострады, и казалось, что это настоящий огромный лес, где можно идти неделями и не встретить человека.

- ...охотник...

То ли обрывок разговора, то ли шутка подсознания. Термит встал как вкопанный. Вслушался. Невнятный говор, не понять, реальный или фантомный.

- ...охотник...

Термит бросился бежать. Натыкался на стволы деревьев, запинался о камни и путался в зарослях. Отзвуки преследовали его. В груди разлился холод: не страх, скорее, предчувствие страха.

"Это мне мерещится, просто нервы!"

Задыхаясь, он встал, опершись спиной о старый клен. Отсюда уже была видна одна из главных троп парка, освещенная фонарями. По усыпанному палыми листьями гравию тащилась несуразная фигура - видимо, какой-то алкаш. Термит прикрыл глаза, глубоко вдохнул. Ему все мерещились полицейские в засаде за темными профилями вербных и сиреневых кустов.

"Нечистая совесть и ветер в листьях, вот и все..."

Термит вышел из укрытия и зашагал по освещенной дорожке. Лишь на минутку остановился под фонарем, прикурить сигарету. Нога, ушибленная после падения из окна туалета, снова разболелась. Видимо, паническое бегство не пошло ей на пользу. Прихрамывая, Термит добрался до скамейки и присел.

В небе огни пролетающих самолетов перемигивались со звездами, а редкие облака уже тянули свою сеть. Термит выпустил вверх струю табачного дыма.

Заскрипел гравий, послышался приглушенный смех. Компания подростков прошла мимо, блестя горящими сигаретами и неоновыми значками.

- ...охотник...

Термит вскочил со скамейки. Он был уверен, что теперь это не слуховая галлюцинация, он явственно слышал, как пацан шептал на ухо девчонке - охотник. Крадучись, будто маньяк, он

пошел следом за компанией.

- Ага, в новостях... круто... вечером, да... кишки по всей улице...

Они резко остановились и обернулись. Делая вид, что просто шел по своим делам, Термит проковылял мимо.

"Да что ж такое? Паранойя идиотская. Мало ли о каком охотнике они говорили!"

Тем не менее, выйдя из парка, он стал пристраиваться сзади к парочкам и компаниям, напрягая слух. Люди говорили об ужинах, о родственниках-занудах, о просмотренных фильмах, о планах на выходные. Но едва Термит немного успокоился, как снова уловил слово "охотник". Три старухи у супермаркета скрипели о нем, о нем трещали накрашенные школьницы в миниюбках, о нем беседовали два скучающих фармацевта у ночной аптеки.

Долго подслушивать Термит не мог. Ему сразу начинало казаться, что на него обращают внимание, и он плелся прочь, приволакивая больную ногу. Прятался в тенях подворотен и унылых дворов. Но отчаянная жажда узнать, что же все-таки произошло, вновь выгоняла его на ярко освещенные, людные улицы.

В таком лихорадочном состоянии он пешком преодолел весь путь от парка до родного спального района. Здесь было темнее и тише, но нервозность Термита только усилилась. Он крался по таким улицам, где раньше никогда не ходил, и отдыхал в самых укромных уголках. Если бы мог, он бежал бы всю дорогу, но боль в ноге не позволяла этого.

В одном из мрачных переулков Термит набрел на дешевый бар. Крутая лестница уводила вниз, в подвал. На обшарпанной двери висел прейскурант. Потратив минуту на чтение списка выпивки и цен, Термит неожиданно для самого себя спустился в зал. Там было темно и малолюдно, что очень ему понравилось. Несколько человек, бесформенными кулями сидевшие за грубыми столами "под дерево", уже давно напились. Бармен тоже не внушал опасений: худой, как скелет, с редкими черными волосами и вытянутым лицом.

Термит взгромоздился на стул у стойки и заказал кружку пива. Над шкафом с выставленными напоказ пустыми бутылками из-под самбуки, бехеровки и абсента висел старый телевизор. Молоденькая дикторша новостей беззвучно открывала и закрывала рот.

- Эй, слышь? Сделай-ка звук.

Бармен апатично кивнул и щелкнул пультом.

- Количество жертв так называемого "Охотника" возросло до девяти, только что две женщины скончались в больнице, -

тараторила дикторша.

"Что за?.."

Размазывая по стойке пролитое пиво, Термит смотрел повтор хроники событий. Пару часов тому назад на остановке монопоезда взорвалась бомба. Она разметала в клочья двоих ожидающих, ранила осколками около двадцати человек и задела проезжающий мимо "лагро". В автомобиле ехал один из самых ярых приверженцев Воленского со своей семьей. Все трое и шофер умерли еще до приезда спасателей. Бесстрастная камера в руках удачливого журналиста, вовремя оказавшегося на месте происшествия, запечатлела окровавленный асфальт, и последние конвульсии пассажиров "лагро", и большой рекламный щит над станцией. После взрыва прошло десять минут, и тогда лихо жующая новую жвачку актриса на бигборде сменилась черным экраном, в глубине которого подрагивали белые линии.

- Я вас предупреждал, - возвестил механический голос Мордреда. - Охотник и не подумал остановиться. Теперь он не просто хулиган, он убийца и террорист. Он не новый Робин Гуд, он враг общества, враг каждого из нас.

"Сволочь!"

Термит ударил кулаком по мокрому столу.

"Мерзкий ублюдок. Может, ты сам это все устроил? Да нет, у тебя смелости не хватило бы. Ты просто воспользовался случаем, зная, что нынешних террористов бывает очень сложно найти. И свалил все на меня!"

- Выключи это дерьмо нахрен. Ненавижу новости, - зло прошипел он бармену.

- А что включить?

- Что хочешь. Снафф муви или запись того, как твои клиенты ссут в туалете. Все лучше, чем эта дрянь.

Тощий бармен осклабился:

- Такого нет. Я тебе что-нибудь традиционное включу.

- Мне все равно.

"Враг общества... Да, я враг. Только не бандит, не убийца. Я нападаю лишь для того, чтобы спровоцировать и заставить защищаться. Потом ваше гребанное общество будет еще благодарно за то оружие, которое я предоставлю ему. Но для начала я трахну его. Трахну всю вашу гребанную систему!"

Термит глотнул пива, жалея, что не заказал чего-нибудь покрепче. Он сжимал стеклянную кружку, борясь с огромным желанием швырнуть ее кому-нибудь в голову.

- Будут еще пожелания? - с ухмылкой спросил его бармен, выключив новости и сунув в разъем телевизора флешку с фильмами.

- Водка есть у тебя?

- Дык как жеж.

Термит отодвинул пиво.

- Налей. Все лучше, чем эта моча.

Одним глотком опрокинул в себя рюмку, едва удержавшись, чтобы не выплюнуть: водка оказалась теплая и на диво мерзкая. Откашлялся.

- Повторить!

Несмотря на поганый вкус, зелье подействовало положительно. После пары рюмок нога перестала болеть, а в голове появился приятный туман. Термит замедлил темп выпивания и тупо уставился в телевизор.

На мониторе над стойкой бара шло японское порно. Девушки в блестящем латексе, с затуманенными болью и кокаином глазами, со снежно-белой кожей и алыми губами развлекали любителей бдсм на верхнем этаже небоскреба. Фильм был снят под широкоформатный экран, и в квадратном фигуры его участников оказались чуть вытянутыми, как на картинах наркомана и тифозника Модильяни.

Отделившаяся от всех парочка трахалась на подоконнике, на фоне подернутых дымкой высоток Токио. Дождь безуспешно пытался растворить город в дрожащем небытии и льнул потоками к стеклу, за которым двое корчились в наслаждении. Камера прижалась к окну, показав далекую улицу внизу. Разноцветными пятнами сновали автомобили, прямо напротив небоскреба виднелся рой ярких точек-зонтиков. Изображение приблизилось. Оно стало размытым и дрожащим, но в светлых пятнах можно было распознать запрокинутые лица, а в прижатых к ним темных - бинокли.

Термит расхохотался, глядя на это абсурдно-пошлое видео.

Изображение отъехало назад, к двум совокупляющимся фигурам. Теперь толпа казалась лишь россыпью разноцветных мазков на сером холсте, но участники и предполагаемые зрители знали, что она есть. И каждая из этих точек скрывает за собой создание, жаждущее узреть твои пороки, рассмотреть хорошенько всю мерзость, которую доселе ты старательно скрывал.

Мужчина, по сюжету - якудза-извращенец, прижался лбом к стеклу, пока женщина ласкала его. В его глазах было больше тумана и смога, чем над Токио. Он смотрел на столпившихся внизу людей и размеренно, механически двигал бедрами.

- Кончай на этих придурков, - посоветовал ему Термит.

Якудза вцепился в короткие темные волосы женщины, прижимая ее к себе, а потом отбросил. Она упала с подоконника на пол и лежала на боку, вытирая рот ладонью.

На стекло, за которым пестрой мозаикой застыла толпа зевак выплеснулась сперма.

- Браво!

- Тебе нравится? Урод трахнутый. Ты извращенец, да? - издевательски сказал один из поддатых клиентов, подходя нетвердым шагом к стойке бара.

- Да пошел ты!..

Термит обернулся, рыча витиеватую матерную тираду, и с размаху ударил умника кулаком в лицо. Удар вышел смазанным и несильным, но на душе сразу полегчало.

19. Лезвие

Служащие "Илюжнс Инкорпорейтед", как внезапно обнаружил Термит, обожали мерзкие истории. Даже под действием драйверов они не переставали обсуждать вчерашний взрыв бомбы и строить гипотезы насчет дальнейших действий Охотника. Термит впервые за много месяцев постарался полностью сконцентрироваться на работе. Увы, это привело лишь к тому, что импульс "заклинило", и пришлось шесть раз наблюдать за неспешным закатом.

Но окончательно день испортило короткое сообщение на телефон: в скриптории "Войда" требовался тестер.

Впервые в жизни Термиту было страшно ехать в лифте. Он смотрел на мертвое табло, где не высвечивались номера этажей, и почти физически ощущал пустоту под ногами. Стены шахты давили.

"Это все из-за дурацкого импульса Нингена. Эта дрянь осталась в подсознании, но ничего. Наверное, сегодня вколят что-нибудь еще похлеще. И клин клином выбьется".

Пошатываясь, он вышел в коридор.

"Сейчас я должен бы пасть ниц и расцеловать пол... и проблеваться".

В скриптории было темно, только светился экран компьютера, перед которым сгорбился Нинген.

- Привет, - сказал Термит.

- Угу, - не оборачиваясь, буркнул скриптор. - Подожди пока, кофе попей.

- И где у вас тут буфет?

Нинген презрительно фыркнул и резко развернулся на стуле. Коротко хохотнул:

- Хе! Что у тебя с рожей?

- Подрался в баре.

- Ну ты даешь! А я в твоем досье прочитал, что ты универ закончил, думал - интеллигентный человек. Ну и рожа!

- Ничего, заживет. Зато я ему пару зубов выбил, - мрачно

улыбнулся Термит.

Он машинально коснулся рукой рассеченной брови. Левый глаз заплыл, на скуле красовалась ссадина. Самое забавное, что сам Термит не помнил, когда получил эти раны. Запомнился лишь жаркий всплеск ярости и боль в ноге, когда он торопливо поднимался по лестнице бара, торопясь сбежать до прихода полиции.

- Катька! - проорал скриптор. - Иди сюда.

Девушка выглянула из подсобки, где стоял "гроб". На ней были фосфоресцирующие серьги, что выглядело жутковато в темном скриптории: словно появился призрак.

- Что тебе опять?

- Напои этого недомоченного мачо кофейком. Все равно импульса ждать еще час.

- Я не официантка.

Она встряхнула волосами, в которых промелькнули синие искры.

- Черт с ним, с кофе вашим, - Термит раздраженно махнул рукой.

- Ого, а что это у тебя с лицом?

- Засос от девушки.

- Ладно, идем, покажу тебе наш столовый уголок.

Она взяла Термита за руку и повела по лабиринту между темными спящими компьютерами. Ее сережки качались, как две падающие звезды.

- Почему так темно?

- Нингену так лучше думается. Ну, он так говорит.

Пробравшись между рядами техники, они оказались у противоположной стены. Половину небольшого стола занимало растение в горшке, рядом с ним стоял электрический чайник и несколько чашек. К счастью, новый прибор имел светящийся дисплей. Установив норму на две чашки, Катя села на стол рядом с урчащим чайником. Термит попытался устроиться с другой стороны аппарата, но растение покачнулось и стало падать.

- Черт!

- Не роняй, это наш гибискус. Ему, бедолаге, и так достаточно стресса.

- А мне, значит, недостаточно?

- На нем живут какие-то жучки.

- Какая мерзость!

Термит кое-как установил норовивший завалиться цветок в равновесное положение и отошел за стулом.

- Мы их травили мыльной пеной, но им пофигу, - продолжала Катя. - Я читала в Интернете, что можно их вывести табаком, они

не любят его запах.

- Ну так и вывела бы.

Раздраженный Термит не испытывал и капли сочувствия к гибискусу.

- Я не курю.

- Ну, я мог бы извести на него сигаретку. Только ваша противопожарка от дыма сразу же взвоет.

- Ща устроем, что не взвоет, - мрачно пообещал Нинген, подкравшийся сзади.

Он запрыгнул на один из компьютерных столов, уронив мышь и наступив на клавиатуру. Зато смог дотянуться до низкого потолка, на котором располагался датчик противопожарной системы. Скриптор выдрал его с мясом и, удовлетворенный содеянным, соскочил вниз.

- Начальство вас за это не убьет? - безразличным тоном поинтересовался Термит.

- Не. Потом провода назад воткну, будет как новый. Я всегда так делаю, когда в скриптории посмолить хочу. Снаружи-то сейчас дождь проливной. Хотя ты, конечно, хотел бы погулять снаружи, а?

- Да. Мне нравится высота.

Нинген молча щелкнул колесиком зажигалки. Узкий язычок пламени озарил его лицо, абсолютно серьезное и непроницаемое.

Термит нашарил в кармане сигареты и прикурил от зажигалки скриптора. Затянувшись, он резко и выпустил струю дыма на листья. Нинген встал напротив. Казалось, что его глаза разгораются алым, как и кончик сигареты при вдохе.

"Отражение. Или просто у меня крыша поехала".

В глубине скриптория послышался шум и шаги. Ни скриптор, ни Катя не отреагировали. Поэтому и Термит продолжал размеренно "окуривать" гибискус.

Несмело зажглись лампы под потолком, разгоняя сумрак.

- Какого дьявола вы делаете? - Худощавый старик застыл в проходе.

"Он подумает, что мы полные придурки".

- Мы уничтожаем жучков.

Глаза старика расширились:

- У вас там что, марихуана?

Катя засмеялась.

За плечами старика показался еще один человек, и улыбка медленно сползла с лица Термита. Между компьютерами осторожно пробирался Котов. Но странно и страшно не похожий на обычного себя. На нем был костюм служащего, мятый и заляпанный грязью, на щеках - трехдневная щетина, в глазах -

смертельная усталость. Он держал в руках очки и пытался протереть их подолом белой несвежей рубашки.

"О нет! Надеюсь, они хоть не сказали Котову, что я его сдал".

- А почему у тестера лицо разбито? - продолжал расспросы старик.

- Жена сковородкой...

Котов надел очки. Взгляд его серых глаз встретился с взглядом Термита.

"Он знает. Они рассказали ему все. Ублюдки!"

- Идемте, покажу что нам прислали сегодня утром, - сказал старик. - И включите кто-нибудь опять противопожарку.

Протискиваясь между рядами компьютеров, Термит постарался оказаться рядом с Котовым.

- Привет.

Тот лишь холодно кивнул.

"Суки, не могли подержать рот на замке. Хотя, нет, они не случайно ему все рассказали, они рассчитывали, что мы из-за этого поссоримся. Разделяй и властвуй; этот принцип работает и сейчас".

- С нами наш новый помощник, - старик положил руку на плечо Котова, - Лешенька. Специалист по генной инженерии, работает в фирме клонирования.

- На кой хрен он нам? - Нинген закончил с противопожаркой и спрыгнул к остальной компании.

- У нас сегодня биологический материал. Где пробник ДНК?

- В проекторской валяется. Тестер, проводи новенького, поищите там вместе прибор. А мы обсудим дело.

- Ладно.

Термит и Котов вышли из скриптория. Оба молчали и не смотрели друг на друга.

В проекторской, как всегда, парили в воздухе зелено-желтые модели нано-структур. Снова оказавшись в полумраке, Термит почувствовал себя куда увереннее. Они с Котовым пробрались к стеллажу у дальней стены и стали шарить на полках. С разных концов.

- Ты ненавидишь меня? - прошептал Термит.

- Нет. Они угрожали тебе. Чего не скажешь с пистолетом у виска.

- Они посвятили тебя в такие подробности?

- Мне дали прослушать запись.

Оба замолчали.

- Извини, что свалил убийство на тебя, - наконец сказал Термит. - Просто в несчастный случай они бы никогда не поверили.

- Я понимаю.

"Минус один друг. Вот, что принесла мне эта затея. Минус Котов, минус Анна. Черт, нужно было сказать, что Тройку убил я. Ну стали бы они чуть осторожнее со мной, как с убийцей, ну и что?"

- Кажется, вот оно, - спокойно сказал Котов. - Пойдем.

Когда они вернулись в скрипторий, Нинген, старик и Катя склонились над столом, соприкасаясь головами. Монитор компьютера они убрали на пол, освободив место, и теперь внимательно разглядывали некий предмет.

Термит демонстративно закашлялся:

- Вот пробник.

Старик обернулся:

- Хорошо. Пусть наш новый друг возьмет материал. Только осторожно.

Термит вслед за Котовым протиснулся поближе к столу и смог рассмотреть загадочный предмет. Это был нож. Довольно большой, тщательно заточенный: такие продают в охотничьих магазинах. На блестящем клинке виднелись багровые пятна.

Котов молча настраивал пробник.

- Что, еще кого-то из ваших прикокнули? - нарочито грубо спросил Термит.

Он не ожидал ответа, но Нинген хмыкнул и сказал:

- Нет, мы просто получили социальный заказ.

- Что?

Старик шикнул, но скриптор сделал вид, что не заметил.

- С утра пришла посылка от человека, подписавшегося Мордредом. По его словам, на этом ноже - кровь Охотника.

"Черт!"

Термит не помнил толком, как выглядел нож байкера, с которым они подрались в туалете. Но на ладонях остались заметные царапины, когда он схватился за клинок.

"Какая жалость, что я его тогда не убил".

- Я надеюсь, все присутствующие достаточно умны, чтобы не болтать об этом, - старик обвел их всех тяжелым взглядом, демонстративно задержав его на Нингене.

"Дьявол дернул этого проклятого Мордреда прислать нож именно сюда. Конечно, его резоны понятны - он не может обратиться в полицию, а самый крупный синдикат города имеет массу возможностей для исследования".

Котов поправил указательным пальцем очки на переносице. Линзы взблеснули зеленым, и впрямь, как кошачьи фосфоресцирующие глаза.

- Через час-полтора будет расшифровка его генной

информации. Если у вас есть подходящая программа, можно загрузить данные в компьютер и получить примерный фоторобот.

20. Фоторобот

Термит стоял за всеми и наблюдал за растущей полоской прогресса на экране пробника. Он сжал руки в кулаки, чтобы не было заметно, как дрожат его пальцы. Дрожали они не от страха, а от ярости и напряжения.

"Это только мне может так не повезти. Убежать? И все бросить? Ну уж нет, я скорее их тут всех перережу".

Ногти впились в плоть.

"Хотя фоторобот ДНК не на сто процентов будет соответствовать реальности. Может быть, он будет даже не похож".

Термит мрачно ухмыльнулся и сложил руки на груди. Ненависть к Мордреду по-прежнему бушевала в нем, однако мысли складывались в логическую цепочку.

"Мое лицо, к счастью, ничем особым не примечательно. Есть большой шанс, что никто так и не узнает во мне человека с фоторобота. Прежде чем принимать крайние меры, неплохо было бы на него посмотреть. Но меня вызвали для того, чтобы опробовать импульс. Если они притащат его раньше, чем закончится обработка... Этого мне еще не хватало! Валяться в беспамятстве пока, может быть, они раскрывают мое инкогнито".

- Так значит, вы двое вместе учились в универе? - спросил Нинген.

- Да, - Котов кивнул. - В одной группе.

- И кто из вас был лучшим?

- Он, - Термит указал на приятеля. - Я всегда был слишком ленив.

- Поэтому и подался в тестеры?

- Да. Это проще, чем работа специалистом на фабрике или в лаборатории. Хотя и опасней, - он понизил голос. - Но я всегда любил риск.

- Я это вижу по твоей роже.

Термит усмехнулся и повернулся к старику:

- Вы ведь не скриптор, вы из координаторов?

- Меньше знаешь - крепче спишь, мой мальчик.

- Я просто хотел сделать... признание, - все с удивлением уставились на него. - Убивал не он, - Термит кивнул в сторону Котова, - а я.

- Да нет, вообще-то... - начал друг.

Термит прижал палец к губам:

- Глупо было врать насчет этого.

- Вы вдвоем кого-то пришили? - переспросил Нинген, судя по

выражению его лица, признание Термита его изрядно развлекло.

- Это все не имеет значения, - резко сказал старик. - По крайней мере сейчас. Я обновлю ваше досье.

- Спасибо, - пробормотал Термит, опуская голову, чтобы не встречаться с красноречивым взглядом Котова.

Расшифровка ДНК шла не быстро, и мало-помалу все отошли от пробника и разбрелись по углам. Старик-координатор скрылся за дверью, Нинген вернулся к компьютеру, Катя снова отправилась в подсобку. Термит и Котов остались вдвоем. Нинген опять выключил свет, и они стояли в темноте, время от времени поглядывая на дисплей пробника. Нинген включил негромкую музыку, какой-то старый джаз. Термит мысленно поблагодарил его за это. Он наклонился к уху Котова и тихо сказал:

- Нужно было мне сразу признаться насчет Тройки.

- Нужно было рассказать всю правду, про несчастный случай с наганом, - прошептал Котов. - Теперь они будут считать тебя убийцей.

- Мне плевать. Послушай, можешь оказать мне услугу сегодня?

- Да?

- Скажи, что ты вместо меня хочешь попробовать импульс. Я напился на выходных, потом в "Иллюзиях" забагованный импульс оказался, боюсь, как бы крыша не поехала.

- Конечно, о чем вопрос, - радостно согласился Котов.

"Если бы ты знал, какие мерзкие у этого маньяка-Нингена импульсы... Впрочем, может, тебе повезет больше, чем мне. Иного выхода все равно нет, я должен увидеть фоторобот первым".

- Спасибо.

Предчувствия Термита оправдались. Когда до окончания анализа оставалось полчаса, приехал робот-уборщик с заправленным автошприцом в пазе на "голове". Нинген забрал импульс, пробормотал "mission accomplished", и робот укатил восвояси.

- Ну что, время ширнуться? - ухмыльнулся скриптор. - Эта разработка скомбинированная, не лично моя, так что увлекательного трипа не обещаю.

"Оно и к лучшему", - подумал Термит. Он с тревогой обернулся на Котова, но тот уже шел к Нингену.

- А могу я попробовать? Я ведь вам больше не нужен.

Скриптор пожал плечами:

- Можешь и ты.

- Я давно этим не занимался, было бы интересно обновить впечатления.

- Я помогу ему потом заполнить анкету, - поддержал друга

Термит.

Он ожидал, что уговорить Нингена будет сложно, но тому, видимо, было безразлично, кто из них попробует импульс.

Позже, глядя на лежащего в "гробу" Котова, окутанного сетью датчиков и трубок, Термит чувствовал себя последней сволочью.

"Если с ним что-то случится, я буду в этом виноват. Если, как рассказывал Нинген, он сойдет с ума из-за проклятого импульса... Но нет, не может быть. Он ведь не я, он специалист, ему бы не позволили испытывать действительно опасную дрянь".

Было видно, как глаза Котова вращаются за закрытыми веками. Дыхание его было глубоким, кардиограф отображал мерное биение сердца.

- Катя, - Термит склонился к девушке, которая писала что-то скорописью в блокноте, - присмотри за ним, пожалуйста. Он очень давно не пробовал импульсов.

Днвушка молча кивнула, продолжая сосредоточенно заполнять листки закорючками.

- Спасибо, - прочувствованно сказал Термит. - Я буду у тебя в долгу.

- Ладно-ладно, я от него не отойду. Ради тебя.

- Тьфу! - Нинген, наблюдавший за сценой фыркнул. - Иди сюда, тестер, поможешь мне с расчетами.

Они вернулись в зал скриптория и уселись за параллельными компьютерами. Перед Термитом развернулись десятки файлов с параметрами импульсов и результатами проб. Большая часть информации оказалась зашифрована. Числа из разных анкет нужно было свести и провести статистический анализ: посчитать среднее, выявить погрешности, нарисовать графики. Эта работа через пять минут стала исключительно механической. Термит вбивал новые значения в строки электронной таблицы, а сам думал о фотороботе.

Все сложилось на удивление удачно. В зале остались только он и Нинген, значит, если фоторобот окажется слишком похожим, Термиту придется иметь дело только с одним противником. Украдкой он огляделся. Неподалеку от стола с пробником стоял закрытый чехлом проектор. За высокие ножки штатива можно было удобно схватиться, а сам аппарат наверняка был достаточно тяжелым, чтобы оглушить... или проломить голову.

Из-за закрытой двери подсобки послышалось негромкое пение.

- Заткнись, черт возьми, чего разоралась?! - заорал Нинген.

Пение стихло.

- Что ж ты так грубо с девушкой? - спросил Термит.

- Девушки, женщины, телки, щелки... - терпеть их не могу, -

проворчал скриптор.

Термит повернулся к нему на крутящемся стуле:

- Почему?

- Потому что.

Нинген поднес к лицу Термита кулак. Медленно один за другим разжал пальцы и резко сдернул перчатку. Заблестел синеватый металл. Рука скриптора была сделана из стали, в сочленениях виднелись пружинки, тонкие проводки обвивали металлические фаланги.

- Ого, - сказал Термит.

- Дерьмо из Тайваня, работает не дольше шести месяцев.

- Жалко...

Нинген фыркнул:

- Жалко у пчелки, - назидательно сказал он.

Скриптор щелкнул пальцами и между ними проскочил синий разряд.

- Круто, - сказал Термит.

- Забавненько. Но моя девушка - первая и последняя - так не считала. Сказала, что ее от прикосновений железа в дрожь бросает. Тупая сучка.

- Может, тебе нужно было ее погреть? Руку, в смысле. Холодный металл - не самое приятное ощущение.

Пальцы, клацнув, сжались в кулак.

- Обошлась бы. Тем более что все из-за нее вышло, - Нинген понизил голос. - Однажды мы с ней поехали на природу. В озере купаться, шашлыки есть. Костер жечь, мать его. Ну, я когда дрова рубил, палец себе и оттяпал. Сам едва в обморок не падаю, кричу ей, Ленка давай мизинец мой ищи. А дура возьми и заистерикуй. Забегала, видит палец на пеньке. Смахнула его с воплями, как паука. В костер прямо. Убил бы.

- Но у тебя вся рука искусственная...

Нинген пожал плечами:

- Пальцы отдельно не продавались.

Это было сказано абсолютно серьезно, и Термит поежился от мысли, что имеет дело с психопатом.

- А кого ненавидишь ты? - спросил скриптор, возвращаясь к своей работе.

- Наглых мусоров.

- Хы, неудивительно для такого отмороженного парня, как ты.

"Тогда, во времена лихой банды "Grassa-Grassa" мы хотели считаться отморозками. А были всего лишь глупыми подростками".

- Как там ваш фоторобот?

- Хм, ну пойдем посмотрим.

Они вернулись к системе анализа ДНК. На мониторе компьютера двигались зеленые петли скринсейвера. Нинген тронул мышку - безрезультатно.

- Раньше, если раб не хотел работать, его били кулаком, теперь, если компьютер не хочет работать, его бьют. Вот вам и технический прогресс, - сказал он и изо всей силы грохнул по системному блоку.

Термит вздрогнул. Как ни странно, но действия скриптора оказались эффективными. На мониторе проявилось окно программы в котором виднелось завершенное лицо. Его черты определенно совпадали с чертами Термита, но оно выгядело странно неживым, пластиковым.

- Ну и рыло. Похож на Мэтта Джонсона, ну, помните, актера этого...

- Да, точно.

"Черта с два они узнают меня в этом болванчике".

21. Провода

Успокоившийся и повеселевший Термит уже предвкушал, как пойдет домой и насладится бездельем, но Нинген сказал, что велено зайти к координатору. Ничего хорошего это не сулило, но отказаться было нельзя.

Джонсмит болтал по телефону на иврите, щедро пересыпанном английскими словами. Увидев вошедшего Термита, он махнул ему рукой, чтобы садился, и поспешно закончил разговор. На манжете темно-бордовой рубашки сверкнула запонка.

- У вас ко мне дело?

- Ага. I want you to deliver a message, - нараспев сказал координатор, хитро глядя поверх очков.

Очки были, скорее всего, декоративные, "понтов ради". Тонкая оправа из светлого золота блестела, не давая посмотреть в глубь глаз.

- Что за послание? - хмурясь, спросил Термит.

- Месседж, посыл, идея... Ты должен донести до мозгов одного зажравшегося бизнесмена, что нельзя одновременно играть с нами и с картелями.

- Ясно.

"Что ж, побуду шестеркой синдиката. Я так и знал, что рано или поздно они заставят меня делать их грязную работу. Особенно после того, как я признался в убийстве".

Джонсмит достал из ящика стола дермантиновое портмоне. Вещь была вопиюще дешевой и потасканной и, конечно, не могла принадлежать самому координатору. Он раскрыл портмоне, взял из вазочки с канцелярскими принадлежностями пинцет и

осторожно вытащил визитку. Положил ее напротив Термита.

- Возьми, там адрес и имя хозяина.

Визитка была напечатана на пластике и являла собой самое дикое сочетание новых технологий, которое только можно себе представить. Голограмма, змеящийся шрифт, эффект свечения. За всем этим мельтешением Термит не сразу разобрал текст.

- Бар "Провода", Краснобережная 14. Владелец - Артем Масленников.

- Артемон. Кликуха у него такая.

- "Провода", "Wires"... название говорящее.

- Да, изначально его заведение было лишь точкой торговли варезом. Потом от торговли краденым компьютерным софтом Артемон перешел к специфическим нано-технологиям. Например, к такой штуке, как нагваль-драйвер. В его притоне продавали первый вариант цифрового наркотика, причем на тот момент абсолютно легального. Точнее, еще не запрещенного.

- А сейчас, когда большинство нано-наркотиков в "черном списке", продавать их все равно, что толкать героин.

- Да. Он решил, что разницы в риске нет. И из-за собственной жадности взялся за оба дела. Ты должен убедить его, что химические наркотики - зло и очень часто приводят к смерти.

"Мда, мило, синдикат желает использовать меня, как громилу-рекетира на посылках. Надеюсь, они не надеются, что я буду подрабатывать у них киллером?"

Перед глазами снова встало видение женщины с размозженной головой. Термит сглотнул тягучую слюну, убрал визитку "Проводов" в карман и спросил:

- Как далеко простираются мои полномочия?

Джонсмит пожал плечами:

- Безгранично. Можешь запугивать его от нашего имени. Можешь его избить. Разгромить его бар. Изнасиловать его жену. Делай что хочешь, только вышиби у него из головы саму мысль о сотрудничестве с картелями. В борьбе против наркотиков все средства хороши.

"Да-а, это же бич нашего времени! Какое благородство со стороны синдиката внести посильную лепту в эту борьбу!"

Термит криво улыбнулся:

- Ладно.

- Это тебе.

Джонсмит открыл ящик стола и достал оттуда некий предмет, обернутый носовым платком. По выступающим контурам легко угадывался пистолет. Положив оружие перед Термитом, координатор откинул уголок платка, открыв ствол.

- Спасибо.

Термит рассмотрел пистолет, снова завернул его в ткань, ни разу не коснувшись самого оружия, осторожно сунул его за ремень и одернул куртку. Координатор наблюдал за его действиями, откинувшись на спинку кресла. В его прищуренных глазах и презрительном изгибе губ ясно читалось раздражение.

"Интересно, это у него хроническое проявилось, или ему досадно, что я не стал пушку голыми руками хватать?"

- Что ж, постараюсь уладить это дело побыстрее.

- Так не пойдет, - Джонсмит резко наклонился вперед. - Время - деньги. Результат нужен прямо сейчас.

- Вы хотите, чтобы я на ночь глядя поперся в тот притон?

- А ты обычно по барам с утра ходишь? Кроме того, вот тебе чек на такси, - координатор швырнул бумажку через весь стол. - На монопоезде неудобно будет добираться.

"Почему же такая спешка?"

Джонсмит сделал красноречивый жест в сторону двери.

- Что ж, я полетел! До новых встреч!

Легкомысленно помахав рукой, Термит вышел из кабинета.

На город уже опустилась холодная осенняя ночь. Лужи подернулись хрусткой пленкой льда, дыхание людей белым паром клубилось в воздухе. В центре города, у подножия небоскреба "Войда", не было настоящей тьмы. Мигали светофоры, свет автомобильных фар бил в глаза, извивались на витринах неоновые буквы.

Прямо напротив выхода замерло несколько такси класса люкс. Огромные, с матово-серыми боками, они напоминали выбросившихся на берег китов.

Термит спрятал руки в карманы куртки и поднял воротник. Холодный ветер, казалось, прознал о его намерениях и постарался наверстать свое, пока Термит плелся к автомобилям.

- Шеф, свободен? - прокричал он, склонившись к окну вольготно расположившейся "корды".

Шофер оторвал взгляд от строчек на электронной бумаге и хмуро посмотрел на Термита. Судя по кровавым виньеткам в углах листа, читал он что-то маньячное.

- Километр стоит...

- Мне неважно, фирма платит.

Термит вытащил из кармана кулак с зажатым чеком Джонсмита и позволил ветру расправить бумажку.

- Понятно, садитесь.

Салон "корды" был просторным и теплым. Кондиционированный воздух приятно погладил лицо, мягкое сиденье тут же подстроилось, повторяя форму тела.

- Куда едем? - спросил шофер, теперь скрытый за матовой

перегородкой.

Термит сжал в кармане визитку "Проводов", но сразу же отпустил.

- На набережную Петли. Ниже по течению от моста.

Шофер лишь хмыкнул на столь расплывчатый адрес и завел мотор.

"Корда" плыла мимо офисов и филиалов в сторону Петли. Район баров, ночных клубов и казино получил свое имя от реки, в излучине которой и располагался, но кое-кто подозревал в названии дурной каламбур: самоубийцы нередко устраивали себе виселицу на мосту между Петлей и старым вокзалом. Болтаясь под изящной аркой, можно было любоваться на роскошные фасады заведений на набережной и наблюдать, как к тебе сбегается толпа мужчин и женщин в дорогой одежде. Последнее шоу неудачников...

"Провода", конечно же, находились на отшибе, среди не особо фешенебельных заведений, главным достоинством которых являлись доступные дешевые наркотики или продажный секс. У черных входов этих баров толклись подозрительные типы, малоодетые девицы и громилы уголовного вида. Термит знал те места. В прошлом ему довелось бывать там и в качестве продавца, и в качестве клиента. И то и другое было безумием. После нескольких визитов, Термит стал избегать притонов на окраине Петли, решив, что рисковать здоровьем стоит ради более любопытных дел.

Автомобиль скользил по ночным улицам, как хищная рыба в воде. Они приближались к набережной Петли, и нервозность Термита возрастала.

"Странно, что в синдикате решили послать меня на переговоры. С пистолетом, как на Диком Западе. Будто у них нет, гм, легальных методов. Отстегнуть хоть бы и санитарной службе, и они закроют чертово заведение. Или припугнуть полицией. Или... черт, слишком много вариантов. Нет никакого резона посылать туда меня!"

Офисы сменились ресторанами, вместо припозднившихся клерков за окном можно было разглядеть стайки празднично одетых поддатых людей.

"Они рассчитывают, что я, как последний идиот, устрою там пальбу? И попаду в тюрягу лет на двадцать?"

"Корда" остановилась на светофоре. Впереди уже виднелся съезд на набережную.

"Или этот Артемон такая тряпка, что согласится на условия синдиката после простой беседы? А пистолет мне выдали в качестве одного из аргументов?"

Прошелестев шинами по брусчатке, автомобиль остановился.

- Здесь или...

- Здесь хорошо, спасибо.

Термит с сожалением выкарабкался из теплого салона в промозглую ночь. "Корда" мигнула ему фарами и уехала.

Он подождал, пока машина не скроется за поворотом и, съежившись от холода, побрел вдоль реки. Остановился в самом темном месте, на полпути между двумя фонарями, быстро огляделся - но наблюдали за ним лишь горгульи. Вытащил из-за пояса завернутый в платок пистолет и швырнул его вниз, в черную воду. Раздался тихий плеск. Термит ухмыльнулся и полез в карман. Визитка "Проводов" полетела следом за пистолетом, кувыркаясь в воздухе и взблескивая зеленым.

- Вот так, - пробормотал Термит.

Остаток пути он бежал неспешной рысью, стуча ботинками по брусчатке. Это не только согревало, но и отвлекло от неприятных мыслей.

Чуть задыхаясь, он наконец остановился перед баром, чтобы прочитать вывеску. Слово "Провода" было составлено из маленьких разноцветных лампочек, вроде тех, которыми сто лет тому назад украшали новогодние елки. Над названием фосфоресцирующей краской было размашисто написано "арт-клуб".

Термит толкнул узкую черную дверь и зашел внутрь. Помещение было вытянутым и извилистым, красные лампочки придавали ему чуть зловещий вид, а также расцвечивали небрежно оштукатуренные стены. Пучки кабелей свисали с потолка и змеились по бетонному полу, тонкие провода в разноцветной изоляции лианами свисали над грубыми столами. Эти странные техно-джунгли наверняка были делом рук какого-нибудь обкурившегося дизайнера.

"Но, конечно же, этот интерьер устроен не просто так".

Из-за планировки и декораций создавалось впечатление интимности, окинуть взглядом все помещение не представлялось возможным. Термит двинулся вперед. Там, за переплетением блестящих медных нитей и черного кабеля толщиной в руку, слышалась музыка. Кто-то наигрывал на гитаре и пел по-французски. Мелодия была простенькой, песня в основном состояла из рефренов, но голос певца оказался неожиданно приятным.

За квадратными столами из темного пластика собрались очень разношерстные компании. Термит даже заметил одного биореактора - опознал по характерному выражению лица.

Какая-то пьяная девушка покачнулась на каблуках, проходя

мимо него. Термит подхватил ее под локоть. И когда пытался поставить бедняжку на ноги, уткнулся взглядом в глаз камеры в центре пучка оптоволокон.

"Черт!"

Выслушав невнятные благодарности, он прошел дальше. Он внимательно обшаривал взглядом каждый угол, и скоро убедился в том, что весь бар находится под прицелом камер наблюдения.

"Ничего не понимаю. Зачем нужны камеры в баре, где продают наркотики и запрещенные нано-драйверы?"

Термит добрался до барной стойки, выполненной в виде футуристического терминала, и заказал себе кружку пива. Рядом, на обозначенной светящейся краской сцене, парнишка продолжал веселить публику. Он выглядел совсем юным, едва ли не школьником, и гитара его была крошечной, раза в четыре меньше обычной. Термит не разбирался в музыкальных инструментах, вероятно, то была особая разновидность, но ему она казалась просто игрушечной. Потягивая холодный напиток, он наблюдал за посетителями. Некоторые из них проходили дальше в хитросплетения проводов, а возвращались уже сильно повеселевшими - или наоборот, задумчивыми.

"Ага, они все-таки где-то получают дозу. Наверное, в туалете. Тогда понятно, зачем вся эта атрибутика. Полиция будет долго прорываться от входа между всех кабелей и проводов, достаточно долго, чтобы толкач успел сбросить товар. А камеры - чтобы никто не вздумал дурить в зале. Где-то сидит охрана, готовая вмешаться, если у клиентов поедет крыша".

Мелодия замерла. Музыкант взял с бара стакан воды, чуть отпил. Поглядел на экран телевизора под потолком: там передавали новости. Беззвучно мельтешили кадры. Темнота, кровь, размазанная по асфальту.

Термит вздрогнул и вперился взглядом в экран, торопясь прочесть бегущую строку. Но, судя по всему, это было лишь случайное убийство случайной жертвы. Какой-то маньяк почти разодрал тело.

"Ни ко мне, ни к синдикату это не имеет отношения. Спасибо и на этом".

Облегченно вздохнув, Термит снова глотнул пива.

Музыкант вернулся к микрофону. Прокашлялся.

- Сегодня ночью... сегодня ночью, пару часов тому назад умер человек. Я думаю... это для него.

Пальцы тронули струны и тягучий тоскливый блюз заполнил "Провода".

"Как будто для мертвых это что-то значит".

С последним аккордом Термит допил пиво. Парнишка-

музыкант передал бармену свою игрушечную гитару и, достав сигареты, скрылся за переплетением проводов.

"Эх, и мне бы покурить".

Термит ощупал пустые карманы, но, понадеявшись стрельнуть сигаретку, отправился следом за музыкантом. Там узкий зал переходил в еще более узкий коридор. Пучки черного, тяжело пахнущего резиной кабеля колоннами тянулись от потолка к полу. Протиснувшись между ними, Термит вышел в небольшой внутренний дворик, образованный стеной бара, разрисованными граффити боками двух близлежащих домов и наглухо заваренными железными воротами.

"Вот оно!"

Здесь не было ни одной камеры. Возле проржавевших ворот штабелем лежали пустые ящики, образуя удобную "лесенку". На пластиковом стуле развалился сонный дилер, а молодые люди поодаль от входа быстро глотали какие-то таблетки.

Музыкант просто курил, опершись спиной о стену.

- Простите, - обратился к нему Термит, - не будет ли у вас лишней сигаретки?

- Конечно.

Термит взял протянутую "Лаки Дог" и склонился к зажигалке. Музыкант щелкнул кремнием, и взвившееся пламя озарило часть граффити на стене. Поверх схематичного рисунка подводной мины и расплывчатых аббревиатур было размашисто выведено красным: "доброй охоты"!

22. Пророк

Термита лихорадило. Его бросало то в жар, то в холод, он втягивал глубоко в легкие табачный дым, и тут же давился им, забыв о размеренном дыхании. Проклятая надпись могла быть чем угодно: совпадением, глупой шуткой. Или намеком.

"Только синдикат знал, что я приду сюда, неужели они меня вычислили?! Нет, глупости. Они даже не могли быть уверены в том, что я зайду во двор. Это просто совпадение".

Докурив, он успокоился. Теперь еще больше захотелось вернуться домой и поспать. Потирая глаза, Термит вернулся к стойке, выпросил у бармена таблетку кофеина, проглотил и отправился искать владельца "Проводов".

Он пробирался мимо свисающих с потолка толстых кабелей и сияющих жгутов из медной проволоки. Вместо живой музыки включили запись, от басов вибрировал пол.

Термит остановился у двери с табличкой "администрация" и постучал.

- Войдите!

Кабинет владельца бара оказался маленьким и сумрачным. Одну из стен занимал широкий экран, изображение дробилось на квадраты по числу камер. Термит сунул руки в карманы. Он встал посреди комнаты, небрежно покачиваясь на каблуках, и уставился на экран. В зале две блондинки в узких платьях танцевали, тесно прижавшись друг к другу, возле туалета блевал не добежавший парнишка, странный мужик в дредах рисовал шарж на салфетке.

"Надо же, сюда и правда приходят художники!"

- Какого черта? Я вызываю охрану.

Термит подчеркнуто лениво оторвал взгляд от блондинок:

- Погоди. Есть разговор. Серьезный.

- Ну?

Артемон присел на край письменного стола. Это был маленький человечек с красным лицом и лысиной на макушке: по бокам курчавились седые волосы, действительно придававшие ему некоторое сходство с пуделем. Он нетерпеливо постукивал указательным пальцем по наручным часам.

- Я от "Войда".

Нетерпеливость сменилась откровенным раздражением:

- Что им нужно?

- Они хотят, чтобы вы перестали продавать наркотики.

- Какие наркотики?

- Спайку, ЛСД, нео-экстази, фенотал, гюрзу, мет и так далее.

- Вы издеваетесь?

- Я понимаю, что у вас бизнес...

Слова Термита были прерваны автоматной очередью. Он бросил взгляд на экран: в зале царил переполох. Какие-то громилы со стволами переворачивали столы и палили во все стороны.

Артемон бросился назад, к ящикам стола.

"Сука, он пристрелит меня!"

Термит рывком кинулся за дилером. Он больно ударился об угол стола, но успел схватить Артемона прежде, чем тот достал оружие. Они молча и остервенело боролись. В кабинете было слышно их тяжелое дыхание и отдаленные звуки выстрелов. Теперь стреляли одиночными, видимо, из пистолетов. Наконец Термиту удалось заломить руки бойкого владельца за спину.

- Толпа отморозков, - пробормотал тот, задыхаясь, - не ожидал, что "Войд" на это пойдет.

- Что...

Дверь распахнулась, и на пороге появился человек с пистолетом в руке, одетый в черную форму охранника. Термит развернулся, прикрываясь Артемоном.

- Не стреляй, болван! - взвыл дилер. - Вызывай полицию, закон за нас!

- Они уже едут, - ответил охранник, по-прежнему держа их обоих на мушке. - Этот кент тоже из "Войда"?

- Конечно. И его ждет тюряга либо пуля! - заложник мерзко захихикал.

- Если бы я был из "Войда" пуля ждала бы тебя, - прошипел Термит.

- Да ты же сам сказал!

- Разве? Ты забыл. Прослушай аудиозаписи.

Артемон запнулся, и Термит с облегчением понял, что никаких записей не велось.

- Слушай, мужик, опусти пистолет, а?

- Черта с два.

- Тогда зайди внутрь и дай мне выйти, - краем глаза Термит следил за экраном, на котором теперь появились полицейские.

- Шалава даст.

- Эй, делай, как я сказал, или я его убью! - он встряхнул заложника.

- И поедешь прямиком в газовую камеру!

В коридоре послышались голоса: шли полицейские. Термит подождал, пока они приблизятся, и отпустил Артемона, толкнув его вперед. Охранник переводил взгляд с Термита на полицейских. Он понимал, что если выстрелит сейчас, это никак не списать на самооборону.

- Бросить оружие! - дурным голосом заорал полицейский.

Охранник медленно уронил пистолет и поднял руки вверх. Его оперативно оттерли к стене и сковали наручниками.

- Все целы? - баском спросил толстый полицейский в гражданском, заходя в комнату.

Следом за ним вошла целая команда спецназа: в черных масках с черными автоматами в руках.

- Д-да, - ответил Артемон. - Но вот он напал на меня! Он один из бандитов!

- Ложь, - спокойно сказал Термит. - Я пришел пожаловаться на плохое обслуживание, тут началась стрельба, и этот совсем обезумел. Он хотел пристрелить меня!

- Так, - толстяк потер пальцами виски, - обыщите их обоих.

- Посмотрите у него в столе, - сказал Термит, покорно выворачивая карманы, - он пытался достать оттуда ствол.

Его и Артемона грубо обыскали, потом повалили и заставили лежать носом в пол. Термит закрыл глаза. Пахло жженой резиной и порохом, тяжелый ботинок упирался ему между лопаток.

"Хорошо, что я выбросил пистолет Джонсмита. Если бы я этого не сделал, пришлось бы убить Артемона и пробиваться к выходу с боем. На том стволе наверняка не одно мокрое дело".

- Он чист, в столе револьвер.

- Ага.

Толстый полицейский потирал руки, пока Термита и Артемона грубо вздергивали наверх.

- Запишите данные парня и отпустите, пусть заполнит завтра форму по Интернету, а если вживую нам понадобится - вызовем в отдел. А с вами, - он подмигнул хозяину, - мы потолкуем.

Термита усадили за стол Артемона и заставили заполнить бланк свидетеля и подписать бумагу о невыезде. Появившийся техник снял его биометрические данные: отпечатки пальцев и ДНК. После этого Термита вытурили из кабинета.

"Пойду домой и буду спать. Жаль, нет денег на такси".

Он поплелся к выходу из кабельно-проводных джунглей. Жутко хотелось спать, несмотря на принятую таблетку кофеина и выделившийся во время перестрелки адреналин.

"Может, попросить полицейских подвезти меня? Хотя бы до остановки монопоезда. Я ведь чист".

Он споткнулся и едва не упал. Схватился за толстый черный кабель и взглянул под ноги. На полу, широко раскрыв остекленевшие глаза, лежал музыкант. На его белой рубашке темнело три аккуратных дырочки.

- Что ж ты так, а? Что ж ты так?

Термит бормотал, склонившись над трупом. Происходящее вдруг стало казаться нереальным, невозможным. Почему-то эти маленькие почти круглые отверстия на груди музыканта выглядели куда страшнее, чем мозги Тройки, стекающие по стене.

Держась руками за виски, Термит рванулся в сторону, откуда тянуло свежим холодным воздухом. Он вывалился в тихий внутренний дворик, дыша, как загнанный зверь.

"Дерьмо, о черт, в какое дерьмо все это вылилось".

Надпись с пожеланием доброй охоты была не видна в сумраке. Термит провел по ней рукой. Тревога и отчаяние не отступали, но он огляделся и отметил, что в дворике совсем пусто.

"Полицаи, наверное, возятся в зале со свидетелями и трупами. Но скоро они придут и сюда. Пока я еще успеваю, нужно смываться через двор. Синдикату может не понравиться, если они увидят, как я выхожу через главный вход, нежно прощаясь с мусорами".

Он взобрался по ящикам, схватился за верх железных ворот и повис на руках с другой стороны. Отпустил, мягко упав на кучу листьев.

Темный проулок извивался как змея. Все фонари тут были предусмотрительно разбиты. Термит быстро шел вперед. Хотелось побежать, но он сдерживал себя - бегущему человеку куда сложнее будет объясняться с полицейскими, если вдруг они следят за этим ходом.

"Если меня поймают тут, просто скажу, что боялся увидеть трупы в зале. Черт, какие же все-таки они сволочи в синдикате..."

Впереди показалась ярко освещенная улица. Термит устремился туда, едва не сорвавшись на бег. На вывеске казино сияли неоновые звезды, замещая настоящие, невидимые за тучами.

"Отлично. Полицаев нет. Сейчас еще заскочу куда-нибудь промочить горло..."

Ночную тишину разорвал резкий гудок автомобиля. Термит обернулся.

Слева от выхода из проулка была припаркована побитая "фортуна". Сердце екнуло и медленно падало вниз, в желудок, пока из машины выбирался водитель. Близорукий исполнитель из "Войда", который устраивал знаменательную поездку на фабрику. Он призывно махал рукой.

- Чтоб ты провалился, - пробормотал Термит и поплелся к машине.

- Привет. Я уж думал, тебя завалили. Садись.

"Фортуна" рывком тронулась с места. Близорукий лихорадочно переключал скорости, выравнивая ход, зато потом улицы и перекрестки так и замелькали.

- Специально ждал, чтобы отвезти меня домой?

"Точнее, чтобы узнать исход событий в баре".

- Ага, Джонсмит попросил позаботиться о тебе. И о других парнях, если придут.

- Но они не пришли.

Близорукий пожал плечами:

- Наверное, прорвались к другому выходу.

"Наверное, полегли от пуль охранников и мусоров, такие же пешки, как и я".

- Кто-то из них мог умереть.

- Нам не нужны неудачники.

- Ясно.

- Что с Артемоном? Ты завалил его?

- Нет.

- Но ты же был рядом с ним, когда все началось?

- Мне приказывали провести с ним беседу, а не убить. Если синдикату нужны конкретные услуги, пусть так и скажут.

Близорукий рассмеялся:

- Ну, не все сразу. Впрочем, то, что Артемон выжил, не так уж и плохо. По крайней мере будет теперь посговорчивей. А ты не волнуйся, это была проверка.

"Ага, отличная проверочка, в ходе которой я либо труп, либо убийца в розыске".

- Я не волнуюсь.

- Ты спокойно выбрался?

Термит зло осклабился:

- Кажется, застрелил одного из мусоров. Пистолет выбросил на всякий случай.

- Отпечатки протер?

- Ага.

"Да, я стоял посреди ада и вытирал!"

- Молодец.

Термит молча откинулся на спинку сиденья. Близорукий даже не спросил его домашний адрес, и это демонстративное всеведение почему-то очень раздражало. Хотелось еще наврать про стычку в "Проводах", но Термит сдержался.

"И так придется серьезно ускориться с выполнением плана. Следующего такого задания я могу и не пережить, синдикат явно решил пустить меня в расход. Можно только надеяться, что еще пару раз вызовут на тестировку. Иначе придется получать информацию через Котова".

Он рассеянно смотрел в окно, сонные мысли путались. Но тут фары "фортуны" ярко осветили стену старой булочной на перекрестке. Поверх нарисованных батонов и ватрушек шла черная надпись: "Охотник - наш бог".

- Что за?..

- Подонки развлекаются. Какой-то псих из Восточной Рощи собирает поклонников Охотника, ну, того, который Воленского убил.

Пораженный Термит не нашелся с ответом.

23. Контакт

Мерцающе-бирюзовое море ласково гладило прибрежный песок. Волны накатывались с тихим шипением и отступали, оставляя обломки ракушек и кусочки янтаря. Белый диск знойного солнца застыл в глубоком небе.

Термит почувствовал, как жаркие лучи опаляют его несуществующие плечи.

"Шутка подсознания, не предусмотренная разработчиками".

Он двинулся вперед. Прозрачная вода манила, короткие гривы пены проходили сквозь призрачное тело.

"Какая жалость, что Нинген не занимается таким. Он бы сделал и тело, и ощущение прохладных волн".

Над небольшим рифом покачивался на воде обитый железом сундук. Термит остановился рядом с ним и напряг воображаемые мускулы. Сундук понесло к берегу. Он ткнулся в песок и раскрылся. Термит с интересом заглянул внутрь: там аккуратно были уложены пачки жевательной резинки.

- Что за чушь? - громко спросил он.

Лампа в лабораторной слепила глаза почти так же, как солнце из нано-фильма.

- Какие впечатления? Что ты подумал, когда открыл сундук? - с энтузиазмом спросил молодой скриптор.

- Что кто-то меня нае... обманул, - мрачно ответил Термит, усаживаясь в "гробу".

- Да ладно, красиво же было!

- Да, но - жвачка! - на тропическом острове! - на кой черт?!

- Ролик про кариес и гнилые зубы никто смотреть не будет.

- А ты включи его в контекст фильма про зомби.

- Издеваешься? Но да, мы сюжетную линию обязательно добавим. Пиратов. Или потерпевших крушение.

- Голых баб.

- Зачем так грубо?

- Добавь потерпевших крушение голых пираток, которые надуют из жвачки пузырь и, сверкая задницами, улетят в Париж.

Скриптор обиженно отвернулся. Термит вздохнул. Маркетологи считали, что сейчас самое время разрабатывать рекламу для нано-фильмов. Поскольку всунуть ролик в пятиминутный фильм тяжеловато, скрипторы и программисты старались совместить зрелищное с денежным.

- Мне вообще тяжело представить, что кто-то согласится добровольно ширяться рекламой жвачки.

Скриптор фыркнул:

- Реклама героина больше бы подошла? Впрочем, ты тестер, твое дело цепляться. Нужно просто все это хорошо замаскировать.

- Удачи.

Термит неспешно оделся и направился к компьютеру. После почти бессонной ночи заполнять таблицы и анкеты оказалось делом на диво сложным. Он подолгу тупил над каждой строчкой, потирая закрывающиеся глаза. В лабораторию приходили и уходили люди, а он все сидел в прострации, пялясь на монитор. Перед глазами то стоял убитый музыкант, то расползались кровавые пятна. Забросив работу, Термит вошел в Интернет. О перестрелке в "Проводах" говорилось лишь в одной короткой заметке. Больше писали о маньяке. Жертва его была совершенно обезображена. Опознали ее только по ДНК - оказалось, то была старая шлюха-наркоманка. Люди в Интернете писали о новом Потрошителе. Казалось, они предвкушают появление нового убийцы, его изощренные преступления, смакуют кровавые подробности.

Термит вздохнул и прижал ладони к глазам. Ему было дурно.

Кое-как покончив со своими обязанностями, он распрощался с коллегами и поплелся домой. Сумрачный осенний день как нельзя располагал к дреме. Мелкий дождик серыми штрихами затемнил город. Под карнизом остановки монопоезда нахохлились голуби, внизу точно также нахохлились люди.

На прозрачной стене остановки было выведено черным маркером "доброй охоты D42E FM".

Термит тупо уставился на надпись. Потом зашарил по карманам - он знал, что в таком состоянии странный код не запомнит. Ручек и карандашей он не носил сроду, зато обнаружилась упаковка злосчастной жевательной резинки. Разжевав пару пластинок, Термит приклеил липкие - и довольно мерзкие - кусочки к пачке сигарет, сформировав из них буквы и цифры. Сунуть этакую гадость в карман он не решился, и всю дорогу был вынужден рассматривать код.

Дома он осторожно положил пачку на тумбочку, вернулся на лестницу и постучал в соседскую дверь. За ней играла музыка и доносилось тяжелое ритмичное дыхание. Если бы Термит не знал соседей, то мог бы подумать, что они очень тщательно и усердно трахаются. Устав колотить правой рукой, он сменил ее на левую. Скоро дверь открылся и на пороге появился запыхавшийся сосед в мокрой от пота майке.

- Качаешься? - улыбнулся Термит.

- Угу.

- Слушай, такое дело, у вас нет радиоприемника?

- Должен быть. У сучки валялся где-то старый. Подожди.

Он скрылся в квартире. Послышался шум, будто сосед расшвыривал вещи, впрочем, скорее всего, так оно и было. Через

четверть часа он снова появился - со стареньким радио.

- Вот, еле нашел. У проклятой дряни вечно срач.

- Спасибо. Я завтра верну.

Сосед махнул рукой:

- Оставь себе. У меня комп и стереосистема есть, нафига мне радио?

Термит улыбнулся и отправился к себе.

Он разделся, тоже не особо аккуратно расшвыряв одежду по комнате. Погрел объедки от копченой курицы в микроволновке, присовокупил к ним кусок хлеба и занялся приемником. Глотая полупережеванные куски, он включил прибор в сеть и поймал на пробу пару знакомых радиостанций. Все прекрасно работало. Тогда Термит вернулся к опоганенной жевательной резинкой пачке "Даггерз". Включил ноутбук и забил в поиск "диапазон гражданских частот". Интернет услужливо сообщил, что буквой D обозначаются частоты от 27415 до 27855кГц, которые разрешены к использованию гражданскими лицами.

"Прекрасно".

Сверившись с таблицами частот, Термит с некоторым замиранием сердца настроил радио на волну "Пророка".

- ...уходить с южной жопы, бо мусора достанут.

Термит едва не поперхнулся курицей от столь странного заявления. Остальные послания радио оказались столь же малопонятными. Сиплый голос монотонно указывал места, сообщал о действиях и направлении, но все на каком-то диком жаргоне.

- Зайдешь в общагу, держись левой стены...

Зевнув, Термит поставил пустую тарелку в мойку, взял радио и отправился в комнату. Там брало хуже, голос порой заглушали помехи.

- У надписи "Угол - дурак" поворачивай направо.

"Чем им не угодил угол?"

Термит потянулся к кнопке выключения, но тут вдруг речь "ведущего" стала не такой монотонной.

- Все, закончили, я отбой. Охотник! Чел, ты помог мне и убил Воленского, за это я и ребята - зубьями за тебя. Хочешь встречи - дай знать место. Меня сам узнаешь, примета есть.

- Да ну?

- Если мы можем помочь тебе, Охотник, дай нам знать, - вещал сиплый голос. - Мы сделаем для тебя все!

- Спой мне колыбельную... - пробормотал Термит, зарываясь в одеяла.

От чашки с кофе поднимался густой ароматный дым. Термит мазал хлеб маслом: уже четверть часа водил ножом по ломтю.

Мысли о Пророке не давали покоя.

"Это может быть ловушка Мордреда. Он устроил все это, в надежде, что я попытаюсь связаться с Пророком - и тут-то он меня и сцапает".

Не выдержав издевательств, ломоть развалился на две половинки. Термит отложил нож в сторону, накрыл хлеб куском сыра и укусил.

"Проблема в том, что я теперь не могу медлить, ложиться на дно и все такое. Напротив, мне нужно нестись вперед на всех парусах, надеясь, что я обгоню ублюдков из синдиката. А душка Мордред - палка в колесе. Но останавливаться и осторожненько от него избавляться времени нет, этак я рискую проиграть всю гонку".

В раздумьях он позавтракал и отправился на работу. А когда входил в лабораторию "Иллюзий" окончательно утвердился в решении.

"Не важно, настоящий Пророк или подставной. В любом случае Мордред будет тереться где-то рядом с ним, надеясь снова нанести удар. Идеальная ситуация для контратаки".

Он достал телефон и набрал номер "Иллюзий".

- Да? - отрывисто ответил шеф отдела.

- Я хотел сказать, что ухожу с работы...

Вечером следующего дня Термит стоял у окна своей квартиры и с интересом наблюдал, как женщина в безразмерной куртке уговаривает рыжего кота "пойти домой". Отъявленный бандит прижался брюхом к жестяному подоконнику, на котором только что спал, и встопорщил шерсть, превратившись в рыжий шар.

- Ва-а-асенька, пойдем домой, - умильно ворковала хозяйка.

Кот презрительно шипел.

"Король джунглей". Термит усмехнулся и продолжал смотреть, помахивая в воздухе руками. На ладони было нанесено вещество, покрывающее кожу тонкой полимерной пленкой. Средство продавалось в магазине бытовой химии и предназначалось для защиты "нежной кожи ваших ручек" при мытье посуды или чистке кафеля. Однако, оно также успешно защищало нежную психику преступников от боязни оставить отпечатки пальцев.

- А я тебе ры-ы-ыбки дам. А? - продолжала кошатница.

Рыжий смерил ее презрительным взглядом, говорившим "для тебя и головастик - рыбка", но смилостивился и тяжело бухнулся с чужого подоконника в подставленные руки.

Термит сделал в воздухе еще несколько пассов. Понюхал ладони, потом осторожно прижал одну к другой - не прилипли. Убедившись, что пленка высохла, он быстро оделся и отправился

к станции.

К гардеробу и прическе он тоже подошел очень тщательно. Волосы с гелем зачесал назад, что придало ему вид гангстерской шестерки времен Великой депрессии. Купленный накануне в сэконд-хэнде длинный плащ цвета охры с плесенью дополнял образ. Непривычная прическа и одежда на удивление сильно изменили внешность.

"Полицаи, конечно, проверят камеры и снимут отпечатки - но поди вычисли Охотника из толпы подозреваемых. Думаю, остальных будет не меньше тыщи. Я легко затеряюсь".

Изменять облик и прятать папиллярные узоры было необязательно, но это как-то успокаивало.

После нескольких долгих поездок с пересадками Термит оказался на другом конце города. Спальный район, в котором проживали в основном служащие банков и начинающие бизнесмены, был обустроен и красив, не в пример родным местам Термита. Во дворах отцветали астры и хризантемы, стайки детей пускали по лужам кораблики из разноцветной бумаги. Неподалеку от торгового центра виднелось двухэтажное здание университетской библиотеки со стенами "под песчаник" и крутой аркой входа.

Термит прошел внутрь и оказался в тихом уютном помещении. Он чуть сгорбился, пряча лицо от камер.

Синтетические ковры с длинным ворсом заглушали шаги многочисленных посетителей. У терминалов школьники и студенты просматривали электронные пособия. В дальнем углу шли занятия по языку глухонемых.

Термит обогнул немногочисленные книжные шкафы и направился к компьютерному залу. Там, в длинном помещении, куча народу смотрела сайты, и переговаривалась через микрофоны, и клацала по клавишам. Большинство пришли сюда ради уникальных баз данных, но были и студенты, игравшие в онлайн-шутеры между лекциями.

Контрольный аппарат на входе должен был пропускать только людей с карточками преподавателя или учащегося. Но, как и во времена учебы Термита, он не работал.

Свободных мест в зале было немного. Зато одно очень удобно располагалось в самом углу. Термит бесцеремонно занял его под носом у прыщавого юноши и зашел в Интернет. Он использовал прокси-анонимайзер, хотя и не думал, что это серьезно помешает полиции. Создал почтовый ящик, воспользовавшись услугами одного из бесплатных сервисов. Нажал на кнопку "новое письмо" и написал: "Пророк, если ты действительно хочешь мне помочь, место встречи - Пейнтбол203, в следующую субботу".

Сохранив письмо в черновиках, Термит отключился от Интернета.

"Полработы сделано".

Выйдя из библиотеки, он направился в магазин канцелярских товаров. Приобрел там маркер ярко-красного цвета и снова сел на поезд. Вечерело, и в наступивших сумерках Термит в пяти разных, но одинаково укромных местах оставил свой знак, приписав к посланиям Пророка почтовый адрес mordred_cadaver@gav.org.

24. Покер

По белесому предрассветному небу ползли свинцово-серые облака, похожие на трупы в саванах. Термит остановился посреди пригородной дороги. По обеим сторонам ее щерились развалины: каркасы домов, павильоны, ставшие грудами кирпичей и разбитого стекла. Вдалеке на холме темнел остов стадиона, напоминавший колдовской круг для призыва демонов, из бетонного фундамента вздымались к небесам ржавые прутья арматуры. Стадион когда-то начали строить и бросили, позволив ему медленно распадаться, превращаясь в какое-то жуткое урбанистическое чудовище. Если бы души мертвых домов могли посещать землю, это место кишело бы призраками.

Термит спустил с плеч рюкзак, достал пачку сигарет из кармана и закурил. Его замерзшее дыхание смешивалось с дымом в холодном воздухе. С сигаретой в зубах он присел на корточки и достал из рюкзака кусок пиццы в пленке, бутылку минеральной воды и противогаз. Есть особо не хотелось, но Термит дисциплинированно сжевал пиццу и запил ее водой.

Потом надел противогаз, перчатки, подхватил рюкзак и рысью побежал вперед, где за руинами брезжил тусклый осенний рассвет. Два поворота - и стадион, а напротив него - приземистое одноэтажное здание из белого кирпича. В трех из шести его фронтальных окон были выставлены куски картона с цифрами 203. Термит поправил рюкзак и обошел дом кругом. Сухая замерзшая трава хрустела под его ногами. Он остановился у задней стены дома, напротив разбитого окна. Прислушался. Было тихо, как в могиле, и Термит решительно полез внутрь.

Он, не задерживаясь, прошел сквозь несколько пустых комнат. Стены их были разрисованы граффити, а на полу валялись бутылочные осколки, пустые шприцы и презервативы.

В просторном фойе, однако, еще сохранились остатки былой роскоши. Пол кое-где прикрывали лоскуты бордового синтетического ковра, на стенах висели плакаты. Некоторые постеры - в основном порнографические - были новыми, но у Портала сохранились выцветшие рекламы Пейнтбола203. На них мускулистые парни и лукавые красотки палили друг в друга

шариками с краской из ружей-маркеров крышесносящего дизайна. Портал, то есть подсвеченная неоновыми трубками дверь, служил входом в пейнтбольный лабиринт, в клубок переплетающихся коридоров, комнат и лестниц. По слухам, в 203-насчитывалось четыре подземных этажа, более пятидесяти тайников и множество мест, удобных для игровой базы. К сожалению, в свое время владельцы Пейнтбола203 слишком увлеклись лабиринтом. Они вбухали в него почти все средства, и на отделку денег почти не осталось. Совершив ловкий финт, они купили по дешевке списанные материалы у одного из полимерных предприятий.

Это случилось как раз тогда, когда Термит сотоварищи прохлаждался в тюрьме. После пафосного открытия множество молодых людей спустилось в лабиринт с монстроружьями наперевес. Треть из них потом увезли ногами вперед, а большая часть выживших скоро попала в токсикологические центры.

Пластик оказался столь же ядовитым, сколь и дешевым. Нагреваясь до определенной температуры - от дыхания, от тепла людских тел - он начинал разлагаться, выпуская в воздух ядовитый газ.

Легенды гласили, что местный мафиози, отец умершей в лабиринте девочки, устроил тут "пейнтбол" с владельцами заведения. Он якобы гнался за ними по коридорам с обрезом в руке, пока они не умерли от ядовитых испарений. После чего, естественно, помер сам.

Зловещая слава этого места привлекала любителей адреналина, диггеров и анархистов. То, что по лабиринту 203-го нельзя ходить без противогаза, лишь добавляло интереса к объекту. Время от времени какой-нибудь болван таки находил себе конец в газенвагене. Тогда городские власти спохватывались, заколачивали окна и сажали рядом сторожа. Однако утилизировать тонны ядовитого пластика никто не брался, платить за охрану лабиринта выходило накладно, и скоро Пейнтбол203 оставляли в покое. Для очистки совести тут устанавливали парочку камер. Возвращаясь в свои пенаты, юные хулиганы и адреналинщики первым делом эти камеры разбивали. И цикл повторялся снова.

Термит пробирался вниз. Узкий луч фонарика выхватывал из темноты фрагменты интерьера: обветшалые разноцветные панели из злосчастного пластика, незамысловатую мебель, криво нацарапанные послания грядущим поколениям, состоящие в основном из матерных слов и скабрезных рисунков.

Чем больше ступеней оставалось за спиной, тем более заброшенным и зловещим становился лабиринт. В самом низу

некоторые комнаты были затоплены. Опалово-зеленая вода казалась гнилой, жидкой отравой. В ней плавал мусор, но Термиту ни с того ни с сего почудилась обглоданная человеческая голова, и он шарахнулся вон. Пробежав по очень узкому коридору, он очутился среди хитросплетений множества толстых и тонких труб. Это место напомнило ему о "Проводах", и Термит постарался быстрее пробраться дальше.

А дальше была квадратная комната, обставленная как бункер. На длинных лавках у стен лежали каски и старые противогазы, стены украшали плакаты, объясняющие, как нужно себя вести при воздушной тревоге.

Термит снял рюкзак и положил его в центр бункера на бетонный пол. Достал из него спальник, припасы еды, мобильный телефон, радио и батарейки и длинный металлический пенал, в котором покоились двадцать два шприца. Устроил себе уютное гнездо, внимательно убедившись, что оно находится как можно дальше от пластика. После чего лег и заснул. Было утро четверга.

Проснувшись, Термит на пару мгновений снял маску, чтобы быстро глотнуть воды и затолкать в рот бутерброд. Потом взял фонарик и сходил в комнату с трубами, чтобы облегчиться. Остаток дня он валялся на спальнике, слушая радио и играя в пасьянс на телефоне. Примечательными за те длинные сутки оказались только минуты, когда Пророк вклинил послание между монотонным обсуждением достоинств новой "фортунаты" и не менее монотонными проклятиями в адрес мусоров.

- Мне плевать на этот мир. Он - наш враг. Правительство - наш враг, СМИ - враг, судьи - враги. Они говорят, что убив Воленского и его прихвостней, Охотник стал врагом общества, что ж, это общество всегда было моим врагом. Но теперь... теперь мы поиграем, правда Охотник?

- Поиграем, - повторил Термит.

Трансляция оборвалась, а в следующей Пророк снова повторил связку "Охотник - игра". Этим он наверняка давал понять, что увидел приписанный к его граффити почтовый адрес, подобрал к нему пароль - goodhunting - и прочитал письмо.

"Пророк придет. Нужно только узнать его".

Глядя в темноту, - он выключал фонарик, чтобы беречь батарейку, - Термит гадал, какую же примету имел в виду его нежданный союзник.

Ночью с четверга на пятницу, перед тем как лечь спать, Термит прошелся по нижнему ярусу лабиринта, старательно избегая затопленных участков. Он спрятал в подходящем месте за пластиковой панелью двадцать автошприцов, заполненных свежей матрицей. После чего вернулся в свой бункер, поместил два

оставшихся шприца в стене за плакатом со схемой атомной бомбы, быстро поел и крепко заснул.

Уже пятничным утром лабиринт ожил. Слышались шаги и звуки музыки. Пару раз пробравшись дальше комнаты с трубами, Термит видел отсветы чужих фонариков, а однажды, когда он мочился в опалесцирующую воду, его шлепнули по плечу и сквозь маску гнусаво пожелали, "чтоб его хрен светился".

Он вернулся к себе и до субботы постарался быть тихим, как мышь. Было маловероятно, что полиция устроит облаву прямо в лабиринте перед экшеном, но все равно стоило затаиться. Сейчас сверху масса любопытствующего народу спускается в лабиринт Пейнтбола203. Среди них, конечно же, замаскировавшиеся мусора, Мордред и Пророк. Нужно обвести вокруг пальца первых и выяснить все о последнем. И при этом не попасться самому!

Субботним утром Термит выключил радио и сложил все свои пожитки в рюкзак. Пустые бутылки и обертки от еды он выбросил в одном из коридоров. И стал бродить по коридорам Пейнтбола, сталкиваясь с другими экстремалами и интересуясь, не видели ли они Охотника. Все люди тут были похожи - в масках и грязноватой одежде, в перчатках. Это позволяло самому Термиту легко затеряться среди них.

"Но как же найти этого чертова Пророка?"

В своих поисках он поднялся на первый этаж, где увидел, как группа полицейских в гражданском - если гражданским можно считать противогазы и кожаные куртки - уводит четверку вызывающе одетых панков. Они все громко говорили о Пророке, видимо, четверо болванов были его людьми.

"Неужели они все такие идиоты? Правда, выглядят чересчур довольными для людей, которых волокут в каталажку. Может ли это быть отвлекающим маневром?"

Мобильный телефон уже показывал полдень, когда до Термита дошли слухи, что на третьем этаже играют в карты.

"*Поиграем, Охотник?* Это ли он имел в виду?"

Он спустился на третий этаж. Там, у самой лестницы, начинался большой зал, изначально предназначенный для игры в захват флага. В старых брошюрах фирмы он значился как "Звездная комната". Стены были оформлены с астрономическим размахом: на пластиковых панелях горели холодные звезды, тускло светились далекие туманности, галактики сворачивались в спирали. Ранее на полу возвышались серебристые конструкции, символизировавшие звездолеты, но теперь от них остались лишь обломки, от греха подальше раскиданные по углам.

Теперь эта комната выглядела как зал казино в открытом космосе. На полу, на грубых деревянных ящиках, на специально

принесенных складных столиках играли в карты. Кто в дурака, кто в очко, кто в трынку. В центре зала за шатким алюминиевым столом, небрежно покрашенным в зеленое, резались в покер.

"Покер в противогазах. Мило".

Он смотрел на игроков, не делая попыток присоединиться. Вот этот, больно аккуратно одетый, наверняка из ментов. Придурок, идущий олл-ин на любой карте, - видимо, просто придурок. Дама с длинными светлыми волосами и четкой фигуркой слишком хороша, чтобы быть Пророком. Хмырь в старом противогазе и темном плаще... со светлой полоской лезвия, которая танцует меж его пальцев в тонких перчатках.

Лезвие! Бритвенное лезвие, которое он спрятал во время рукопожатия с самой первой своей жертвой. Лезвие, необходимое для того, чтобы произошел контакт жидкостей. В тот день у тюрьмы кровь Термита смешалась с кровью первой жертвы, и он понял, что его модифицированная матрица работает.

"Константин Чернов. Хулиган, дебошир и наркоторговец. Пророк?!"

Термит отпихнул от стола парня, что настойчиво шел ва-банк, и занял его место.

- Нечего дитя обижать, - ответил он на возмущенные взгляды.

К счастью, играли по-маленькому. Термит в карты играл нечасто и не был лучшим знатоком покера, но оказался самым выдержанным и терпеливым из игроков. Пока они блефовали с мусором, он спокойно дожидался хорошей карты и брал банки с сильными комбинациями.

После пары кругов ему довелось сыграть розыгрыш против хмыря с лезвием. Он начал с парой вальтов, на флопе пришли разномастные туз, десятка и валет. Таким образом, Термит получал сет, тройку вальтов. Он повысил ставку, хмырь ответил.

"Наверное, у него на руках туз. И умник надеется обставить меня с парой. Хе-хе!"

На четвертом круге дилер выложил даму. Термит чекнул, предоставив право хода противнику. Тот повысил.

"Черт, неужели у него стрит? Неужели у него на руках король и десятка? Тогда я в заднице!"

Термит посмотрел в круглые стекла, за которыми скрывались глаза... Пророка?

"Может быть, он и Чернов. Но кто поручится, что он не в сговоре с Мордредом?"

- Ходи давай! - прокричал ему на ухо один из зрителей.

- Думаю же! - огрызнулся Термит.

"Я уже поставил слишком много, чтобы теперь выйти из игры. Нужно продолжать. И будь что будет".

- Олл-ин.

Он сдвинул все свои монеты и купюры в центр стола. Хмырь ответил тем же.

Дилер выложил последнюю карту. Туз.

"Туз! Мне доехал фулл-хауз, хе-хе!"

Термит едва не рассмеялся, когда хмырь с лезвием открыл своих короля и десятку. Он швырнул на стол пару вальтов и сказал:

- Я пришел, чтобы освободить тебя. От денег.

Хмырь демонстративно зажал лезвие между пальцев и протянул Термиту руку поверх стола.

"Он узнал меня. Он Пророк. Теперь посмотрим, у кого комбинация сильнее - у меня или у Мордреда".

Он осторожно пожал протянутую руку.

25. Фальшивка

Железная лестница сотрясалась и грохотала, когда двое спускались по ней в сырую бездну. Помещение внизу было залито водой. Гладкая, как зеркало, поверхность отражала мятущиеся лучи двух фонариков. Люди, пригибаясь, чтобы не удариться о низкий потолок, перебрались через комнату по дощатому настилу. Миновали несколько коридоров, зал с множеством разновеликих труб и оказались в бункере.

- Так это ты Пророк. Никогда бы не подумал...

- Я в долгу у тебя, Охотник. Скажи, и я кому угодно очко на зенки натяну.

- Я ценю это, Костя.

- Никотин. Они зовут меня - Никотин.

- Хорошо.

Их голоса глухо звучали из-под масок. Оба человека то и дело озирались и умолкали на полуслове, настороженно прислушиваясь.

- Слушай меня, Никотин...

Две головы соприкоснулись.

Глухой шепот, глухой смех.

Никотин протянул руку, задрал рукав. Ремень послужил жгутом.

Охотник разломал стену и достал из-за панели заполненный шприц. Высветил голубую вену. Игла легко и привычно вонзилась в тело; нано-структуры смешались с течением крови.

- Все, - прошептал Охотник.

Он потрепал союзника по плечу, но Никотин сбросил его руку и шагнул в темноту.

Пробравшись между сплетенными трубами, Никотин полез вверх по лестнице. Им завладело странное чувство - будто он

забыл о чем-то очень важном. Оно гнало его вперед.

Никотин никогда не любил людей. Но в его теперешнем состоянии они раздражали донельзя. Он обошел "казино" и прилежащие коридоры, едва удерживаясь от желания набить морду первому встречному.

Люди... их сущности так явно просвечивали через маски, что это раздражало. Никотин мог с полувзгляда отличить героинового наркомана от спайщика, проститутку от просто шлюхи, мусора продажного от мусора принципиального. Правда, последние в коридорах все не попадались, они сосредоточились в зале, где играли в карты.

Никотин, раздраженный и злой, кружил между столами, задевая мужчин и женщин. Он увидел Охотника, тот в углу обнимался с какой-то девицей и поглядывал на него, на Никотина через ее плечо.

"Ублюдок, развлекается, мерзавец, пока я... пока я..."

Он не мог ответить самому себе, что же хочет сделать. Казалось, его потаенными желаниями управляет кто-то другой.

И тут один из молодых полицейских сгреб выигрыш со стола, где резались в очко, и вышел в коридор. Он шел, оглядываясь по сторонам и теребя ширинку.

- В туалет хочешь? - пророкотал Никотин сзади.

Пацан обернулся:

- Ага.

"Мне не нужно, чтобы он обмочился", - подумал Никотин.

Он отвел парнишку к лестнице и показал ему ядовитое озеро. Тактично отвернулся и подождал, пока мусор закончит свои дела. Хотелось то ли выпить, то ли покурить, то ли поесть чего. Никотин массировал пальцами виски и плавно, размеренно дышал через респиратор.

- Спасибо, - сказал полицейский.

- Угу, - пробормотал Никотин.

Он прижал мусора к стене, правой рукой задрал ему подбородок и с почти волчьим рыком вцепился ему в горло. Сначала зубы скользили по плотной, соленой от пота коже, но скоро Нику удалось ее прокусить. Его рот наполнился чужой кровью.

"Контакт жидкостей. Вот тебе контакт".

Он чуть разжал зубы и водил по краям раны языком, позволяя смешаться своей слюне с кровью полицейского.

Мусор кричал. Отчаянно, без остановки - но маска прекрасно заглушила вопли.

Его кровь, смешанная с потом, была соленой.

Пальцы Никотина барабанили по пластиковой стене, и он

почти физически ощущал, как та разогревается и начинает испускать яд.

Мусор сорвал маску и жадно вдохнул отравленный воздух.

Его крик сменился хрипом, а потом он просто безвольно опустил голову.

Никотин отошел и взглянул на паренька. Глаза того были мутные; явно начало действовать зелье Охотника. Это было страшно, хотя все полицейские и относились к ненавистным, презренным тварям.

Дрожа, Никотин вытер окровавленный рот и надел маску. Его внезапно прошибло холодом, а он ненавидел холод. Когда было холодно, он сразу вспоминал пустые вокзалы, и дешевые бары, и фойе какого-то института, где он притворялся местным вместе с черной кошкой, которая сидела на его коленях, пригревшись. Он вспоминал приятеля, заснувшего по пьяни на морозе... насмерть. Да и протез в левой ноге сразу отзывался болью на холод.

- Мусора... - прохрипел Никотин. - Ты найдешь для них подарок в стене.

Полицейский пялился на него остекленевшими глазами. Кровь стекала по шее, расплывалась черным пятном по синей куртке. Никотин поправил воротник мусора, так, чтобы он прикрывал рану. Потрепал подопечного по плечу и ушел, не оглядываясь.

Когда он скрылся в тени, полицейский начал действовать. Он обходил периметр, методично отдирая пластмассовые панели со стен. Под одной из них обнаружились спрятанные шприцы. Полицейский улыбнулся им туманной улыбкой и осторожно переместил в карман.

Он быстро взобрался по лестнице.

Шею, как шарфом, охватила пульсирующая боль. Зато дышать было легко - без маски же. Полицейский попытался вспомнить, почему он должен надеть маску, но никаких резонов в голову не пришло. Дурацкая вещь была выброшена в лестничный пролет. Гулко стукаясь о железные ступени, она упала в темноту.

Полицейский нащупал шприц в кармане и вошел в игральный зал. Несколько человек уставились на него в удивлении.

Он обвел зал взглядом. Более трети картежников оказались переодетыми мусорами. Он не помнил, откуда у него эти знания, но многих он мог бы назвать по имени. Его пальцы сжались в кулаки. Ненависть бурлила в горле, даже начало подташнивать. Поддельные звезды злобно светились-скалились со стен, будто догадываясь о его чувствах.

Полицейский прикрыл глаза, и перед его внутренним взором промелькнули кровавые, мрачные картины. Он хотел их всех

убить. Содрать с живых кожу, медленно выпустить кишки и заставить проклятых мусоров жрать собственное дерьмо. Причин этой ненависти он тоже не помнил.

- Паш, ты в порядке?

Голос был знаком, и от него ярость спазмом сковала горло. Полицейский молча поманил мусора. Они вышли в коридор, свернули за поворот.

- Ты весь бледный. Где твоя маска?

Не говоря ни слова, полицейский выдернул из кармана руку с зажатым в ней автошприцом и вонзил в шею заботливому собеседнику. Тот закричал, но его собственная маска заглушила вопль.

Полицейским навалился всем телом на противника и прижал его к стене. Одновременно он достал из его кармана рацию. Она была настроена на постоянную трансляцию: даже теперь кто-то слушал их разговор.

- Да все путем! - громко и весело сказал полицейский. - Пойдем еще сыграем в дурака.

И поставил громкость принимаемого сигнала на ноль. Совсем уничтожить рацию было нельзя, это немедленно подняло бы тревогу.

Человек у стены уже не сопротивлялся. Он прислонился к панели, на которой было изображено солнце: злой техно-ангел в противогазе и с пылающим желто-алым нимбом.

Они вернулись в зал. Полицейскому уже полегчало, ненависть не распирала изнутри. Он весело обвел картежников взглядом, чувствуя себя так, будто смотрит через прицел. На этот раз выбор пал на белобрысого грузного мужчину, игравшего в очко. Полицейский поманил его рукой:

- Разговор есть, пойдем со мной.

Ворча, мусор поднялся со своего места:

- Да в чем дело-то? Ты маску потерял?

Пришлось просто схватить его за руку и так вытащить в коридор. Когда игла автошприца пробила кожу, из зала послышался длинный низкий вопль, заглушивший тихий хрип мусора.

Полицейский отпустил жертву и побежал вперед по коридору. Справа и слева крутились галактики, вспыхивали солнца и ртутными каплями сверкали звезды. Пробитые панели щерились черными дырами. За тонким слоем реальности таилась затягивающая неумолимая пустота.

Наконец он достиг удобного поста - за крутым поворотом в стене между пульсаром и фиолетовой туманностью, похожей на телячье легкое, пряталась укромная ниша. Полицейский

спрятался в ней, скрылся в тенях и затаился. В его руке чуть подрагивал новый шприц.

Отдаленные крики приблизились, потом послышался топот ног. Луч фонарика пересек стены крест-накрест, утонув во тьме ниши. Когда показались люди, полицейский пропустил трех первых, которые оказались гражданскими, и набросился на четвертого. Еще один мусор, еще одна вспышка ярости. Еще один укол.

Яркий белый свет ослепил полицейского. Кто-то смотрел, как игла опустошенного шприца втягивается назад, а потом негодяй прыгнул вперед.

Полицейский встретил его ударом в лицо, но лишь разбил руку о жесткую маску. Его самого впечатали в стену. А потом его снова ослепило, на этот раз острой болью, когда неизвестный ублюдок ударил в живот. Кашляя и задыхаясь, полицейский сполз по стене.

А потом его мучитель глухо произнес из-за маски:

- Не трогай меня!

Полицейский, съежившийся на полу, прикрыл голову руками, и противник шарахнулся от этого жеста, будто на него навели дуло пулемета.

- Не трогай меня! - в его голосе слышался панический страх.

Отступая, он натолкнулся на недавнюю жертву, с воплем ужаса распластался на земле и пополз, подвывая, прочь, как раненый краб. А только что уколотый мусор махнул ему вслед окровавленной рукой. И повернулся к полицейскому.

В мечущемся свете фонарика блеснуло лезвие небольшого ножа, красное, будто его окунули в вишневое варенье.

- С-сука мусор! - прохрипел полицейский, кидаясь навстречу.

Несмотря на сбитое дыхание, боль в шее и животе, ненависть придала ему сил. Он сбил противника с ног.

- Мусор!

Смачный пинок под ребра.

- Сволочь!

Еще один.

- Мразь!

Уходя от удара ненавистный мусор перекатился по полу, но это было уже не важно. По коридору бежали люди, и полицейский, повинуясь инстинкту, присоединился к ним.

Его лихорадило. Чужие фонарики казались дальними звездами, а намалеванные на панелях светила - людскими огнями. Пару раз он сильно ударился головой, пытаясь пройти сквозь стену. Но ненависть оставалась с ним и оставалась боль, которая эту ненависть подпитывала. А в кармане еще лежали

заполненные шприцы.

Полицейский влился во всеобщий хаос, жаля и тут же скрываясь во тьме. Все время кто-то орал, трещали рассекретившиеся рации, топали по полу тяжелые сапоги. А он все прятался и колол.

Пару раз ему едва удалось разминуться с уже отведавшими шприца мусорами. Они размахивали порезанными руками, пытаясь все вокруг напитать своей кровью. Их остекленевшие тупые рыла были приятны. Как и крики их запаниковавших коллег.

Полицейский кружил по астрономическому лабиринту и, пересекая в очередной раз бывший картежный зал, отметил, что за ним следует хвост. Спрятавшись среди мерцающих колец Сатурна, он подождал преследователя. Тот двигался довольно медленно и неуклюже, грубо распихивая плечами туманности. Его плечи обтягивала черная куртка из псевдокожи, а маска была впаяна в мотоциклетный шлем. Из-за этого соглядатай походил на помесь стрекозы с Дартом Вейдером. Мусор - или нет?

Полицейский пересек межгалактическое пространство, держась за сгустками темной материи. Присел на корточки у пылающей звезды - ее оранжевые протуберанцы-щупальца обвивались вокруг ножек опрокинутого ломберного столика. Вакуум здесь был горьким на вкус. Зато удалось поближе взглянуть на преследователя. Похоже, он действительно не был мусором.

Придя к этому решению, полицейский потерял к соглядатаю весь интерес. Пусть ходит, если хочет. У него еще целых три шприца осталось!

Он отправился дальше.

Далекие звезды качались и подмигивали, галактики приветственно махали спиральными отростками. Полицейский двинулся к прекрасному голубоватому солнцу, но невидимая преграда остановила его. Вздохнув, он пошел вдоль, разбрасывая руками мерцающую пыль. Сбоку дохнула мертвенным холодом черная дыра. Он схватился за сияющий хвост кометы и преодолел опасное место. Обернулся поглядеть, как дела у его собственного хвоста и едва не вскрикнул. Увы, глупец подошел слишком близко к дыре. Как оказалось, ее притяжение не действовало - соглядатай медленно, но верно выходил из ее поля. Ему оставалось совсем немного, когда невесть откуда выскочил еще один человек и толкнул его прямо в темную пасть Пустоты. Преследователь с лязгом провалился в дыру.

"Жаль. Хотя, не исключено, что он все-таки был мусором. Я не видел его лица, поэтому такого исключать нельзя".

Полицейский отвернулся и поплыл дальше через полосу астероидов, нащупывая в кармане шприц.

26. Выстрел

После разговора с Никотином, Термит вернулся в игральный зал и присоединился к игравшим в переходного дурака. Перевернутый ящик, игравший роль ломберного столика, стоял в самом углу комнаты, и Термиту было достаточно лишь поднять взгляд от веера карт, чтобы увидеть все помещение. Он украдкой наблюдал за каждым вошедшим. Это стоило ему пары проигранных партий, причем одну он слил особо позорно, заполучив погоны из шестерок.

- Поздравляю! - язвительно сказала синеволосая девчонка, прикладывая ему к плечам бубновую и червовую шестерки.

Термит покаянно наклонил голову, не переставая исподлобья следить за вошедшим парнем без маски и со странным выражением на лице. Один из игроков что-то сказал незнакомцу, а потом они быстро вышли в коридор.

Когда они вернулись, Термит понял, что не ошибся. Он бросил пиковую даму возле козырной червовой, предоставив оппоненту отбиваться, и чуть отодвинул свой табурет от стола-ящика, чтобы было удобно вскочить в любой момент.

Придурок без маски скоро снова ушел с другим человеком, а вот сопровождавший его бугай остался. Он стоял, раскачиваясь на каблуках. А потом достал из кармана пустой автошприц.

И вогнал иглу в левую руку. Несколько раз он щелкал спуском и серый металл вонзался под кожу - пока не стал красным.

Термит встал, роняя карты, в тот самый момент, когда бугай внезапно крутанулся и уколол одного из покеристов. Поднялся крик. Все рванулись к выходам.

- СПИД! - орал какой-то оборванец, проталкиваясь через толпу.

Термит был в первых рядах убегавших. Он мог лишь догадываться, что игла настигла таки еще нескольких людей.

"Теперь нужно найти моего двойничка!"

Это оказалось не так просто. Толпа увлекала за собой, грозя затоптать любого, вставшего на пути. Еще хуже стало, когда заработал импульс, и переполох превратился в самую настоящую панику.

Полицейские, забыв о маскировке, пытались взять ситуацию в свои руки. Повсюду трещали рации, кое-кого сковали наручниками. Но хаос разрастался. Паника, как чума, захватывала все новых жертв.

Термит несся за группкой обезумевших людей, надеясь хотя

бы случайно наткнуться на фальшивого Охотника. Но кавардак, призванный служить прикрытием, неожиданно стал помехой. Пожалуй, даже в легальных пейнтбольных лабиринтах сценарий "все против всех" еще не осуществлялся с таким размахом.

Зазевавшись, Термит ударился о спины своего авангарда. Люди сначала перешли на шаг, потом остановились. Впереди кто-то тонко выл на одной ноте.

- Ну, быстрее! - поторопил попутчиков Термит.

И словно в ответ в темноте раздались выстрелы. Кто-то из авангарда вскрикнул от боли. Люди подались назад, оттолкнув Термита к стене.

"Черт! Что за сука стреляет?!"

Он кинулся бежать за ними, но на первом же повороте отстал. Спрятавшись за стену, он сдвинул маску и громко прокричал в темноту:

- Ты, гад!

В ответ снова полетели пули. С мерзким звуком они рикошетили от пола и стен, и Термит вжал голову в плечи, думая что сейчас-то какая-нибудь дура настигнет и его. Но все-таки, когда стрельба прекратилась, он снова прокричал во мрак оскорбления - до тех пор пока не услышал сухие щелчки.

"Наконец-то пустой магазин у ублюдка".

Термит отправился дальше, стараясь не думать о том, сколько еще обезумевших по его милости полицейских используют табельное оружие.

На двойника он натолкнулся в коридоре у игорного зала. Тот открыто держал в руке заполненный шприц, на открытом лице застыло выражение наркомана под кайфом. Но несмотря ни на что двигался лже-Охотник быстро и плавно.

"Настоящий псих".

Термит почувствовал странную гордость, наблюдая за этим созданием. Скоро стало ясно, что двойник кружит исключительно возле игорного зала. Это упрощало задачу. Нужно было лишь спрятаться где-нибудь поблизости и следить за ним из теней.

Когда за нервической фигурой лже-Охотника впервые показался силуэт в мотоциклетном шлеме, сердце Термита подскочило к горлу. Он вцепился пальцами в размалеванный звездами пластик и смотрел из укрытия, как его злейший враг движется за наживкой.

"Попался! Я так и знал, что умница Мордред первым найдет Охотничка!"

Чуть успокоившись, Термит прокрался за ними. Спрятавшись за дверью игорного зала, он видел, как двойник, прижавшись к стене с изображением Сатурна смотрит в упор на байкера.

"Похоже, бедолага совсем с катушек съехал. Будем надеяться, Мордред не сорвется еще минуточку".

Термит достал из кармана шокер. Дешевая ходовая модель - такая же, которую пытался использовать его враг в знаменательном поединке в сортире.

Когда двойник и байкер вышли из зала, Термит пересек бегом помещение. Теперь Мордред был совсем близко, если бы не отдаленные крики, можно было бы услышать его дыхание.

"Сейчас!"

Байкер шел мимо лестницы, когда Термит набросился на него. Шокер не понадобился. Оказалось достаточно легкого толчка, чтобы Мордред со всеми его хитростями и понтами исчез в темной дыре. Он падал вниз по крутой лестнице, и железные ступеньки лязгали под грузом его тела.

- Вот и все, - прошептал Термит. - Тебе крышка.

Луч фонарика осветил распластавшуюся внизу недвижную фигуру.

"Сломал себе шею, не иначе. Какая жалость".

Термит спускался медленно, растягивая удовольствие. Подстроив смерть Тройки, он чувствовал, что совершает акт справедливости, Воленского пришлось убрать по политическим причинам и в целях самозащиты, но убийство Мордреда - это была победа над равным.

Со стен смотрели нарисованные на пластике бледные лица. Вытянутые, внимательные, будто лики замурованных жертв. Луч фонарика скользил по ним, и в его слабом свете они казались почти живыми.

"Наконец-то это дурацкое противостояние закончится. И я спокойно дождусь..."

Приглушенный свист наверху оборвал мысли Термита. Он обернулся: в дверном проеме темнел силуэт. Человек перестал свистеть и осветил себя фонариком. Кожаные штаны, кожаная куртка с множеством металлических пряжек, маска впаянная в мотоциклетный шлем.

"Мордред?! Но тогда кого же я убил?"

Термит кинулся вниз. Оставалось не так уж и много, а там - свобода действий.

"Я убью его второй раз, если надо!"

Что-то легко клюнуло его в правое плечо. Ноги заплелись. Тело перестало слушаться. Он упал лицом вниз на железные ступени, не сумев даже перевернуться. Маска треснула.

Наверное, кувыркаясь вниз, он получил немало ушибов - но ни один не почувствовал. Мыщцы одеревенели, а вместо боли осталась лишь паническая мысль о поражении.

Он шлепнулся на что-то мягкое, что влажно хлюпнуло под его весом. Фонарик упал рядом, и, скосив глаза, Термит смог немного оглядеться. Он лежал в куче мяса, перевитого металлической проволокой, которое вывалилось из разорвавшейся байкерской куртки.

"Это... биоробот!"

Сразу же вспомнились неуклюжие движения лже-байкера и все встало на свои места.

Термит расхохотался. Он лежал, почти парализованный на груде кровавых ошметков и смеялся.

"Мы оба решили использовать подставных двойников. Какая ирония! Надо сказать, мой все-таки вышел посимпатичней!"

Слышались шаги Мордреда: удары тяжелых ботинок по железным ступеням. Враг спускался также неторопливо, как и сам Термит только что.

"Глупец! Теперь нужно бежать и прикончить меня побыстрее. Уж я-то знаю".

Термит попробовал сравнить ощущения в своем теле. Парализующий заряд попал в правое плечо. Из-за этого правая рука ожидаемо казалась отсутствующей. Пальцы левой могли немного двигаться, правая нога одеревенела до колена, но ступня, пожалуй, могла работать. Левая же нога почти не пострадала. Он не отважился на большее, чем легкое подрагивание и шевеление пальцев, поэтому окончательно ни в чем уверен не был.

"Ничего, мы еще подрыгаемся. Хороший удар ногой вырубит не хуже шокера, конечно, если Мордред встанет удобно".

Уткнувшись лицом в склизкие останки биоробота, он ждал. Железная лестница грохотала и вибрировала от шагов врага, и с каждым таким шагом уверенность Термита слабела.

"Нет, даже если я ударю, он быстро оклемается, засадит в меня еще этой парализующей дряни и сдаст мусорам. Меня посадят в тюрягу... Лучше б пристрелили!"

Мысль о поражении была невыносимой.

"Никотин где-то здесь, на этом этаже. Если б он случайно заглянул сюда!"

Отчаянная, глупая надежда. Термит понимал это, но по мере того как приближались шаги Мордреда, он все больше уверялся в том, что сопротивляться тому не сможет.

"Лучше б меня пристрелили!"

Его лихорадило от отчаяния и ярости. Его ненависти было достаточно, чтобы взорвать весь этот проклятый мир, а на самом деле Термит не мог даже встать. Он лежал на груде мяса и искореженной электроники и смотрел, как по бетонному полу

ползут ручейки бесцветной жидкости.

"Конец... Я должен... должен встретить его достойно".

Тонкие струйки крови биоробота струились по неровностям пола. Серое на сером в белесом свете фонарика.

"Как жаль, что я не грохнул Мордреда в том кафе!"

Тихий плеск раздался справа. Видимо, ручеек питательной жидкости достиг одного из резервуаров с мутной водой.

"Какое чудное место для поражения! Мордой в кишки, кругом темень и ядовитый пластик, и эти мерзостные бассейны".

Мордред был уже совсем рядом.

Термит вдруг дернулся, изогнулся дугой и сильно оттолкнулся левой ногой. Мягкая плоть под ним спружинила. Ошметки полетели в разные стороны, а он сам перекатился вправо.

Лестница застонала - Мордред прыгал через три ступеньки. Несколько парализующих зарядов чиркнули по полу.

Подняв фонтан брызг, Термит упал в резервуар. Извиваясь, он пытался плыть под водой. Было слышно, что Мордред бросился за ним - но фонарик в грязной жиже светил недалеко.

В полной темноте Термит опускался на дно. Противник потерял все шансы достать его живым. Правда, теперь все пафосные мысли о смерти исчезли.

"Кажется, я не ссал в этот резервуар. Кажется, это был другой..."

27. Гюрза

Мрак и плотный влажный холод окутывали его со всех сторон. Легкие жгло от недостатка кислорода. Резервуар казался бездонным и безграничным, огромной хлюпающей утробой, готовой принять в себя что угодно.

Дно надвинулось неожиданно. Термит врезался в него головой, отскочил, потом снова подплыл. С силой оттолкнулся от него ногами. Вода послушно позволила ракетой взмыть к поверхности.

Разбитую маску заполнил воздух. Термит судорожно вдохнул и опять ушел с головой под воду. К счастью, работы ног - в основном левой - оказалось достаточно, чтобы время от времени выныривать. Стараясь проделывать это как можно тише, он рывками продвигался вперед.

Света Мордреда не было видно. Термит решил, что противник выжидает. После всех хитростей он уже не мог допустить, что проклятый хакер-байкер просто потерял фонарик.

Парализованные мышцы мало-помалу восстанавливали чувствительность. Плыть удавалось все лучше, хотя боль тоже становилась сильнее.

Наконец Термит уткнулся в стену резервуара. Он поплыл вдоль нее до первой же трубы, змеей поднимающейся из воды к потолку. Кое-как зацепился левой рукой за изгиб. Отдышался.

И ударил несколько раз по трубе головой - точнее жестким ободком разбитой маски. Звук получался как от удара металлом о металл, звонкий и вибрирующий. Скоро из темноты послышалось резонансное эхо. Термит продолжил. Три быстрых удара, три медленных, три быстрых. Вдалеке послышался плеск: Мордред плыл на звук.

Закончив последнюю серию ударов, Термит снова нырнул. Вода на этот раз показалась холоднее и плотнее. Его тянуло к поверхности, где ждал враг. Мышцы болели, легкие жгло. Спасительная тьма стала зловещей.

В этот раз до дна он не доплыл. Вынырнул почти сразу после погружения. Но это было уже не важно - к резервуару кто-то торопливо бежал. Подгребая левой рукой, Термит держал голову над водой и слушал, как приближается этот кто-то. Наконец, далеко во тьме появился слабый огонек и знакомый голос прокричал:

- Ты здесь... кент?

"Охотник, ты хотел сказать... хорошо, что не сказал".

- Тут, - прохрипел он. - Убей...

Голоса не хватило на крик, но и Мордред, конечно же, не ждал, пока неведомые союзники Охотника нападут на него. Термит слышал удаляющийся плеск.

"Поплыл к другому краю, сволочь".

- Бля-а-а, - протянул Ник, шаря лучом фонарика по поверхности резервуара. - Ты сам не доплывешь? Помочь надо?

- Да, черт побери!

Никотин вздохнул.

Термит опять выругался, на этот раз матерно. Потом послышался громкий всплеск. Свет фонарика медленно приближался, но прошла целая вечность, холодная темная вечность, прежде чем стал различим приближающийся Ник. Он плыл старательно и неумело, закрепленный на лбу фонарик освещал мутную воду.

- Сюда. Помоги мне. В меня стреляли из парализатора.

Вместе они кое-как выбрались из резервуара. Термита тут же вырвало желчью и грязной водой, которой он успел наглотаться.

- Что за урод это был? - спросил Никотин. - С кем ты дрался?

- М-мордред.

Термита трясло. Он внезапно обнаружил, что совсем обессилел. Он бы шлепнулся в собственную блевотину, если бы его не подхватил Ник.

- Нужно было сказать, я б подсобил.

"Я бы сказал... если бы доверял тебе".

Никотин осторожно осмотрел его разбитую маску. Вытащил складной нож. Ник молниеносно открыл клинок движением одной руки - так же быстро, как финку. И так же быстро срезал перекрутившиеся ремешки маски. Термит хотел уклониться, но не успел. Теперь его нежданный помощник смотрел прямо ему в лицо.

- Зато наверху прекрасный шухер. Мусора взбесились, - Ник ухмыльнулся.

- Нужно выбираться отсюда.

- Легко сказать. Наверху оцепление, мать его. Можно, конечно, примазаться к цивилам, но...

- Не нужно. Лучше поищи шокер под лестницей. И послушай, что там наверху творится. Скоро они должны запустить сюда спецназ. До этого нужно успеть взять последний шприц - он в комнате после труб, за панелью с надписью "здесь был Вася".

- Новые трюки?

- Да нет, все старые... Жаль только мне так хреново.

- Щас мы тебя на ноги поставим.

Из внутреннего кармана куртки Никотин извлек маленький запечатанный пакетик с белыми таблетками. Открыл, протянул Термиту одну.

- Что это?

- Гюрза. А ты думал, аспирин?

- Я надеялся, что хотя бы амфетамин.

Недостроенно-заброшенный парк аттракционов еще никогда не видел такого скопления людей и машин. Перед зданием Пейнтбола203 дугой выстроились бронетранспортеры, в ржавом гнезде стадиона вырос палаточный городок. В белесом осеннем небе завис вертолет.

Вокруг царила тишь и безмятежность, как на посиделках в морге. Серые машины застыли среди серых мертвых домов. Люди в камуфляже с автоматами в руках оцепили Пейнтбол203, словно странные участники замершего хоровода.

А потом труп задергался.

Из черного зева дверей выплескивалось безумие. Спецназовцы выводили людей из проклятого лабиринта, и каждый третий спасенный в дневном свете начинал биться и буйствовать.

Рослый спецназовец выволок буквально за шиворот визжащую девицу и потащил ее в сторону стадиона. Кое-как уклоняясь от пинков и тычков, он снял дыхательную маску оставшись лишь в черной матерчатой.

За оцеплением он передал спасенную в руки двух полицейских, а сам, вместо того чтобы вернуться в здание Пейнтбола, отправился к припаркованным неподалеку грузовикам. Шофер выглянул из кабины - и тут же получил удар резиновой дубинкой.

Кто-то запустил сирену. Воздух разорвала автоматная очередь, на асфальт брызнула кровь.

Спецназовец шагнул к машине. На его штанах расплывались черные пятна, там, куда попали пули, но он шел, будто не чувствуя боли.

Следующая очередь ударила по дверце машины. Пули отскочили от брони.

Взревел мотор, грузовик осторожно тронулся. Он смял цепочку спецназовцев у Пейнтбола и полем поехал прочь. Из-под колес разлетались брызги грязи и ошметки прошлогодней травы.

Под вой сирены пять таких же грузовиков начали погоню. Над ними летел вертолет, из которого время от времени безуспешно стреляли по беглецу.

Описав кривую дугу грузовик обогнул парк и со всей скоростью помчался к городу. Пятеро преследователей не отставали. После них всех на желто-зеленом поле оставались черные полосы. Сверху змеистые линии казались странным посланием в космос.

Вертолет завис над полем. Развернулся вокруг своей оси и замер. Шумно стрекотали лопасти винтов.

А потом вслед грузовикам понеслась ракета. Ее дымный хвост прочертил дугу между небом и землей, и огненная лилия расцвела прямо перед беглецом. Его тряхнуло. Автомобиль едва не завалился на бок, но все же выстоял. По кривой объехал воронку, чудом в ней не увязнув. Вертолет набрал высоту и продолжил преследование.

Водитель грузовика, видимо, понял, что пары ракет будет достаточно, чтобы остановить его - даже если спецназовцы не будут стрелять на поражение, его опрокинет взрывной волной. Он резко поменял курс, нацелившись вместо далекого города к фабричному комплексу на окраине.

Беглец уже подъезжал к первому ангару, когда из вертолета снова выпустили ракету. Она пролетела над пятеркой преследователей и взорвалась с левой стороны грузовика. Взрыв оказался слишком сильным. Машина опрокинулась на бок, потом на крышу, потом на другой бок и снова на колеса. Для водителя такой кувырок не мог пройти бесследно, тем не менее грузовик, ободранный и грязный, продолжал ехать.

Одна из машин преследователей на всей скорости въехала в

воронку и опрокинулась, пролетев еще несколько метров по земле. Остальные вслед за беглецом въехали на территорию фабрики.

Термит закусил ткань черной маски, чтобы не расхохотаться вслух.

- Двадцать второй, вы в порядке? - прохрипела рация.

- Перевернулись из-за воронки, - спокойно ответил перегнувшийся через оглушенного шокером водителя Никотин. - Продолжать преследование не можем. Шофер без сознания, у нас ранений нет.

- Вас понял. Ждите помощи на месте.

- Есть.

Они выпутались из ремней безопасности и вылезли наружу. Тут Термит позволил себе не сдерживаться.

- Это лучший хренов полет в моей жизни! Мне нужно было пойти в спецназ!

- Нужно было чаще закидываться гюрзой, - сказал Никотин, стягивая маску. - Что щас?

- Молиться, чтобы он успел отвести их подальше отсюда, прежде чем его поймают. Рядом лес, он наверняка попрется туда. Лишь бы успел. У нас неплохие шансы - стрелять возле фабрики они не осмелятся. А как только отъедут и, главное, уберется этот чертов вертолет, сядем на какую-нибудь из местных тачек.

- Лады.

- Нет, ну какой полет был!

28. Анна

Он стоял, прижавшись лбом к запертой двери, и держал палец на кнопке звонка. Было слышно, как внутри квартиры разливается звон.

Вокруг шуршали пески вечности. Время неудержимо утекало в никуда. Термит смутно помнил, как они с Ником добрались до города. На полпути прилив сил и активности, вызванный гюрзой, сменился нервозностью. Чувство реальности притупилось. Все происходящее казалось ему кинофильмом или компьютерной игрой. Несколько раз он специально дотрагивался до предметов, чтобы убедиться, что они существуют.

Минуты текли странно, время то ускорялось, то становилось тягучим и вязким, как патока. С Ником они расстались на окраине, а потом Термит оказался дома. Шел ли он пешком или ехал на поезде - он не мог вспомнить. В квартире он переоделся, поел и пытался заснуть. Но беспокойное оживление заставило его метаться из угла в угол. Потом он услышал ссорящихся на лестнице соседей, вышел и наорал на обоих. Кажется, они даже испугались. Внезапно Термит вспомнил об Анне и немедленно

решил ее навестить.

Его била дрожь из-за вынужденного ожидания, и, не удержавшись, он заколотил в дверь кулаком и ногами. Наконец она открылась, и Термит провалился внутрь.

Экраны включенных компьютера и телевизора подсвечивали фигуру Анны. Девушка стояла на пороге, одетая в свитер и джинсы.

- Термит?

Ее темный силуэт, освещаемый всполохами на мониторах, выглядел почти призрачным. Термит протянул вперед руку, как слепой. Кончики пальцев ощутили тепло.

- Я рада, что ты пришел.

Она мягко скользнула мимо него и прикрыла дверь. Щелкнул язычок замка.

Термит посмотрел через плечо. Теперь ее лицо оказалось на свету, и неровное освещение заставляло блестеть ее глаза и влажные волосы. Воздух вдруг стал тяжелым, тени в углах зашевелились.

Термит схватил Анну за плечи, развернул и прижал к стене. Ее волосы пахли дождем, ее губы были сухими и обветренными.

Кровь клокотала в висках.

Запечатлев на губах Анны спазмический поцелуй, Термит потащил ее за руку в комнату.

На кровати, застланной покрывалом с цаплями и журавлями, были разложены бумаги. Машинописные копии, графики, таблицы с именами и сине-фиолетовыми подписями. Термит отпустил Анну, схватил покрывало за край и резко дернул. Птицы отправились в полет, черно-белые листы взвились в воздух.

- Это отчет, не вздумай порвать, - прошептала Анна, обвивая руками шею Термита.

Они поцеловались. Отчет с шелестом падал на пол вокруг них. В углах корчились и извивались тени.

Свитер прилегал плотно, как змеиная кожа. Термит провел руками по грубой пряже, чувствуя, трепет тела под ней. Голова кружилась. Дышать было невозможно - то ли воздух вдруг исчез, то ли легкие забыли о своем предназначении.

Термит одним рывком содрал свитер Анны и бывшую под ним тонкую кофту. Темные встрепанные волосы девушки упали ей на лицо. Термит отступил на шаг и, наклонив голову, смотрел исподлобья, как она расстегивает черный кружевной лифчик. На белую кожу ложились синие и алые отсветы от экранов.

- Сними все, - хрипло прошептал он.

Ее пальцы скользнули по ремню на джинсах к пряжке, обвели абстрактный рисунок на металле, замерли и тягуче-медленно

распрямились, провели по жесткой ткани к промежности и в стороны. Девушка застыла, упершись руками в бедра и с вызовом глядя на Термита. Ее прищуренные глаза улыбались.

- Дрянь, - прошипел Термит, потратив на это слово остатки воздуха.

Задыхаясь, он качнулся вперед и упал на колени, ткнувшись головой в живот девушки. Подбородок коснулся пряжки - она оказалась ледяной. Он попробовал расстегнуть ее, но хитрая штука не далась.

- Эй, не торопись так, - тихо сказала Анна, взъерошивая ему волосы.

- К черту!

Уцепившись за проклятую пряжку он рванул ее так, что выдрал вместе с куском кожи от ремня. Анна вскрикнула. Термит дрожащими нетерпеливыми руками расстегнул джинсы и спустил их вниз вместе с кружевными трусиками. Его пальцы коснулись темного треугольника между ног, и Анна снова приглушенно вскрикнула.

Он встал и швырнул ее на постель. Раскинувшись на простынях с иероглифами, Анна смотрела, как он расстегивает штаны. Волосы по-прежнему темным занавесом падали на ее лицо, и блестящие глаза, подглядывающие из-за прядей, казались странно далекими.

Содрав с себя одежду, Термит рухнул на кровать.

Его лихорадило. Похоть, наркотик и напряжение после Пейнтбола слились в одно темное чувство. Жаркое тело женщины пульсировало под ним, вокруг него. Волны наслаждения смывали боль в уставших мышцах, в саднящем горле, в раненом и полуонемевшем плече.

Глухой отрывистый звук залеплял уши. Термит так и не понял, что это его же дыхание. Он мерно двигался в такт багровым пульсациям, то чувствуя себя частью тела Анны, то глядя откуда-то со стороны на собственное сокращающееся в любовной агонии тело.

Простыни съехали, открыв темную обивку. Анна лежала на самом краю кровати, ее голова свешивалась так, что волосы доставали до пола. Термит провел губами по ее вытянутой шее.

- Ты меня скоро с кровати столкнешь, - улыбаясь, произнесла Анна.

- Да?

Он сел, позволив ей приподняться.

Она встряхнула головой так, что зазвенели сережки, и подползла к нему. Ее губы осторожно целовавшие его лицо и грудь, по-прежнему были сухими и шершавыми. Ее руки,

гладившие его внизу, были почти такими же горячими, как пульсирующая пропасть внутри нее.

Термит грубо схватил Анну за волосы и заставил посмотреть на него. В ее глазах застыл туман, на губах играла улыбка. Сережки сверкали, отражая вспышки на экранах.

- Поиграем? - чуть слышно прошептала она.

Термит осклабился:

- Я хочу сделать с тобой много всего... много плохих вещей... очень плохих...

Он проснулся от того, что солнце било прямо в глаза. Что-то пробормотав в полусне, Термит повернул голову и уткнулся лицом в волосы Анны. Они были мягкие, как шелк, и пахли горько-сладким, как корица. Он прижался к теплому телу и медленно провел рукой от плеча вниз, повторяя все изгибы.

Анна повернула голову и прошептала:

- Хочешь продолжить и на утро?

- Почему бы и нет?

Он приподнялся на локте и, щурясь, взглянул на нее:

- Ты, небось, собиралась всю субботу протрахаться с отчетами? Почему бы не заменить их на меня?

Она рассмеялась:

- Нет, я хотела покончить с писаниной за вечер. А сегодня испечь яблочный пирог.

- Ну, это не так ужасно.

Он прижался губами между грудей Анны, чувствуя, как внутри нее все еще играет смех. Она взъерошила ему волосы.

- Вставай, поможешь мне яблоки резать.

Термит нехотя сполз с постели и отправился следом за Анной в ванную. Он чувствовал себя немного больным, а в большом зеркале в душевой увидел, что весь покрыт синяками и ссадинами.

"Когда гюрза окончательно выветрится, станет совсем хреново".

Анна помогла ему вымыться, осторожно касаясь больных мест. Откуда все это взялось, она не спросила, а Термит еще не вполне отошел, чтобы с ходу сочинить правдоподобную легенду.

Одевшись, они втиснулись в крохотную кухню, выпили по чашке кофе и приступили к пирогу.

За окном позднее осеннее утро разбрызгивало солнечные зайчики. Анна старательно взбила бисквитное тесто, пока Термит нарезал дольками антоновку. Потом они ссыпали яблоки в сковороду и залили вязким тестом. К тонким пальцам Анны прилипли песчинки сахара, и Термит осторожно снял их губами. Она, смеясь, увернулась от его объятий, стала посыпать пирог

корицей. Ее горько-сладкий аромат витал на кухне, смешиваясь с запахом осени, проникавшим в приоткрытую форточку.

Внутри Термита разрасталось острое чувство вины.

Он смотрел, как Анна засовывает пирог в духовку, и моргал, стараясь стереть кровавое видение из прошлого, которое все вставало перед внутренним взором, накладываясь на мирную картину реальности. Любовница Тройки с проломленной головой среди раскатывающихся оливок. Ручейки крови ползут по бетонному полу, белый халат окрашивается алым...

"Я не должен был встречаться с ней. С тех пор как я начал игру, любой, кто мне хоть как-то дорог, - под ударом. А если мне повезет и я исполню адуманное, они все возненавидят меня. Они отвернутся от меня, негодяя и преступника".

Солнечные блики играли в мокрых после душа волосах. Одна темная прядка прилипла к шее. Термит прижался к ней губами, втягивая влагу.

- Эй, щекотно! Прекрати! Лучше найди газету, чтоб горячую форму не на стол ставить.

Он отправился в коридор: обычно там Анна держала пару картонных коробок с газетами, старыми конспектами, ненужными копиями отчетов и прочим бумажном хламом. Сегодня на самом верху кучи разноцветных рекламных проспектов лежала стопка откопированных листов. На каждом цифровой шифр и очень мелко набранные данные. Термит прихватил несколько таких досье и отправился на кухню:

- Эти подойдут?

- Нет, ты что, это же мое чтение на сон!

- Это какие-то выдержки из базы данных?

- Почти. Копии протоколов и допросов полиции и федеральной службы. У них есть такие же люди, как и я.

- И где ты достаешь эти отчеты? Они же засекречены?

Она лукаво улыбнулась:

- У меня есть свои каналы.

- А зачем это тебе?

- Профессиональный интерес. Меня интересуют методики детекторов лжи, методики их обхода, реакции субъектов. Преступления и их раскрытие мне не интересно, не волнуйся.

Термит пожал плечами:

- А почему это я должен волноваться?

- Ты забыл, я же читаю людей. Я смотрю, что у них под масками. Такова моя работа.

- И что же под маской у меня?

- Стоит ли об этом говорить вслух?

- Почему нет? Скажи мне.

- Ты преступник.

Термит вздрогнул.

- Ты преступник, - повторила Анна. - Вчера ты совершил какое-то преступление, кого-то убил. Это так тебя завело, что ты не смог удержаться и пришел ко мне, чтобы трахаться всю ночь...

- Это ложь! - прорычал Термит ей в лицо.

"Все было не так, я не какой-то проклятый маньяк извращенец, я..."

Анна коснулась пальцами его щеки:

- Ты всегда стоял на грани между миром добропорядочных граждан и миром вне закона. И не так давно ты эту черту переступил. Может быть, ты работаешь на картели или синдикат.

"Черт! Как давно она обо всем догадалась?"

- Значит, все это время ты анализировала меня?

- Бессознательно. Теперь ты убьешь меня?

- Разве ты не знаешь? - резко спросил он.

Анна пожала плечами:

- С намерениями всегда сложнее. Люди часто сами понятия не имеют на что способны.

- Но я же чертов урод, который возбуждается от вида крови.

Она покачала головой:

- Я этого не говорила. Это из-за адреналина, который выделяется в момент убийства.

- Ты еще реакцию напиши! Все было не так. Не так! Нельзя раскручивать личность человека на винтики.

- Если ты меня убьешь, выключи потом плиту.

Термит рассмеялся и обнял ее.

- Хорошо, выключу.

"Она еще не смотрела новости и думает, что я просто работаю на мафию. Но как только она увидит репортаж из Пейнтбола, ей останется лишь сложить два и два, и она поймет, что я - это Охотник. И один дьявол знает, что она сделает тогда".

В крохотной кухне они стояли, волей-неволей прижавшись друг к другу. Термит чувствовал спокойное и мерное биение сердца Анны.

"Я виноват во всем этом. Нужно было порвать с ней сразу, как и планировал. А теперь, если хочу быть в безопасности, мне самому придется покончить с ней. Бедняжка! Она верила, что я не причиню ей зла, иначе никогда бы не призналась. Но Охотник - это не наемник синдикатов. Когда она все поймет, она, может быть, возненавидит меня. И сдаст полиции. Черт, черт, черт!"

Он взял ее за подбородок и прикоснулся губами к губам.

Плечо пронзила острая боль, когда он подхватил девушку и усадил ее на стол, но Термит лишь выгнулся и крепче прижал к себе Анну, так что все синяки на его торсе заболели. Она потянул поясок ее халата.

"В последний раз... К дьяволу все!"

Лезвие ножа блестело на солнце, когда Термит резал истекающий янтарным соком пирог.

29. Алмаз

Теплый осенний день сменился прохладным тихим вечером. Людской поток на улицах пополнился работниками, закончившими смену. На улицах-артериях автомобили сбивались в пробки-тромбы.

Термит сидел в дешевом кафе и очень медленно ел жареный картофель. Он умудрился растянуть среднюю порцию на сорок пять минут и теперь особенно неторопливо доедал последние

ломтики. Также перед ним стоял маленький стаканчик с колой, из которого он изредка отпивал, и открытый ноутбук.

В кафе предоставлялся бесплатный вай-фай, и Термит уже провел пять часов в Интернете. Он изучил все новостные статьи о событиях в Пейнтболе203. Репортажи были противоречивыми. В одних пришедшие в Пейнтбол гражданские изображались невинными овечками, совершенно случайно оказавшимися не в том месте, в других - социопатами и сектантами, которые хотели помочь Охотнику. Многие заявляли, что главный злодей месяца арестован и скоро пойдет под суд. Другие же писали о полицейском как о жертве. Количество пострадавших от яда и случайных выстрелов тоже разнилось, но Термит с облегчением заметил, что об убитых нигде не упоминалось. Странно, но погоня за бешеным спецназовцем почти не удостоилась внимания: ее приписывали к последствиям общего психоза, устроенного Охотником. Посланий от Мордреда на этот раз не было.

"Затаился, сволочь, лег на дно. Как и я".

У стула Термита стоял старый рюкзак, набитый одеждой, некоторыми документами и реагентами для производства матриц. Конспирации ради из кармана на боку выглядывала карта города и дешевый путеводитель.

Вздохнув, Термит щелкнул мышкой, закрывая новостной портал, и открыл поисковик. Некоторое время он размышлял, барабаня пальцами по столу, потом набрал название города и два слова - "южная жопа". Ему выдали массу ссылок на сериал "Южный Парк", рекламные статьи о гостинице "Южная" и энциклопедические материалы о Южной Америке. Перелопатив весь этот шлак, Термит нашел коротенький пост на игровом форуме, из которого следовало, что "южной жопой" жители одного из спальных районов называют швейную фабрику из-за в высшей мере странной фантазии архитектора, проектировавшего здание.

Термит отметил местоположение фабрики на карте, сложил ноутбук в кофр, кинул в рот весь оставшийся картофель и, надев рюкзак, вышел из кафе.

Он влился в толпу людей и прошел со всеми к остановке монопоезда. Даже прочел расписание. Но скоро понял, что поездки в закрытом вагоне его паранойя не выдержит. Лишь на улице он чувствовал себя спокойно, там оставалась хотя бы призрачная возможность маневра.

Он покинул остановку и пошел, мерно печатая шаги, как солдат на марше. Холодный воздух бодрил. Людей встречалось все меньше и меньше, и в одной укромной подворотне Термит

достал из рюкзака старое радио, настроил его на волну "Пророка" и воткнул в уши наушники. Нудно затрещали помехи. Спрятав радио в карман, он продолжил свой путь, слушая белый шум.

Термит закурил. Выпуская в кристалльно-холодный воздух терпкий дым, он вдруг подумал, что они с Анной ни разу не затянулись сигареткой после секса. Они всегда проводили ночи слишком бурно, и после всего могли лишь расползтись в стороны, как боксеры на ринге, отправившие друг друга в нокдаун.

"Женщины... всегда всех губят женщины. А у меня ведь даже не было жены или подруги, так, любовница. Мой рок, моя могила".

Его пальцы все еще пахли печеными яблоками и корицей.

"Может быть, она поверит, что арестованный полицейский - Охотник, и не свяжет события в Пейнтболе и нашу дикую ночь".

Он покрутил сигарету, почти физически ощущая, как его кожа впитывает запах дыма.

"Даже если она догадается, она, наверное, не сдаст меня сразу же. А если и сдаст, полиция, скорее всего, придержит информацию, чтобы взять меня тихо. Время еще не вышло".

Радио вдруг ожило. Голос Никотина монотонно нашептывал длинные ряды цифр, изредка перемежая их матерными ругательствами.

"Шифр. Тюряга явно многому его научила".

По мере того как Термит продвигался вперед, радиопередача становилась все яснее. Вокруг уплотнялись сумерки, улицы становились все более узкими, а дома - обшарпанными, но помехи в наушниках трещали все реже.

Было уже совсем темно, когда Термит добрался до спального района на окраине. Это была дыра еще похлеще той, где жил он сам. Старые, покосившиеся здания, которые уже давно следовало пустить под снос, сгорбленные фигуры прохожих, ругань, доносящаяся из тускло освещенных квартир.

Увидев компанию молодых парней, куривших возле продуктового магазина, Термит направился к ним. Они смерили его волчьими взглядами.

- Привет. Вы Ника не знаете? Никотина то есть?
- Который убивает лошадь нах?
- Да нет, чувак есть такой... ну да ладно.
- Куда погреб? Ну, знаем, и чо?
- Адрес хаты его нужен.
- На кой хрен?
- Так, побазарить.
- О чем?
- О говне святом. Скажешь адрес - бутылку поставлю.

- "Алмаза", мы дерьмо не пьем.

- Хорошо, будет вам "Алмаз".

- Улица Кропотницкой четыре, пятый этаж, квартиру не помню, но на двери козел нарисован.

- Козел? - озадаченно переспросил Термит.

- Ну, типа лошадь. Но выглядит, как козел.

- Лошадь, которую убивает Никотин.

- Ну он еще когда учился, в столовке школьной хмыря по кликухе Конь завалил. Потому и Никотин.

- Насмерть?

- Не, только до сотрясения мозгов.

- Ясно, спасибо за информацию.

- Спасибо не булькает. Обещал - вали за бутылкой.

Термит протянул парням смятую купюру, но они одновременно покачали головами:

- Не, там теть Валь щас, черта с два продаст несовершеннолетним.

Пришлось заскочить в магазин и самому купить у принципиальной продавщицы бутылку водки. Уточнив у оживившихся несовершеннолетних дорогу, Термит отправился на Кропотницкую улицу.

Дом номер четыре оказался дряхлеющим монстром из серого кирпича. Внутри воняло сигаретным дымом и мочой, зеленоватые стены были исписаны названиями музыкальных групп и ругательствами, где-то высоко грохотали дверьми и хором пели песню про синие ресницы.

Лифтом Термит воспользоваться не осмелился. Несмотря на усталость, он поднялся на пятый этаж пешком. Синяки болели, лямки рюкзака впились в плечи. О том, что несовершеннолетние бандиты могли и пошутить или что Никотина может не быть дома, даже и думать не хотелось.

Наверху курили двое лысеющих мужиков в спортивных костюмах, сбрасывая пепел в консервную банку. На Термита они даже не обратили внимания.

Он прошел по тускло освещенному коридору, внимательно разглядывая двери. Обшарпанные и свежеокрашенные, фанерованные и пластиковые, с разнообразнейшими ручками и замками. На некоторых виднелись какие-то рисунки, малохудожественные каракули, ничуть не походящие на козла или лошадь. Наконец, он наткнулся на более-менее четкое изображение. Кто-то уверенно изобразил животное черной краской из баллончика, треугольная морда с большими глазами сурово смотрела на гостя.

Вместо звонка была дырка в стене, поэтому Термит постучал

в дверь кулаком.

Его охватило тянущее дежавю, почему-то показалось, что сейчас, как и прошлой ночью, ему откроет Анна. От этого ощущения закружилась голова.

"Глупости. Она теперь дома, смотрит телевизор и думает о своем любовнике-убийце".

Видение устроившейся в кресле женщины оказалось таким ярким, что Термит помотал головой. Еще сегодня утром он решил, что должен ее убить ради собственной безопасности. Но сразу же понял, что не сможет сделать этого, даже если она вслух пообещает сдать его полиции. Там, на крохотной кухне, пахнущей яблочным пирогом, это понимание успокоило. Термит ощутил себя человечным. По крайней мере он не псих, бездумно жаждущий крови. Но теперь приходилось за эту человечность платить.

Не добившись успеха при ударах кулаком, Термит развернулся и пару раз ритмично ударил в дверь ногой. Толстая подошва ботинка производила такой шум, что и мертвец бы встал. В квартире послышалось шевеление. Термит перестал стучать и ждал, пока дверь не открылась.

На пороге стоял заспанный Ник.

- Привет, - сказал Термит.

- Ты кто? - Никотин протер глаза. - А-а-а!

Схватив Термита за рукав куртки, он втащил его в квартиру и запер дверь.

- Я Охотник.

- Как ты нашел меня?

- Поспрашивал... Мне нужна хата на пару дней.

Никотин пожал плечами:

- Валяй, устраивайся.

Термит спустил с плеч лямки рюкзака и блаженно потянулся. Квартира у Никотина оказалась такой же маленькой, как и у Анны. Единственная комната в форме кривой трапеции была изрядно захламлена. На столе, на полу и двух диванах валялись пустые пивные бутылки, упаковки из-под пиццы, разрозненные перчатки, старые газеты. Термит заметил даже пару тюбиков дешевой помады и собачий поводок-шлейку. В ящике у окна имелся целый арсенал: куски резиновых шлангов, пара дубинок, кастеты, шокер, газовые баллончики.

"Надо серьезно с ним поговорить обо всей этой истории с Пророком и последователями Охотника".

- Можешь прилечь, - сказал Никотин, сбрасывая с одного из них мусор и чью-то одежду.

- А, спасибо.

"И правда, не помешает прилечь на минутку".

Встать в тот день он уже не смог. Откуда-то пришла смертельная усталость, одуряющая, как наркотик. Следом за ней прокралась боль. Термит вдруг ощутил каждую мышцу своего тела, каждую царапину, каждый синяк.

На следующий день он по стеночке сходил в туалет и снова рухнул на диван.

По-настоящему спал он очень мало, почти все время пребывая в раздвоенном состоянии. Часть его страдала в глухой темноте от боли, другая часть спокойно фиксировала все звуки и запахи в квартире. Часто слышались чужие шаги и незнакомые голоса. Порой Термит что-то отвечал им на автопилоте, и они смеялись в ответ или пораженно замолкали.

Однажды он - совершенно внятным голосом - попросил кого-нибудь прикончить его или хотя бы выдрать позвоночник, исходивший болью.

- Че это с ним?

- Откат после гюрзы.

- А. Блин, сильно его прихватило.

И когда голоса умолкли, Никотин заставил его перевернуться на живот, задрал рубашку и долго осматривал спину, неодобрительно цокая языком. Потом резко запахло мятой и спиртом, и грубые руки прогладили каждый мускул у позвоночника.

Термит открыл глаза, пробормотал благодарность и тут же снова их закрыл.

За окном рождались и умирали дни.

Голова раскалывалась, очень болели виски и глазницы, нос заложило, в горле саднило. Болели правое плечо и спина. Как-то девчушка в розовом спортивном костюме попыталась напоить Термита кофе, но он едва проглотил глоток и отвернулся к стене, едва сдержав рвотный позыв.

В другой раз Термит очнулся от холода.

- Куда одеяло тыришь? Кто ты? - пробормотал он.

В комнате сдавленно захихикали.

- Глюк.

- Прекрасное видение.

- Благородная воровка.

- Жила-была девушка, у богатых деньги брала, а бедным так давала...

Хихиканье усилилось, а Термит снова откинулся на подушки и закрыл глаза. Он уже не был уверен, что не сошел с ума. Он даже сомневался в том, что еще жив.

30. Минотавр

Однажды ночью Термит проснулся здоровым. В квартире было темно и тихо. Он сел на кровати, свесив босые ноги, и прислушался. Где-то в доме работал телевизор, разговаривали и ругались. Но логово Ника, по видимости, сейчас было пустым.

Он встал и, радуясь каждому движению, которое давалось так легко, подошел к окну. В ночной темноте было видно желтоватое зарево, подсвечивающее контуры соседних домов: центр города, ночные огни которого отсюда казались такими же далекими, как туманность Андромеды.

Термит внезапно понял, что зверски голоден. Он пошел на кухню и перекусил хлебом и сыром.

Потом принял душ в крохотной ванне. Конечно, о полотенце и чистой одежде он забыл, поэтому пришлось обтереться рубашкой и идти в комнату доставать вещи из рюкзака. Одевшись, включил ноутбук. Резкое свечение от экрана неприятно ударило по глазам. Термит уменьшил яркость почти до минимума и полез в Интернет. Скоро он с облегчением выяснил, что ничего нового об Охотнике не писали. Даже статей о Пейнтболе203 сильно не прибавилось: и профессиональные журналисты, и трепачи-блоггеры переключились на кровавое убийство в университетском районе. Зато в нескольких сообщения политические обозреватели ругали последователей Охотника, "агрессивных анархистов", которые оставили на здании парламента большую нецензурную надпись с обещанием превратить его во второй Пейнтбол203.

"Обдолбанные придурки. Какого дьявола они говорят от моего имени? Если они хотят устроить настоящие крысиные бега в парламенте - флаг им в руки, пусть делают. Но нет, они надеются, что Охотник будет проворачивать все эти грязные делишки!"

Еще хуже стало, когда он добрался до криминальной хроники. Маньяк продолжал убивать, оставляя после себя изуродованные, растерзанные тела. Ему дали прозвище Зверь, а особо хищные акулы пера уже связали его с Охотником.

"Допустим, я психопат, но не до такой же степени! Да я бы и не смог создать импульс с такой директивой агрессии. На это способны только продвинутые корпорациии".

Кое-кто из "поклонников" Охотника искренне считал Зверя его творением, призванным очистить город от грязи...

Термит разочарованно вздохнул. Даже его фанаты пытались навязать ему своих врагов: одни - завравшихся политиков и богатеев, другие - опустившихся алкоголиков и наркоманов.

"Глупцы... бедные мои глупцы. Мой враг - это ваше долбанное общество марионеток и хозяев, мой враг - это шприц с

импульсом, таблетка с драйвером. На людей мне уже плевать. Я уже не могу никого ненавидеть".

Он все еще раздраженно читал сайты и форумы, когда вернулся Никотин.

- О, уже отошел, - он одобрительно кивнул, плюхнулся на диван и с усталым вздохом задрал ноги на стол.

- Вроде, - мрачно отозвался Термит, рассматривая облепленные грязью сапоги нового приятеля. - Какая дрянь эта твоя гюрза...

- Ну, тебе она еще на парализатор наложилась. Коктейль-с. Ты похавал?

- Да. Извини. Весь сыр сожрал.

- Ничо.

Никотин достал из кармана швейцарский складной нож и механически открывал и закрывал его то левой, то правой рукой. Судя по всему, он проделывал это почти бессознательно. Выглядело это гипнотически.

- Слушай, я тут смотрел... Парламент, - Термит повернул ноутбук с открытой фотографией вандальской надписи, - твоих рук дело или твоих приятелей?

- Не-е, так, наверное, пацаны развлекаются. Охотник теперь типа кинозвезды, знаменитость.

- Чертовы болваны. Ненавижу пустые понты.

- Да-а, гребаная молодежь, - Ник встряхнул нож, как котенка, и клинок выскочил с резким щелчком.

Термит потер лоб:

- Слушай, извини. Зря я так. И спасибо, что приютил.

- Да живи сколько хочешь, мне не жалко.

- Спасибо, Ник.

"Не стоит с ним ссориться. Он может еще оказаться полезным. Или опасным".

- Как тебя звать-то на людях? Не Охотником же?

- Термит. Зови меня Термит.

Они проговорили остаток ночи, а ранним утром Термит в машине одного из дружков Ника, толкача, подрабатывающего таксистом, ехал в центр. Их окружала белесая мгла, в которой абрисы домов можно было легко принять за контуры гор или массивы деревьев. Туман был очень густой, плотный, мутно-серый. Словно осеннее небо не выдержало силы притяжения и рухнуло на землю. Фонари и фары машин пытались пронзить лучами густую взвесь, но их свет увязал в тумане, как нож в вате.

Термит сидел рядом с водителем, откинувшись на спинку сиденья, и меланхолично смотрел на экран навигатора. По черно-белой карте ползла красная линия, отмечающая преодоленный

путь. Таксист-толкач что-то без умолку рассказывал, но Термит ограничивался лишь мерными кивками и осторожными поддакиваниями, не пытаясь вслушаться в слова.

Они остановились рядом с центром, возле бюджетной гостиницы. Термит помог двум девушкам-корейкам погрузить в багажник чемоданы, придержал для них дверь и, помахав таксисту, нырнул в туман.

Улицы выглядели полузнакомыми, нездешними. Порой в вязкой мгле слышался дробный перестук каблучков или торопливое шарканье. Секретарши и менеджеры, клерки и управляющие спешили на работу. В тумане их можно было принять за неведомых созданий - страшных или прекрасных.

Белая хмарь стерла различия между роскошными небоскребами и дешевыми панельными офисами, как когда-то "кольт" уравнял силачей и задохликов. Величественное здание "Войда" казалось не более чем грязно-серым выступом во мгле.

Термит нырнул внутрь, в роскошный холл. Почему-то когда он шел к лифту по мягкому алому ковру, вдруг навалилось ощущение, что снаружи - толща воды, или радиоактивная пустыня, или открытый космос.

- Стой! Куда идешь? - окликнули его, когда он уже стоял возле пульта для вызова лифта.

Термит обернулся: к нему бежал охранник, держась правой рукой за кобуру на поясе.

- Спокойно, спокойно. Я к Джонсмиту. Я тут работаю.

- Стой ровно.

Оставив кобуру в покое, охранник достал из кармана сканер и провел им перед глазами Термита, считывая узор сетчатки. Удовлетворенно хмыкнул и кивнул.

- Ага, ты есть в базе. Но на сегодня тебе не назначено.

- Я знаю. Но мне нужно поговорить с координатором.

- Ладно. Езжай, я с ним свяжусь.

Охранник сам вызвал для него лифт.

Термит был готов к тому, что аудиенции у Джонсмита придется ждать, но на этаже его сразу встретил очередной бугай и впихнул в кабинет к координатору.

Тут тепло горела настольная лампа с абажуром в виде языков пламени и сильно пахло хорошим кофе.

- ...хабло инглез? - раздраженно говорил Джонсмит в трубку. - Уххум, хум. Кей, бай-бай, адьес, ауфидерзейн.

- Мойн, - сказал Термит.

Джонсмит одарил его долгим взглядом и спросил вместо приветствия:

- Какого хрена ты тут делаешь?

"Раньше он никогда не ругался. Забавно. Интересно, у синдиката проблемы или просто сам Джонни-Петров встал не с той ноги?"

- Я пришел обсудить рабочие вопросы, - Термит уселся в кресло напротив координатора.

- Насколько я знаю, тебе пока не давали нового задания.

- Не давали. И денег за старые тоже.

- За какие это старые?

- Я работал тестером у Нингена и участвовал в этом фарсе в "Проводах", где меня едва не убили.

- И что хорошего ты сделал у Артемона?

Термит наклонился через блестящий полированный стол к Джонсмиту:

- Ничего. Если вы хотели послать меня на мокруху, хотя бы яснее оговаривали задание.

- Мы - такими делами - не занимаемся! - отчеканил Джонсмит. - Мы не какие-нибудь беспредельщики на Диком Западе и не сицилийские мафиози. Все, что мы делаем, - в рамках закона.

- Да, конечно.

"И промышленный шпионаж, и подстроенные несчастные случаи, и испытания всяких стремных матриц".

- Если ты думаешь, что можешь тут угрожать, шантажировать...

- Нет, упаси Сатана! Просто мне нужны деньги. Я на мели, совсем. Из-за "Войда" мне пришлось бросить работу, но жить-то надо. Я не прошу милостыню, я готов работать на вас.

Взгляд Джонсмита чуть смягчился:

- Ладно. Я посмотрю, нет ли для тебя дела.

Он притянул к себе ноутбук и защелкал мышкой. Термит вдруг заметил, что лицо у координатора одутловатое, а одежда более небрежная, чем обычно. Галстук сдвинулся, манжеты посерели, рубашка выглядела несвежей.

"Кажется, он не спал всю ночь. И, судя по его злой роже, вовсе не из-за того, что пил коньяк с девочками".

- Да, у Нингена есть материал для теста, - сказал Джонсмит.

- Хорошо. А деньги?

Координатор встал, прошел в дальний угол комнаты к сейфу и приложил палец к регистратору. После сканирования молниеносно отстучал код. Дверца открылась, и любопытный Термит успел заметить несколько конвертов и папок, а также парочку пачек с купюрами. Джонсмит отсчитал нужную сумму и закрыл сейф.

- Держи. Не пропей, это тебе недели на две.

- Спасибо.

- Убирайся.

- Аста ла виста, шеф!

Нинген сидел на столе рядом с компьютером, читал отпечатанные листы и ел шоколадку. Рядом, возле мышки, лежал серебристый ком из фольги.

- Привет, - сказал Термит, заходя в сумеречный зал скриптория.

- Угу.

- Меня послал Джонсмит. Потестить твой новый импульс.

- Угу.

Видя, что Нинген полностью углубился в чтение, Термит оставил попытки его растормошить. Остальные скрипторы не обращали на него ни капли внимания, они сидели за своими аппаратами, стучали по клавиатурам. Он отодвинул стул и сел к компьютеру, с интересом посмотрев на монитор. Там был разложен пасьянс. Термит разочарованно вздохнул. В воздухе чуть заметно пахло сигаретным дымом, видимо, Нинген опять отключал противопожарку и курил.

Термит взялся за мышку и перетащил пиковую десятку на бубнового вальта.

Скриптор продолжал читать.

В ушах Термита оглушительно застучала кровь. Рука, лежавшая на обтекаемом тельце мышки, вспотела.

"Это безумие".

Он свернул окно с пасьянсом и вышел в локальную сеть. Компьютеры "Войда" носили имена деревьев: кедр, ясень, вяз, ольха. Из всех них вышел целый лес. К счастью, по структуре сеть делилась на вполне понятные сегменты, помимо аппаратов охранников, клерков и руководителей существовало восемь подсетей, очевидно, по числу скрипториев. Он вывел статистику пересылки пакетов. Оказалось, что в последние недели всплеск активности наблюдался в восьмой подсети. Закрывая окно, Термит успел отметить, что с позавчерешнего дня лидером передачи информации стала подсеть Нингена.

"Это не важно, главное вторая..."

Он вернулся к пасьянсу и тут же проиграл его.

Через четверть часа Нинген оторвался от бумаг, посмотрел на Термита утомленным взглядом и сказал:

- За мной.

Они проследовали в подсобку, где Термит привычно улегся в "гроб". Нинген сам лично подготовил капельницу, но оставался настолько задумчивым, что Термит не посмел задать вертевшиеся на языке вопросы.

"Лучше после сеанса, тогда ему по-любому будет любопытно узнать о реакции на импульс, тогда-то я его и разведу на инфу..."

Желтоватая прозрачная жидкость смешалась с кровью.

Термит не ждал от импульса ничего хорошего, поэтому мягкая обволакивающая темнота лишь насторожила его. Никаких страшных звуков, никакого давления, никаких проблем с дыханием. Его виртуальное альтер эго просто зависло посреди пустоты.

Вкрадчиво и почти незаметно образовалась сила тяжести. Термит почувствовал, что стоит на твердой поверхности. Он попробовал сжать кулак, но ничего не ощутил.

"Руки еще не прописались".

Во мраке медленно разгорелись россыпи светящихся точек.

А потом тьма вздрогнула, огни перевернулись и полыхнули багровым. Термит рухнул на холодный пол, да так, что удар отдался в каждом внезапно материализовавшимся мускуле.

Он лежал среди звезд. Гроздь красных гигантов обдавала жаром, солнца плавились и истекали кровавым светом.

Термит вытянул руку. Она наткнулась на жесткую стену. Видения мгновенно потеряли глубину, став нелепыми двухмерными изображениями. Созвездия потускнели и обреченно замерли по обеим сторонам узкого коридора.

Дрожа, Термит встал и пошел вперед. Сначала шагам, потом легкой рысью, потом побежал изо всех сил. Тускло светящиеся звезды освещали его бесконечный и бессмысленный путь.

"Не может быть! Чертов Пейнтбол! Не может быть!"

Отрывчатые мысли бились в голове, словно леденцы в жестянке.

На перекрестке, ждал минотавр, озаряемый белой и плоской, как тарелка, луной. Его тело было телом могучего мужчины: руки и ноги перевиты жгутами мышц, квадратикам на животе позавидует любой бодибилдер, а размеру члена - любой порноактер. Голова белого быка со стеклянными глазами была пришита к шее толстыми черными нитками.

Термит почти физически ощутил, как его подсознание разорвало на две части. Одна точно знала, что сейчас начнется ад, и он будет абсолютно беспомощен, когда это чудовище начнет действовать. Может быть, оно будет пожирать его живьем, или трахнет его, или станет медленно вытягивать его жилы и плести из них макраме. Другая часть дрожала от ярости. Он был Охотником в своем лабиринте, и любая тварь, посмевшая оспаривать его права, должна умереть. Как Мордред.

Воздух сгустился и насытился затхлым запахом Пейнтбола203, фальшивые звезды погасли.

Охотник рванулся вперед и с рыком вцепился в чужую плоть. Горячее било в него, что-то трепыхалось и сокращалось под его пальцами, а он все никак не мог остановиться.

31. Звонок

Резкий белый свет ударил по глазам. Термит перевесился через стенку гроба и его вырвало. Полупереваренный сыр из холодильника Никотина отправился на плиточный пол скриптория.

- Угу, - сказал Нинген.

Он обошел "гроб" и встал напротив тестера, с интересом наблюдая, как того выворачивает.

"Сволочь".

Термит отер рот ладонью и сел. Провел рукой по лицу и взглянул на пальцы, почти ожидая увидеть на них кровь Минотавра. Он еще чувствовал запах железа и плоти, фантомный аромат смерти из лабиринта.

- Ну как? - спросил Нинген, вглядываясь в его лицо.

- Отвратительно.

"Черт! Я не должен был убивать это чудовище. Гребанное подсознание наложило на него образ Мордреда, и из-за этого скриптовый сценарий сорвался. Но признаться в этом я не могу".

- Подействовало сильнее, чем в прошлый раз?

Термит позволил проявиться панике. Он спрятал лицо в дрожащих ладонях и сказал:

- Я не могу об этом говорить...

Нинген не удивился. Удовлетворенно хмыкнул:

- Хм, ясно. Ладно, приходи в себя и заполняй анкету.

Он ушел, оставив Термита одного.

"Проклятье. Я понятия не имею, что там было дальше. Придется разыграть блок".

Термит посидел, попил минеральной воды из бутылочки, потом подошел к терминалу и ввел данные в таблицу. Он очень подробно описал свои чувства в начале эксперимента, лабиринт и лихорадочный бег. Оставил пару расплывчатых фраз о Минотавре и сел в крутящееся кресло.

Ждать пришлось долго, почти час. Термит пару раз едва не заснул. Он добавил деталей в отчет и тщательно проверил каждую запятую. Изучил безукоризненный рисунок линий на потолке. Прочитал все доступные данные в компьютере и мысленно наметил возможные структуры для будущих импульсов Охотника.

Он забавлялся, вспоминая в уме старые детсткие считалки, когда объявился Нинген.

- Ты что, спишь тут?

Термит нервно вздрогнул:

- Нет, я писал отчет.

- Целую вечность уже. Роман там у тебя, что ли?

Скриптор подошел и начал читать с экрана терминала. Когда он дошел до последних строчек, Термит увидел, как его отражение в мониторе ухмыльнулось.

- Я... еще не закончил.

- Вижу.

- У тебя такой... странный лабиринт.

- О, я частью скопировал интерьер Пейнтбола двести-три.

- Там же устраивал хаос этот ублюдок Охотник, - сказал Термит.

- Может быть, он и ублюдок, но он - гений. Хотел бы я познакомиться с ним.

"Еще чего не хватало!"

- Ты работаешь на систему, а он - против. Ты ломаешь людей, делаешь из них винтики для корпорации. А он их раскручивает... Если б вы встретились, он убил бы тебя.

- Полагаешь? А я думаю, мы бы с ним поладили. У нас много общего.

- Ты псих.

- Спасибо за диагноз, тестер. Но что там дальше-то было? В моем импульсе.

- Там...

Термит схватился за виски и стал раскачиваться. Он надеялся, что выглядит достаточно безумно.

- Тихо-тихо, - Нинген почти ласково потрепал его по спине.

- Я не могу. Не могу... я...

- Да успокойся.

Но Термит уже вошел в раж. Он испустил длинный полувой-полуплач и уткнулся скриптору в грудь. Его плечи вздрагивали. Нинген машинально погладил истерикующего тестера, но Термит уже вскинулся, ощерился и вцепился ему в шею. Они неуклюже качнулись и упали на пол, уронив и стул. Нинген отбивался, Термит душил его.

- Что тут?..

В комнатку ворвались другие скрипторы. Они оттащили тестера, который обмяк в их руках, и помогли скриптору встать.

- Все нормально, - прохрипел Нинген, растирая шею. - Рабочий процесс. Предсказуемая реакция, ага...

- Ну смотри.

Термит тут же успокоился. Он покорно позволил измерить себе пульс и сам сунул руку в пробник для анализа крови. Нинген постепенно избавился от всех остальных скрипторов и снова

остался наедине со тестером, позаботившись о том, чтобы их разделял "гроб".

- Извини, - пробормотал Термит. - Не знаю, что на меня нашло.

- Да ладно, все ты знаешь. У тебя поставился блок на импульс. Поэтому ты не хочешь, точнее, не можешь об этом говорить или писать.

- Знаю. Но я посижу еще и напишу. Мне нужны деньги.

- Не надо. Я хочу попробовать еще несколько образцов, прежде чем ты умом тронешься. Джонсмиту я доложу, что ты отработал.

Термит наклонил голову, притворяясь, что не замечает торжествующих ноток в голосе скриптора.

- Спасибо, Нинген.

- Не за что. Эта твоя реакция - лучше любой анкеты. Иди домой, ешь йогурт, пей зеленый чай, в общем, оздоровливайся. А через два дня снова заходи, попробуем еще один мой импульс.

"Я так и не успел выяснить... нужно его на разговор развести".

- Хорошо. Слушай, у тебя покурить не найдется?

- О, а хорошая идея. Пойдем.

К счастью, теперь в скриптории собралось слишком много народа, чтобы просто вырубить противопожарку и курить на месте, поэтому Нинген снова вывел Термита на крышу.

В этот раз город внизу едва угадывался за пеленой тумана, и из-за этого тут почему-то сделалось уютнее. На краю стоял сломанный робот-уборщик, его раскуроченная башка была заполнена окурками.

- Твой приятель, кстати, интересовался как у тебя дела, - сказал Нинген, протягивая Термиту пачку "Даггерз".

- Какой еще приятель?

- Ну, он тоже тестит для нас. И с биохимиками работает. Ну, с которым вы на пару пришили Тройку.

- Котов. Когда он спрашивал обо мне?

- Дня два назад.

- А тесты... он что, еще для вас тестил?

- В смысле еще? Он делал это даже чаще, чем ты.

Термит вздохнул. Внезапно навалилась усталость и тупое чувство вины.

- Я же просил его только один раз меня заменить. А вы заставили его и дальше ширяться вашей мерзостью.

Нинген выпустил вверх струйку дыма, пропустив ее через зубы:

- Он очень интересный экземпляр. Но я подготовил ему другую программу, не совсем такую, как у тебя.

- Полегче?

Скриптор усмехнулся:

- О да.

Термиту не понравился этот смешок. Он отвернулся и уставился на грязно-синее море, в котором лишь намеками проступали очертания города.

- Надеюсь, биохимики его скоро к себе заберут. В конце концов, это его профиль. И я слышал, много работы для них в восьмом скриптории намечается.

Он постарался говорить легким тоном, будто просто поддерживает необязательный треп. Но сердце в груди заколотилось быстрее и яростнее.

- Там для всех много. Многих из других отделов перекидывают, но из нашего не будут, я тебе ручаюсь.

- У них важный проект?

- Угу. Таблетка...

- Таблетка, - повторил Термит.

"Оружие против Охотника почти готово. Моя цель близка".

Столбик пепла упал вниз, серой пылью рассыпавшись над городом.

Когда Термит вышел из здания "Войда", туман уже не был таким густым, как утром. Автомобили и автобусы рвали его на клочки, теплый воздух, вырывающийся из дверей офисов и магазинов, гнал прочь, в углы и закоулки.

Пробираясь по волглым улицам, Термит заглядывал в кафе, чайные и ресторанчики. Почти в каждом заведении был набор свежей прессы, терминалы с выходом в Интернет и даже экраны, на которых змеились кривые котировок акций и валют. Но доступный стационарный телефон обнаружился только в маленьком кришнаитском кафе. Термит купил себе аювердический пирожок и, демонстративно размахивая чеком, набрал на телефоне номер мобилы Котова.

- Да, здравствуйте, - отозвался голос приятеля после пятого гудка.

- Привет, Леш, это я, Термит.

- Привет. Куда пропал-то? Я звонил тебе - ты не отвечаешь, уже думал...

- Все хорошо. Просто после работы на этот сволочной "Войд" я решил немного лечь на дно.

- У тебя проблемы?

- Да нет же, нет. Слушай, потом встретимся, поговорим.

- Ладно. Где и когда?

- Я сам найду тебя. Пока.

Термит, не слушая возражений Котова, положил трубку. Он

облокотился о стену и откусил кусочек самосы. В кафе сплошным потоком шли клерки и менеджеры: у них как раз был обеденный перерыв.

Черная трубка телефона матово блестела, словно змеиная голова. Она одновременно манила и отталкивала.

"Слишком опасно. Но и разузнать, как дело пошло, тоже надо. Если что я могу поймать такси. Да и на улицах сейчас куча народу. Но если они слушают и оправят ко мне группу захвата? Второй раз обмануть спецназ не выйдет. Тем более, я не подготовился".

Он дожевал пирожок, шагнул к двери... и, резко развернувшись, снял трубку телефона. Закрутил винтажный диск с номерами.

"Русская рулетка. Вариант револьверного барабана с одним патроном".

Он приложил к ухе трубку, как дуло, и вслушался в гудки.

- Але? - наконец послышался голос Анны.

- Здравствуй. Это я. Термит.

"Теперь быстро - говорить минуту, не более!"

- Привет, - судя по голосу, она была рада, - ты куда пропал?

- Мне надо было. Из-за работы.

- Мы должны поговорить. Насчет этого и вообще.

- Да, конечно. Я потом позвоню тебе и скажу, где и когда мы можем встретится.

- С тобой все в порядке?

- Да. Не волнуйся. Пока.

Термит повесил трубку и выбежал из кафе. Метнулся через улицу, там - в проулок, зигзагом между небоскребов, вниз по туманному проспекту. Через полчаса он остановился под аркой отдышаться.

"Она догадывается об Охотнике, поэтому и предложила встретится. Но, кажется, до конца не уверена. Пока не уверена. Черт бы побрал эту гюрзу, из-за нее я так прокололся. Что теперь делать с Анной?"

Восстановив дыхание, он закурил и поплелся пешком к северной части центра. На монопоезде вышло бы быстрее, но сама мысль о вагоне, из которого никак нельзя убежать, вызывала в нем приступ клаустрофобии.

"Слишком многое уже сделано. Я на финишной прямой, нужно лишь дождаться момента. И постараться не попасться до тех пор".

В спа-салоне Дмирича, на первый взгляд, ничего не изменилось. Толстушка Ивонна, сидевшая на ресепшене, тепло приветствовала Термита и сообщила, что да, шеф вернулся и

сейчас то ли в баре, то ли болтает с посетителями.

Термит спустился вниз и прошел в знакомый зал с аквариумами и кристаллами. В центре расположилась шумная компания клиентов, а в укромном углу сидели биореакторы.

- Привет, - сказал Термит бесцеремонно присаживаясь рядом.

- О, давно не виделись! - кажется, из всех их только Сеня был искренне рад его видеть.

- Где Дмитрич?

- Подожди, скоро подойдет, - холодно сказал Сектант. - Выпей чаю, толкач.

С вежливой улыбкой принимая теплую чашку, Термит разглядывал биореактора. Презрительные интонации Сектанта не удивили его - тот никогда не любил торговцев цифровыми наркотиками, к которым причислял и Термита. Но лицо молодого человека сильно изменилось. Оно стало более худым и жестким, рот забыл привычку улыбаться, в глазах чувствовались настороженность и холод.

"Неужели это из-за моего импульса? Наверное, да. Я использовал Сектанта, как инструмент, кому ж такое понравится. Он теперь куда серьезнее и злее. Кто знает, не он ли скрывается под личиной Мордреда? Хотя нет, это было бы уже слишком!"

- Дмитрич привез из Италии ящик кьянти, приходи вечером, разопьем, - подмигнул его Сеня, без особого наслаждения цедивший свой чай.

- Не знаю, смогу ли...

- Конечно нет, встречи и кьянти только для клуба, - перебил еще один биореактор, имени которого Термит не помнил.

- Глупости! - Сеня фыркнул. - Счас...

Он встал и направился к барной стойке. Поговорил с барменом и вернулся с листом бумаги в одном руке и шариковой ручкой в другой.

- Да он просто толкач... - начал Сектант, но Сеня перебил его.

- Вот, подпиши - и ты в клубе!

Термит взял ручку и бумагу. Там в отпечатанную таблицу от руки были вписаны имена, рядом красовались подписи. Он вывел в нижней строчке свое имя и лихо расписался.

- А что за клуб?

- Филиал "Справедливой инициативы".

- Что?

- Ну, помнишь, был такой болван, который боролся за цифровую лоботомию преступников? Потом Охотник заставил его зарезаться в прямом эфире. Ну и организация начала охоту за ним самим. Дмитрич сказал, что мы все тоже присоединяемся, потому что это вредит нашему бизнесу. Хотя, конечно, он крут...

- Охотник - всего лишь наглый вредитель, прущийся от власти над людьми. Проклятый психопат! Чем быстрее его поймают и казнят, тем лучше, - сказал Сектант.

Термит молча пил чай.

32. Встречи

Дмитрич плыл между аквариумами, как серый кит среди косяков сельди. Он загорел и поправился, все его тело излучало довольство и благодушие.

- Отдыхаем? - спросил он, подойдя к биореакторам. - В пятую комнату скоро двое потребуются.

- Посмотрите, кто пришел, шеф, - сказал Сеня. - Я вписал его в Справедливость, чтоб и ему вашего вина досталось.

- Андрюшеньке я б дал бутылочку и без этого. Все-таки уж скоро два года, как мы партнеры.

- Как там продажи "счастья", которое я прошлый раз притаранил?

- Уже почти на нуле - производитель выбросил на рынок легальный продукт. Но мы успели оборот сделать, окупилось процентов на шестьсот.

- Ну отлично же. А как ваша поездка?

- Прекрасно. Я тебе потом фотографии покажу. Но ты ведь зашел не просто чаек попить?

- Нет. Есть товар, и купить кое-что надо тоже.

- Идем.

Они вышли из роскошного зала в ободранные подсобные помещения. Дмитрич пригласил Термита зайти в тесный кабинет, пропахший кофе и краской для принтера.

- Ну, что там у тебя на этот раз? - он потер руки, и дорогие часы на его запястье взблеснули.

- Скрипты.

Дмитрич сморщился:

- Это сырец, с этими кодами потом еще работы на месяц!

- Зато они из новейших разработок. Прописывают тактильные ощущения, очень реалистичные.

- Ну, это другое дело. Неужели в вашем "Глюковуде" наконец взялись за ум?

- Нет, скрипты из другой конторы.

- Хорошо. У тебя есть распечатка?

- Нет, все тут, - Термит постучал себя по лбу, - дай мне комп, я тебе напишу.

- Другому я бы не поверил, но тебе...

- Осталось договориться о цене.

- Снова возьмешь товаром?

- Мне нужно несколько специфических матриц класса а-один,

но и наличные мне тоже нужны. Пара тысяч пойдет.

- Нет.

- Да. Ты еще не видел скрипты.

- Допустим. Давай так - я даю тебе дюжину матриц и пятьсот бабла, а если ты сможешь меня удивить, то докину до пары штук.

- И плюс одно вещество в качестве бонуса.

- Если удивишь.

Термит кивнул.

Когда он вышел из спа-салона, солнце уже стояло высоко. Оно было не по-осеннему ярким и теплым. Толпа людей в непромокаемых плащах и куртках казалась странной под этими веселыми лучами.

Термит, сам не зная зачем, побрел к зданию "Илюженс Инкорпорейтед". Почему-то мысли о старой работе, которую он никогда особенно не любил, теперь вызывали приступ ностальгии. Студия сверкала как кусок хрусталя, а кольцо с рекламной строчкой сегодня выглядело особенно впечатляюще. Термит так и не перешел через дорогу. Он остановился под светофором, курил и смотрел на здание, где создавали миры. От осознания того, что эта жизнь теперь для него потеряна, было немного грустно.

"Линда Берри в новом фильме - побег из рая с помощью жвачки!"

- Ох, черт! - сказал он вслух.

"Самый длинный нанофильм - двадцать минут экзотики, представят братья Теплые!"

"Новинка для любителей погорячее - импульс Охотника! Почувствуйте себя на грани!"

- Черт!

Термит отшвырнул недокуренную сигарету и поплелся к остановке монопоезда.

"Теперь я звезда. Какой кошмар!"

Картина, представшая глазам Термита, когда он вошел в квартиру Никотина, могла служить натурой для татуировки "что нас губит". Дюжина девушек танцевала и хохотала, на столе сидела блондинка, обмахивалась карточным веером и пила дешевое шампанское из бутылки.

- А-а-а, ура, стриптиз приехал! - завизжали девчонки, увидев Термита.

Он попятился, прижав к груди подаренную Дмитричем бутылку кьянти, но его схватили и со смехом вытолкали на середину комнаты.

- Раздевайся!

- Да вы что, с ума все посходили?

Термит затравленно озирался, когда его спас ухмыляющийся Никотин.

- Девочки, это не тот, - объявил он, - это дружбан мой.

Они снова завизжали.

- Ты не пугайся, это одна соседка девишник устроила. Послезавтра замуж выходит за приятеля моего, Витька.

Девушка в розовом платье подскочила к Термиту:

- Это я. Извини, что испугали.

- Очень мило.

- Ты не бойся, мы еще до полуночи уйдем.

- Да ничего страшного...

- Приходи к нам на свадьбу, в бар "Кубань"! Ник, ты пригласил его?

- Я всех пригласил.

Никотин ухмыльнулся, а Термит прошептал ему на ухо:

- Послушай, мне нужна другая квартира. Спокойная и тихая, и в которую менты никогда не приползут проверять. Может кто-нибудь из твоих знакомых снять ее для меня? Я дам денег.

- Пойдем отсюда.

Они выбрались из квартиры в полутемный прокуренный коридор.

- Это было серьезно насчет свадьбы?

- Конечно. Приходи, будет много народу. А хата - без проблем. Можем даже сегодня посмотреть одно место, свободно ли.

- Кажется, эта девочка действительно любит своего жениха. По крайней мере так выглядит... влюбленной...

- Угу. Идем.

Термит погладил тонкий шприц в кармане.

"Бонус от Дмитрича. Жидкое забвение, цифровая лоботомия. Жертва должна забыть лишь полмесяца жизни, но кто поручится, что эта дрянь не сотрет всю личность, как преступникам в федеральных тюрьмах. Анна не заслужила этого... Но как, как иначе мне заставить ее молчать?"

Бряцая ключами, они прокрались по притихшему дому. Он был двойником того, где обитал Никотин: облупленные стены, вонь мочи на лестнице, продавленные стулья и заполненные окурками консервные банки в коридорах. Входная дверь в арендованную квартиру была розоватого цвета - как и двери в ванную и в туалет. Посреди комнаты стояла заляпанная банка с соответствующей краской. Термит, вздохнув, присел рядом с ней на корточки и прочитал название "супер-эмаль лососевого цвета".

- Прекрасно, - пробормотал он.

- Я рад, что тебе нравится, - сказал Никотин.

Краска и два стенных шкафа представляли всю меблировку комнаты. К счастью, на кухне нашлись холодильник и большая плита.

- Тут и радио есть, - Ник подошел к аппарату на холодильнике и включил его. - Можно поймать и нашу волну...

Радио протрещало:

- Маньяк-потрошитель сегодня ночью нашел новую жертву. Владелец арт-клуба был растерзан на заднем дворе своего заведения. Полиция предупреждает - будьте осторожны с наступлением темноты!

- Угу, угу, - пробормотал Термит.

И вдруг перед глазами встала вывеска "Проводов".

- Арт-клуб...

- Что?

- Ничего. Хочешь чаю?

- Нет, спасибо.

Термит провел очень беспокойную ночь, крутясь в расстеленном на голом полу спальнике. Он засыпал, просыпался и снова засыпал. Было совсем темно, когда он встал. Свет от ноутбука немного рассеял тьму. Глядя, как загружается программа, Термит потирал переносицу.

"Какая разница? Зачем мне знать?"

Но все же первым делом он открыл поисковик. Скоро Термит уже точно знал, что в этот раз Зверю попался Артемий по кличке Артемон. Кто-то умудрился слить и фотографии с места преступления: снимки можно было принять за авангардную живопись багровой краской по кирпичу и бетону.

- Ну и черт с тобой!

Термит раздраженно захлопнул крышку ноутбука и занялся изготовлением новой порции матрицы.

После полудня он вышел из дома и на монопоезде добрался до центра. Но в этот раз отправился не к небоскребу "Войда", а в небольшой магазин, где продавали цветы и сувениры. Там Термит выбрал большой букет из экзотических цветов, заплатил за доставку и попросил также отнести бутылку вина, а на карточке написать адрес "Кубани" и дату.

- Как вы хотите завершить? "С любовью", "жду любимую" или стихотворение...

- Не надо. Просто дайте ручку, я подпишусь.

Он поставил золотистыми чернилами грубую "Т", вышел из магазина и тут же закурил, чтобы забыть приторный запах цветов.

"Вот и все. Я сам виноват. Нужно было разрушить все привязанности до операции. Анна, Котов. Я принес им обоим только несчастья. Но теперь я не могу отступиться. Я должен

победить".

Шприц с импульсом забвения все еще лежал у него в кармане, и Термит стиснул его в кулаке, почти желая раздавить.

"Говорят, некоторые богатеи специально колются такими штуками, чтобы забыть неприятные моменты. Чтобы жить без плохих впечатлений".

Но он сам не променял бы на спокойную пустоту даже воспоминания о тюрьме, и знал, что и Анна предпочла бы сохранить даже самые постыдные и болезненные.

"Почему мне ее так жаль? Я ведь не люблю ее, нет же. Любовь... вот эта глупая девочка, которая выходит замуж за Витька, наверняка его любит. Это видно по ее глазам. Да... любит..."

День снова был спокойным и солнечным, как и тот, после бешеной ночи, когда они пекли вдвоем яблочный пирог. Деревья уже сбросили почти все листья, оставшиеся трепетали на ветках, будто желто-красные флажки. Солнце уже не могло окончательно растопить хрустящую пленку льда на лужах.

"Любовь - это великая сила".

Он уронил шприц с "забвением" и наступил на него, растер ногой по серому асфальту.

Термит взмахнул рукой, подзывая такси, и поехал домой. Он рассчитался хрустящими новыми банкнотами из тех, что дал ему Дмитрич: игра подходила к концу и можно было позволить себе шикануть.

В своей квартире он приступил к сборке новой матрицы. Мысли в голове мещались, и потому рутинная, привычная работа была даже в радость. Дело спорилось, и закончил Термит еще дотемна. Спать или смотреть фильмы не хотелось, и он отправился прогуляться.

33. Парк

Воздух в парке был холоден и чист, как лезвие нового ножа. Казалось, взмахни рукой - и он зазвенит хрустальным звоном.

Спортсмены шелестели листьями на дорожках, женщины толкали коляски с мирно спящими младенцами, закутанные в лохмотья нищие перебирались от урны к урне, собирая урожай пустых бутылок.

Термит и сам не знал, зачем пришел сюда так рано. Он сделал большой круг по парку, от обезлиственной березовой рощи к зеленому мрачному ельнику, и дальше вдоль реки, уже по-зимнему ленивой, тянущей разрозненные пластинки льда. Где-то там, внизу, он сжег одежду Охотника, в которой первый раз дрался с Мордредом. С тех пор так немного воды утекло - но столь многое изменилось.

Когда небо из блекло-голубого стало золотистым, людей в парке прибавилось. Подростки слушали музыку и грели руки над кострами, в укромных уголках целовались парочки, поборники здорового образа жизни совершали вечернюю пробежку.

На окраине парка, среди клумб с огненно-красными георгинами, играли дети.

Термит обошел площадку. Там разворачивались нешуточные боевые действия, в воздухе так и кружились ржавые листья и алые лепестки. Девчушка в голубой курточке отважно сражалась мечом с драконом - или пришельцем. Роль меча играла палка, роль чудовища - пожухлые заросли бамбука. Обрывки листьев так и летели во все стороны.

Увидев, что девочка заметила его, Термит поднял большие пальцы и вопросительно мотнул головой. Воительница, не прерывая битвы, улыбнулась ему и кивнула в сторону.

Котов стоял, прислонившись спиной к стволу березы.

- Привет.

- Здравствуй, Андрей. Как дела?

Приятель выглядел усталым, но не таким замученным, как раньше.

- У меня-то хорошо, а ты как? "Войд" стал жать на тебя, после того как ты признался?.. Поэтому ты и прячешься?

- Они хотят, чтобы я выполнял для них грязную работу. Я не против побегать по поручениям, но киллером для них я не буду.

Лицо Котова омрачилось:

- Мерзавцы, они хотят, чтобы теперь ты убивал для них?

- Ну, пока напрямую мне такого не приказывали, но этим вполне может закончиться.

- Если я как-то могу помочь...

- Спасибо, друг. Но не надо. Я справлюсь сам. А как твое сотрудничество с Нингеном?

- Я больше с Валерием Санычем общаюсь, он специалист по генной инженерии. Сутулый такой.

- Не помню его. Но я из-за тестов беспокоюсь. Нинген сказал, что ты регулярно пробуешь его импульсы.

Котов махнул рукой:

- Это же одно удовольствие по сравнению с расчетами био-параметров. Лежишь себе, отдыхаешь. Я всегда знал, что ты пошел в тестеры из-за лени, но не подозревал, что это настолько несложное занятие.

- И тебе не бывает плохо после импульсов? Голова не болит? И сами они не сильно страшные?

- Страшные? С чего бы? Просто светящиеся полосы и шорохи. С чего им быть страшными?

Термит облегченно выдохнул:

- Видимо, ты тестируешь абстрактный релакс-импульс. Это, конечно, другое дело.

- Не знаю, как там эти импульсы называются, но они и правда расслабляют. В "Клонаксе" я перешел на полставки, в "Войде" работаю не каждый вечер, так что чувствую себя почти как в отпуске.

Термит потер рукой подбородок:

- Слушай, а насколько сложно сделать биоробота?

- Ну, если можешь достать модифицированные для этого дела части органов, то несложно. В Интернете куча схем и пошаговых инструкций есть.

- И сложно достать эти тела?

- В хорошем качестве - да. Но для простых фантомов сгодятся и бракованные, а их можно за бутылку из нашего цеха утилизации взять. Студенты-биохимики часто их берут, чтоб фракенштейнов по общежитиям запускать.

- Ясно.

- А для чего тебе?

- Так, просто интересно. Не везет в любви, вот и думаю, не сбацать ли мне бабу из радио-реле и отбракованных сисек.

Котов ухмыльнулся:

- Тогда должно везти в карты. В казино ходить не пробовал?

Термит вспомнил "звездную комнату" в Пейнтболе203.

- Пробовал... Зафэйлил все.

Они еще постояли, глядя, как играют дети, и разговаривая о женщинах, работе, путешествиях и развлечениях. Термит с горечью думал, что скоро таким разговорам в его жизни придет конец, как и старым привязанностям. Близость опасности сделала его сентиментальным.

Небо темнело, становясь из золотистого алым на западе и фиолетовым на востоке. Стволы берез светились в мягких сумерках, а красные георгины выглядели почти черными. Люди завязывали шарфы и прятали в карманы озябшие руки. Родители, кто уговорами, кто угрозами, звали детей возвращаться домой. На далеких темных громадах небоскребов проявились светлые точки-окна.

- Пожалуй, пойдем мы. Не хочешь с нами поужинать? Сегодня картошка с говядиной и "Мышонок Бластер".

- Ты знаешь, пожалуй, хочу, - неожиданно для самого себя согласился Термит.

Они сняли Дару с ветки дикой яблони, откуда воительница обстреливала оставшихся врагов, и пошли к выходу из парка, смеясь и разговаривая.

В воротах стояла компания очень возбужденных молодых людей. Они были одеты в джинсы и кожаные куртки, их лица были скрыты за шарфами и надвинутыми капюшонами.

Термит остановился:

- Назад, - прошептал он.

Котов встал рядом с ним, обнимая дочку за плечи.

Но не все гуляющие оказались столь благоразумными. Импозантный мужчина в сером шерстяном пальто попытался пройти через ворота, а столкнувшись с парнями попробовал их вразумить.

- Пш-шел! Назад! Назад, сука! - заорал на него бугай в кожанке, толкая при каждом слове.

- Что вы себе...

- Отвали от него, Лысый, - раздался спокойный голос.

Бугай шагнул назад. Один из парней в воротах щелкнул зажигалкой, поднес пламя к длинному лоскуту ткани, свисавший из горлышка пивной бутылки, поджег и швырнул снаряд прямо под ноги мужчине.

Зазвенело разбившееся стекло. Столб пламени ударил вверх.

Люди с криками бросились бежать в глубь парка, отскочивший от огня мужчина - в первых рядах.

Парни засмеялись.

- За Охоту!!! - проорал кто-то из них.

К нему присоединилось множество голосов.

Кто-то поджег огромные кучи палых листьев в парке, и они тлели, испуская сизый горький дым. Люди бежали, спотыкаясь в сумерках, - кто по дорожкам, кто по обочинам. На холме заливисто лаяла овчарка, которой не нравилась вся эта суета. Дара протянула было руку погладить собаку, но Котов мягко отстранил ее.

- Собачка занята, родная.

Они все - небольшая группка людей, жавшихся друг к другу, - тоже напряженно наблюдали за развернувшимся хаосом.

Последователи Охотника свистели и бросались бутылками с зажигательной смесью. Светлые пятна горящей жидкости расползлись по асфальту.

- Господи, где же полиция? - простонал кто-то сзади.

- Они не просто хулиганят, - сказал Котов. - Они что-то задумали. Взгляните, они не отходят от ворот.

- Северный выход, наверное, свободен, - сказала взволнованная женщина, прижимавшая к груди сумку.

- Безопаснее остаться здесь и подождать, пока их арестуют, - возразил Термит.

- Они обольют нас бензином!

- Это не бензин, и пока еще никого не облили, только листья и старый бигборд подожгли. Не думаю, что они хотят повредить людям, - это от трех до семи лет с частичной коррекцией.

- Если не бензин, то что это? - спросил Котов.

- Нечто вроде напалма. Смотри, как он липнет к поверхностям.

- Эти охотники подготовились.

"Охотники?!"

- Похоже. Но к чему?

"Черт бы их побрал, хотя бы мое имя сюда не впутывали. Я не какой-нибудь гребаный мессия и не хочу, чтобы из-за меня кто-то погиб!"

Резкий звук полицейских сирен разорвал тишину вечера.

- Наконец-то, - сказал владелец овчарки, успокаивающе потрепав собаку по голове.

- Охотники не уходят, - Котов напряженно вглядывался в темноту, костяшки сжатых в кулаки пальцев побелели.

Хулиганы, действительно, скрываться не торопились. Сполохи костров осветили их фигуры, когда они встали по обе стороны ворот.

Серый полуфургон влетел на посыпанную гравием площадку. Его развернуло, понесло юзом. В тот же момент длинная старая "элегия" встала поперек входа, закупорив его, как пробка бутылку. Переднее стекло полуфургона треснуло и вылетело, а вместе с ним на капот вывалились двое человек. Они награждали друг друга ударами, пока подскочившие охотники не "успокоили" одного из них и не поставили второго на ноги. Водитель "элегии" выскочил из машины. Он кинулся к фургону и стал рыться в его салоне, пока остальные поджигали его старый автомобиль. Теперь ворота парка были запечатаны стеной из огня и металла. Снаружи надрывно выли сирены, но полицейские пока ничего не могли сделать.

Охотники вытащили из полуфургона невзрачный серый кейс. На его боках мелькнули багровые и желтые отсветы, когда водитель "элегии" поднял его в воздух, демонстрируя друзьям. Они ответили волчьим воем, который был слышен даже на холме.

Овчарка заинтересованно навострила уши.

- Это фургон федеральной службы доставок, - сказал один из мужчин. - Я смотрел кино, где в таком перевозили конфискованные наркотики.

- Ну что ж, значит, охотники сегодня отымели федов, - сказал Термит.

- Они далеко не уйдут.

Тем временем бандиты действительно отступали. Спаянной

группой они двинулись в темную часть парка, минуя освещенные фонарями гравиевые дорожки. Их темные силуэты скоро растворились в сумерках.

Горящие ворота с той стороны поливали из огнетушителей, но напалм поддавался неохотно.

Владелец овчарки перехватил поводок:

- Они ушли, нужно спуститься и попробовать тушить со стороны парка.

- А если они вернутся? - взвизгнула женщина.

- А чем тушить-то? - спросил мужчина.

- Ура, спускаемся! - закричала Дара.

- Тихо, - Котов потрепал девочку по плечу. - Но спуститься стоит - охотники как раз убежали в парк, а огнетушитель наверняка найдется в фургоне.

- Можно еще гравием забрасывать, - предложил Термит.

Их компания из объединившихся незнакомцев стала спускаться к пылающим воротам. Но не успели они пройти и половины пути, как горящую "элегию" сотряс взрыв. Куски металла взметнулись в воздух, брызнул раскаленный пластик.

- Назад! - закричал человек с собакой.

Они резко развернулись и полезли вверх, а в спины им ударил стрекот автомата.

- Гребаные феды стреляют вслепую, - прошипел Котов.

Термит дернул его за рукав, уводя в сторону, подальше от линии обстрела. Их недавние попутчики тоже сообразили финт и побежали, кто вправо, кто влево. Оказавшись за холмом, приятели не остановились.

- К северным воротам! - сказал Котов, не отпускавший руку дочери.

Термит кивнул, и они понеслись по внезапно мрачному и зловещему парку. Даже Дара порастеряла задор: курточка испачкалась и порвалась на рукаве, в волосах застряли сухие листья.

В темном ельнике они перешли на шаг. Котов поднял уставшую девочку и усадил себе на плечи, Термит закурил сигарету. Фонари заставляли их отбрасывать страшные горбатые тени, а лимонно-желтый свет лишь слепил, не давая увидеть возможные опасности в глубине леса.

- Как ты думаешь, охотники тоже побежали к северному выходу? - спросил Котов.

- Если так, то их уже ждет встречающий комитет.

- Может быть, им поможет настоящий Охотник, ну, тот парень, который имеет всех в мозги.

- Может быть.

- Вот мерзавец. Ему бы всадить всю обойму из калаша.

Термит раздраженно отшвырнул недокуренную сигарету.

- Тихо, - вдруг сказала Дара.

Они остановились и прислушались. Из-за деревьев доносились голоса.

34. Осколки

Котов спустил дочь на землю и приложил палец к губам, наказывая молчать. Термит, оглядевшись, обнаружил увесистый булыжник. Холодный камень удобно лег в ладонь. Котов указал рукой на фонарь - на дорожке слишком светло, слишком легко их обнаружить. Термит кивнул и ступил на обочину, откуда доносились голоса. Он почти ожидал, что приятель выразительно повертит пальцем у виска, но Котов взял Дару за руку и тоже пошел в ельник.

К счастью, дни осенью влажные, и сырые сучья не торопились шумно ломаться под ногами. Пройдя по упругой подложке из иголок, троица оказалась на гребне речного берега. Внизу в полумраке охотники садились в лодки. Это были старые моторные катера, но покамест их приводили в движение веслами. Несколько судов уже отчалило, но группа бандитов, стоявшая на берегу, не спешила грузиться.

"Неплохо. Пожалуй, феды их не достанут".

- Ну где это дерьмо носит? - прогундосил один из охотников, пиная лодку.

- Жди, сказали тебе ждать, значит жди.

- Блин, у вас хуже, чем в армии!

- Вообще хлебала заткните, расчирикались тут! Ник придет - всем вломит!

- Да когда он придет...

Котов потянул Термита назад. Они прокрались между елей и остановились за высоким кустом можжевельника, заслонявшим их от дороги.

- Нужно позвонить в полицию, - Котов достал телефон.

- Нет.

- Почему?

"Потому что мне жаль болванов, которые пользуются моим именем?"

- Они кого-то ждут. Вдруг это настоящий Охотник.

Котов замер.

- Да, ты прав. Полиция ничего обо всем здесь случившимся не знает. Они только спугнут его.

- Телефона федов я не помню.

- Я тоже...

- Послушай, давай я останусь следить, а вы пойдете к выходу

и в книжном на углу посмотрите контакты Службы. Если вдруг объявится настоящий Охотник, я звякну полицейским.

- Ты с ума сошел!

- Ты бы не остался?

- Я не могу... Дара.

Термит тихо засмеялся:

- Да ты всю жизнь мечтал в засаде посидеть.

- Ладно. Только не раскройся.

- Не бойся, "Войд" меня многому научил. Только дай телефон - свой-то я дома оставил.

Котов молча передал ему мобильник, пожал на прощание руку, и они вместе с Дарой скрылись в лесу.

"Эти чудо-охотнички ноги должны мне целовать за то, что нянчусь с ними".

Оказавшись на берегу, Термит вышел из ельника и свистнул. Парни у лодки повернулись к нему.

- Я от Ника! - громко сказал он.

- Какого...

- Линять отсюда - быстро! - вот прям щас!

- Ник сказал ждать.

- Ник не знает, что вас видели. Скоро тут будут феды.

Парни разразились ругательствами, что не помешало им споро погрузиться на катер.

- Прыгай! - заорал кто-то призывно размахивая руками.

И Термит прыгнул через полоску темной воды на корму катера.

- Пока лучше на веслах, - прошептал он.

Охотники взялись за дело слишком усердно: катер развернуло вокруг оси.

- Шлюхи безрукие, - выругался человек на носу.

- Сам бы греб, Угол.

Термиту весел уже не осталось, поэтому он уселся, скрестив ноги, на корме. На оседнем берегу тускло горели фонари, пускавшие по воде дорожки бликов, и призывно мигала вывеска круглосуточного бара. От воды тянуло холодом. Скоро Термит уже жалел, что не сидит на веслах: промозглая сырость пробирала до костей. О борта катера порой стукались хрустящие льдинки.

Скоро впереди уже можно было различить набережную и темные силуэты судов у старого причала. На первый взгляд берег казался пустынным, но когда катер охотников ткнулся о деревянные мостки, из тьмы соткалась приземистая фигура, уцепилась за нос судна и помогла пришвартоваться. Сходя на землю, Термит почувствовал едкий запах перегара, исходящий от

лодочника.

"Что ж, по крайней мере он не много расскажет федам, когда те поволокут его на допрос".

Охотники быстро выгрузились и все той же плотной стаей рванулись по темной улице вдоль воды. Термит бежал вместе со всеми, со страхом думая о том моменте, когда они повыскакивают наверх, в ярко освещенный квартал, по которому бродит Котов. Но бандиты и не думали так подставляться. Они добрались до старого лодочного ангара и вошли в предусмотрительно открытую дверь. Пробрались между катерами, моторками и катамаранами до черного выхода - и дворами прочь от набережной.

Термит очень скоро потерял чувство направления. По правде говоря, он и понятия не имел, что в этом районе так много тихих темных дворов, перетянутых бельевыми веревками, заставленных сломанными автомобилями.

Их бегство закончилось на небольшой красивой улице, где парикмахерская соседствовала с кафе, а бутик модной одежды - с компьютерным магазином. Здесь их ждала толпа бандитов, которые уплыли из парка раньше.

- Где Ник, черт бы его побрал? - без излишних приветствий налетел на них один из ожидавших, с бритой головой и татуировкой-солнцем на шее.

- Остался в парке.

- Какого хрена?

- Да че ты кипятишься, Змей? Вот он, - кивок в сторону Термита, - сказал, что нас кто-то засек, поэтому смываться надо.

- И кто же? Феды?

Он подошел ближе, и по манере двигаться Термит угадал в нем водителя "элегии", сыгравшего столь роковую роль в драке у ворот.

- Нет. Один чел, который просто гулял в парке.

- Что ж ты сразу не сказал? Мы б его... - последовал выразительный жест - хук воображаемому противнику.

- Поэтому и не сказал.

Змей схватил Термита за куртку на груди. Его горячее дыхание пахло мятной жвачкой. Злобное солнышко на кадыке скалилось.

- Да кто ты такой?

- Я друг Ника, - Термит спокойно высвободился. - Вот он придет, и спросишь у него самого. Одному человеку от облавы сбежать проще, да и в стычке у ворот он не участвовал.

Змей сплюнул на асфальт:

- А может, мы лучше тебя, падлу, на всякий случай...

- Тихо! - шикнул Угол. - Мусора идут, потом подеретесь!

И правда, по центру тихой улицы шли двое патрульных. Увидев сборище, один из них что-то сказал в рацию.

Охотники молча и напряженно ждали, пока полицейские подойдут.

- Что собрались, ребята? - дружелюбно спросил один, положив руку на рукоять "банана".

- Да так, пивасика попили, до хаты идем.

- Ну и идите. Доброго вечера.

- Идем, идем.

К облегчению Термита, почти ожидавшего свары, охотники послушно поплелись дальше по улице. Старший патрульный коротко сообщил диспетчеру, что все в порядке, - и драка началась.

Отстававшие бандиты прыгнули на патрульных, вырывая радио. "Банан" мелькнул в куче руг и ног и откатился. В несколько мгновений все было кончено - патрульных крепко держали, не давая пошевелиться.

- Пятый, вы как? Вы как? - надрывалась рация. - Послать машину?

Змей достал из кармана складной нож, открыл лезвие и прижал его к шее младшего полицейского. Неуловимое движение - и из прорезанной мочки уха побежала кровь. Патрульный всхлипнул, Змей криво улыбнулся и покачал головой. Затем поднес рацию ко рту старшего и нажал кнопку обратной связи.

- Все в норме, - сказал тот. - Идем дальше, отбой.

- Отбой.

Змей щелкнул выключателем и сунул рацию в карман. Когда он повернулся, Термит заметил, что куртка его порвана, а под глазом набухает синяк.

"Что ж, патрульные хотя бы не сдались без боя".

- На кой хрен это все? - спросил Угол. - Чтоб потом нас менты всей командой искали?

- Не бойся, мусора не будут мстить. Не смогут.

- Это как?

- Заодно и груз испытаем.

Змей забрал у одного из бандитов злосчастный кейс.

"Неужели там..."

Еще до того, как охотник при помощи ножа и магнита открыл замок, Термит знал, что увидит. Шприцы, множество шприцов, аккуратно разложенных в гнездах.

"Забвение. Этот фургон вез партию зелья для осужденных".

- Не стоит его использовать. Оно уничтожает человека, это то же самое, что убийство, - он встал между Змеем и полицейскими.

- В том и цимес! Пусть мусора знают!

- Знают что?

- Ты меня затрахал!

Первый удар Термит встретил плечом. Не тратя время на уворачивание, он схватил Змея за руку и крутанул. Шприц упал на асфальт.

Бандит втянул воздух сквозь зубы. Шипя, он выдернул руку и стал осыпать противника мелкими злыми ударами в живот. Термит попробовал закрыться и тут же получил сокрушительный удар в голову. Показалось, что внутри черепа внезапно зажглось солнце и размазало мозги в термоядерный джем. Качаясь, он отступил и прижался к стене, держа руки перед глазами и всеми силами стараясь не упасть. Змей пару раз ударил его ногами по бокам, но это было уже почти не больно.

- Стоп!

Термит продолжал закрываться еще долго, пока кто-то мягко не коснулся его рук. Черно-кровавая пелена перед глазами колыхнулась и открыла лицо Никотина лишь для того, чтобы мгновением позже снова поглотить зрение.

Порывисто вздохнув, Термит сел на асфальт. Головокружение уменьшилось, но теперь он почувствовал, что по лицу течет кровь.

- Вас ни на час оставить нельзя. Что за хрень здесь произошла?

- Этот кент, - Змей по-прежнему говорил, пропуская воздух сквозь сжатые зубы, - этот ублюдок... В общем, он отправил ребят плыть без тебя. А потом, когда я хотел зелье на мусорах проверить, в драку полез.

- То есть ты подумал, что феды потащат брак?

- Нет.

- Так какого хрена ты решил его проверять?

- Я... я подумал...

- Этой гребаной дрянью теперь заменяют газовую камеру! Электрический стул! Расстрел и плаху! Мы ее украли для чего?! Чтобы повеселиться? А?

- Ну не выбрасывать же ее?

- Именно выбрасывать.

Никотин наступил на валявшийся на дороге шприц. Стекло захрустело под его ботинком.

- Ты псих, - сказал Змей.

Под злым взглядом Ника охотники сунули в кейс связку новогодних фейерверков. Пламя поползло по короткому шнуру, и на асфальт посыпались малиновые и синие искры. Кейс подпрыгивал и дымился. Внутри его с треском лопались шприцы.

- Это ж какие бабки на ветер, - пробормотал Змей. - Ты гребаный псих.

- О да... - Никотин схватил его за шею. - А ты! - толкнул назад. - Сука! - Лоб бандита с грохотом впечатался в витрину. - Делал бы! - Змей откинул голову, но Ник снова бросил его в стекло. - Как я сказал! - Со звоном осыпались осколки. - Я сказал!

Наконец Змею удалось вывернуться. Он побежал прочь, натыкаясь на стены, падая и вновь поднимаясь.

- Ну и ночка, - сказал Никотин.

Его кисти были красными, будто он надел алые перчатки.

Он повернулся к полицейским и смерил их тяжелым взглядом.

"Сейчас прикажет их кончать".

Термит встал, опираясь рукой о стену дома. Неловко шагнул на асфальт, встав между Ником и захваченными патрульными.

- Отпустите их.

- Они нас видели. К утру каждый мусор будет шляться с нашими фотороботами.

- Как будто у вас очень приметные, уникальные лица. Да они все перепутают. А если вы их грохнете... Вы тут долго стояли, плевали, капали кровью, теряли волосы. ДНК тут достаточно, чтобы сделать фотороботы на половину из вас. А два убитых мента и два немного помятых - большая разница.

К концу речи в Термита пересохло в горле и снова закружилась голова. Но Никотин, выслушав его, кивнул:

- Он прав. Отпустите мусоров.

- Спасибо.

- Ну, твою-то рожу они точно не опознают - так тебя отделали. А тебе еще на свадьбу идти.

- Хорошо, что я не жених.

35. Любовь

В холодильнике нашлось филе мороженного хека. Термит приложил рыбу к разбитому лицу, прошел в комнату и рухнул на спальник. В голове шумело, но события ночи казались далекими и нереальными. Никотин, разбивающий витрину головой Змея, избитые патрульные, темная вода, горящие ворота... Котов!

Термит резко сел, уронив хека, и стал рыться в карманах. На дисплее телефона высвечивались три не принятых звонка.

- Черт!

Он набрал вызов. Ответили почти сразу.

- Да? Андрей, ты?

- Ага, я. Слушай, извини, забыл тебе телефон отдать...

- Ты где? Ты жив?

Термит усмехнулся:

- Ну не из могилы же звоню.

- Я вызвал федов, они мотались по набережной, как бешеные, но никого не нашли.

- Жаль. К моим пришел не Охотник. Так, какой-то гопник. Он наткнулся на меня в ельнике. Мы подрались.

- О черт!

- Я удрал, вышел через северный вход, но поехал домой. Я слышал сирены федов и решил, что все в порядке.

- И ты не подумал мне позвонить?!

- Прости. Он мне засветил прямо в башку и...

- Тебе нужно к врачу!

- Я схожу. Я отдам тебе телефон завтра.

- Да не торопись, у меня этих телефонов штук пять. Но обязательно сходи к врачу!

- Да. Пока.

Термит положил телефон на пол и снова лег. Глаза слипались, сознание "плыло", но все-таки навязчивая мысль не давала спокойно заснуть.

"Кто такой Ник? Я думал - обычная мелкая сошка, толкач. Но сейчас... Он гребаный псих, но он сумел наладить радиостанцию, он заставил этих бандитов выполнять его приказы. Костя Чернов фигура классом повыше, чем я рассчитывал. И плохо то, что он будет влиять на почти сложившийся расклад. Причем, самым непредсказуемым образом. Но что поделать. Будем надеяться, что он - моя счастливая карта".

Он проспал до полудня и, возможно, дремал бы еще до вечера, но навязчивое солнце, заглянувшее в незавешенное окно, разбудило его. Термит сел, отбросил склизкое филе, которое уже успело растаять, и выругал солнечные лучи. После чего направился в ванную.

Собственное лицо напугало его. Оно выглядело как жуткое месиво, стянутое пленкой засохшей крови. Термит включил воду и умылся, шипя от боли почти как Змей. Снова посмотрелся в зеркало. Теперь, по крайней мере, в отражении угадывалось лицо. Опухоли благодаря хеку почти не было, но на лбу красовалась рваная рана, а на скуле расцвел синяк.

Вздохнув, Термит залез под душ, потом пожарил и съел несчастную рыбу, надел смокинг и отправился в косметический салон. Там его синяки замазали гримом.

Вход в кафе "Кубань" был украшен букетами белых и пурпурных роз. Они чуть подвяли на морозе и роняли лепестки на каждого, кто неосмотрительно задевал их плечами. Внутри оркестр играл латиноамериканскую музыку, и певица протяжно пела на испанском, пахло ромом и мятой, а на стенах

красовались фотографии девушек и женщин с сигарами в зубах. В узком проходе между столов уже танцевали. Парни в дешевых костюмах и девицы в арендованных платьях смеялись, пили дайкири и пиво и все время норовили перебить тамаду. Молодая жена, похожая на белый розан в своих пышных юбках, льнула к плечу супруга.

Анна появилась, когда уже третий раз вопили "горько". Она остановилась у входа, оглядывая помещение, и чуть вздрогнула, увидев Термита. Он предложил ей руку и отвел за столик.

Шумные возгласы и фамильярные кивки незнакомых людей заставили Анну сжаться. Она ерзала на краешке стула и, закусив губу, пристально смотрела в пол. А Термит откинулся на спинку сиденья и с удовольствием рассматривал ее. На ней было черное глухое платье, такое узкое, что он задумался, а надела ли она под него белье. Гладко зачесанные волосы блестели, как крыло ворона, глаза казались глубокими и туманными из-за макияжа. В первый раз на его памяти она ярко накрасила губы - они были карминно-алые, цвета артериальной крови.

- Выпьем? - он протянул ей прейскурант.

Для торжества кафе специально отпечатало цены на листах плотной мелованной бумаги. Анна потянулась было за прейскурантом, но тут же отдернула руку: на пальце показалась царапина. Неожиданно женщина рассмеялась:

- Порезаться о список выпивки! Только я так могу!

- Хочешь я попрошу пластырь?

- Нет, - она сунула палец в рот, - лучше "Кровавую Мэри". Послушай, что у тебя со лбом?

Он ссутулился, пряча лицо:

- Так, ничего...

Но она взяла его холодными пальцами за подбородок и заставила развернуться к свету.

- Тебя побили?

Он криво усмехнулся:

- Ну, я тоже им неплохо наподдал.

Страх и напряжение Анны таяли. Когда в следующий раз кричали "горько", она с энтузиазмом присоединилась к возгласам, а на замечания парней с соседних столиков отвечала шутками.

"Конечно, умница Охотник сидел бы где-нибудь в лаборатории и вынашивал там коварные планы, а не ввязывался в драки, как последний гопарь".

Анна, так и не дождавшись своего заказа, одним махом осушила его рюмку и вскочила на ноги. Чуть покачиваясь на слишком высоких каблуках, она схватила Термита за рукав и, смеясь, потащила его в проход.

Грянули барабаны, хрипло зашептал саксофон. Певица забормотала речитатив, похожий на заклинание вуду. Ботинки застучали по деревянному полу, заструились юбки, загорелись глаза. Звуки музыки как петли огромной змеи обвились вокруг всех в тесном зале и потянули в неведомое.

Какой-то сморщенный старичок в широкополой шляпе все стучал кулаком по столу и повторял: "Эх, хороша, курва". Парни у выхода смеялись, вроде как невзначай упираясь руками в бока, так, что за полами пиджаков были видны пистолеты. Толстая женщина с копной кудряшек хлопала в ладоши. Тамада усердно напивался.

Сверкали поддельные брильянты. Пенилось синтетическое кружево, обнажая ловкие молодые ножки. Кожа к коже, губы к губам, томный зовущий взгляд - и расставание в полуобороте, объятия новых партнеров.

Музыка сбивала ритм сердца, синяки горели под слоем грима. Закручивая в вихре очередную девицу, Термит отыскивал краем глаза узкое черное платье, знакомую фигуру среди извивающихся танцоров. Было жарко.

Девушка в его руках почти обмякла.

- Выйдем, глотнем воздуха? - крикнул он ей на ухо, заглушая музыку.

Партнерша улыбнулась и кивнула.

Пробившись мимо танцующих пар, они выскользнули в крохотный внутренний дворик. Посреди выложенной брусчаткой площадки располагался небольшой фонтан.

- Боже, я, кажется, натерла ногу!

Девушка села на бортик бассейна и взялась за босоножку.

- Давай помогу.

Термит присел на корточки. Расстегнул ремешок.

- Сегодня звезды видны!

Между его пальцев блеснул автошприц. Игла молниеносно пробила кожу ступни. Девушка вздрогнула, но Термит уже спрятал свое орудие.

- Да, наверное, стоило бы сменить обувь, - пробормотал он.

- К черту!

Засмеявшись, она раскрутила босоножку и забросила ее в угол площадки. Мгновенно расстегнула вторую и босиком вприпрыжку побежала назад в зал.

Термит остался один. Он спрятал лицо в ладонях, не заботясь о том, что бередит раны, о том, что стирает грим.

"Я хуже всех палачей вместе взятых".

Музыка, тепло и близость других людей сделали ее почти пьяной. Анна покачивалась в такт мелодии. Как и все остальные.

На короткое время музыка, алкоголь и общее желание их всех объединило. Бандиты и начинающие мазурики, честные работяги и девочки с окраин стали одним целым, одним огромным организмом. Их личности на миг поблекли, и это было прекрасно.

Анна слишком часто угадывала потаенные мотивы и тайные мысли, просто взглянув на человека. Когда-то ей нравилась ее работа, нравилось расшифровывать истинные обличья, но чем дальше, тем больше она любила маски. Ей хотелось не знать их чертовы секреты, но рабочая привычка въелась в сознание, как краска в руки маляра. Она машинально раскладывала всех встречных на кирпичики и смотрела, что же у них припрятано в погребе: алчность, злоба, темные желания, грязные мечты.

Иногда она пыталась разложить на составные части саму себя. Мысли-крысы и мысли-голуби пожирали друг друга, оставляя сочащийся кровью фарш, и Анна проклинала себя и свой талант. Но в последнее время она ненавидела его особенно сильно.

Оркестр, сердце бара, разгонял по помещению ритмы танго. Пульсация мелодии отдавалась в груди Анны сладкой болью. Она не знала всех фигур танца, но остальные двигались вообще как бог на душу положит, каким-то непостижимым образом все-таки попадая в музыку. Ладони касались ее талии, туго обтянутой черной тканью - жесткие и вялые, влажные от пота и холодные с мороза. Вереница лиц проплывала перед глазами. Анна расфокусировала взгляд, чтобы не видеть, не читать их. Когда она запрокидывала голову и смотрела сквозь ресницы на лампы, казалось, что каждую обрамляет радужный ореол.

"Если он - Охотник... значит, он безумец. Опасный психопат, который не сможет остановится. Он начал с акций почти невинных, но убийство Воленского, бомба на остановке, Пейнтбол... Охотник не сможет удержаться на грани зла. Рано или поздно он совершит что-то поистине ужасное".

Зал качался и переливался огнями из-за выступивших слез. Анна мысленно произнесла отрывистую путанную молитву, желая, чтобы Термит оказался кем угодно, только не Охотником.

Нервная мелодия танго взвилась в кульминации и умерла.

Певица села на край сцены, обмахиваясь салфеткой, барабанщик поднес к губам стакан минеральной воды.

Струны гитары заскрипели, зашептали что-то томительно-неторопливое. Кто-то из гостей отправился к столам, освежиться, кто-то остался танцевать, прижавшись к партнеру. Анна стояла одна, чувствуя себя почти больной.

Ее плеча осторожно коснулась рука в белой перчатке. Погладила по руке, спустилась к талии, застыв светлым цветком

на черном фоне.

- Ты плачешь? Что-то случилось? - прошептала невеста.

- Ничего.

Две головы склонились друг к другу. Женщины, медленно вальсируя, закружились между столиков. Белое платье против черного, блондинистые локоны против темных гладких волос, сияние счастья против бледности потаенного страха.

- Все будет хорошо. Обязательно. Не нужно... вот и я сама зарыдала...

Они остановились. Невеста взяла безвольную руку Анны и поднесла к своему лицу. По гладкой щеке катились слезы.

- Прости. Я расстроила тебя в такой день, - с искренним сожалением сказала Анна.

Девушка улыбнулась и провела ее рукой по своей коже. Царапину на пальце защипало от соли.

- Нет. Я счастлива. И хочу, чтобы все остальные тоже...

- Я счастлива, - эхом повторила Анна и тут же ощутила, что это правда. - Я как все дуры-бабы плачу из-за пустяков! Пойдем лучше наших мужчин поищем, пока их не украли.

Они обе захихикали и стали пробираться между столиками. Невеста подобрала подол, и Анна увидела, что ступни у нее - босые. Она представила эту девушку на нагретой солнцем палубе корабля, щурящейся на солнце, с развевающимися на ветру волосами. Страх и нервозность ушли, вытесненные чувством слепой, густой, как патока, любви, переполнившей Анну. Когда она увидела Термита, ей захотелось его поцеловать. Нежно и крепко, и долго.

"Он не Охотник. Конечно же нет. Я уверена в этом. Наша бурная ночь после событий в Пейнтболе - всего лишь совпадение".

Ее сомнения растаяли, как снег, на душе было спокойно и радостно.

- Что ты сидишь? Пойдем. Потанцуем!

- Нет, погоди. Мы же встретились для разговора.

- Ну давай поговорим.

Она решительно набросила на плечи плащ. Предстоящее выяснение обстоятельств уже не пугало ее.

Они выскользнули на улицу. Там было темно и холодно, но это было даже приятно после духоты зала. Некоторые из гостей тоже прогуливались по улице, курили и шумно смеялись.

Каблучки Анны звонко цокали по асфальту. Она увидела парочку - он во фраке с чужого плеча, она - в пластиковом переливающемся платье, стоят и целуются. Схватив Термита за руку, она заставила его остановиться и прильнула губами к его губам. Но он с непривычной холодностью отстранил ее:

- Погоди.

- Ты не любишь меня?

Это был первый раз, когда кто-то из них вымолвил это слово. До сих пор они говорили о чем угодно, только не о любви.

По лицу Термита пробежала едва заметная тень. Отголосок боли, расшифровала Анна.

"Может быть, он боится, что я начну плести чушь о свадьбе и детишках? После почти года столь приятных встреч только секса ради?"

Она едва не засмеялась.

- Ты была права. Я преступник, - сказал Термит. - В последнее время я сделал много такого, из-за чего меня могли бы посадить. Если бы узнали.

В свете фонаря его лицо было жестким, с резкими тенями. Но Анне было достаточно выражения его глаз и тона его голоса, чтобы знать - он сказал правду.

Она спросила:

- Ты выполняешь грязную работу для синдиката?

- Да.

Это было правдой.

- Убиваешь для них?

- Пока до этого не дошло.

И это было правдой.

"Если я сейчас спрошу про Охотника, он ответит мне, и я буду знать наверняка... Хотя зачем? Я и так знаю".

- Значит я любовница мафиози? Постарайся выпутаться из их сетей, дорогой - не ради меня или закона, а ради себя. Синдикаты могут дать тебе и легальную работу.

- Иногда и дают.

- Но даже если ты кого-то убьешь, я буду молчать. А если тебя приведут ко мне на допрос, я подделаю данные. Но оплакивать тебя я не собираюсь! Если ты позволишь пристрелить себя, я тебе голову оторву!

- Я не позволю.

Термит улыбнулся и поцеловал Анну, как обычно, крепко и страстно.

Про Охотника она так и не спросила.

36. Стиратель

Золотые, выгоревшие на солнце травы высились почти до пояса. Жаркий воздух над ними был густым, как домашняя наливка, он пах сеном и медом. На краю поля зеленой стеной высились деревья. Лес был диким и темным, но на границе как стражи стояли в ряд старые липы, явно посаженные человеком. В центре поля росла яблоня-дичок, ее кудрявые ветви почти

касались земли, создавая зеленый шатер.

Термит медленно осторожно вдохнул. Пьянящий воздух заполнил его легкие, он был таким густым и вкусным, что его было жалко выдыхать.

Вокруг царило безмятежное лето. Черные быстрые стрижи носились в глубоком небе как маленькие бомбардировщики, ветер гнал золотистые волны по травяному морю.

"В чем подвох?"

Термит сорвал с ветки твердое незрелое яблоко, зачем-то сунул его в карман и зашагал к лесу. Когда он подошел к липам, в глубине чащи мелькнула тень. Термит вздрогнул, но это лишь большой олень осторожно пробирался среди орешника.

Под пологом леса было прохладно и немного сыровато. Пахло землей, прошлогодними гниющими листьями и водой. Тихо ступая по мягкой подстилке, Термит обошел заросли орешника и молодой ольхи. Там, извиваясь как серебряная змея, по укромной ложбине тек ручей. Знакомый олень поднял голову. С его подбородка капала сверкающая вода, на боках лежали пятна солнечного света, пробивающегося сквозь листву.

- Привет, - сказал Термит.

Карие глаза животного посмотрели на него спокойно и задумчиво. А потом олень, ничуть не испугавшись человека, снова склонил шею и продолжил пить.

Термит улыбнулся и присел на корточки на берегу. Ему вдруг очень захотелось зачерпнуть этой прозрачной воды, которая даже на вид казалась ледяной. Он протянул руку, подставил под серебристые струи сложенную ковшиком ладонь. В первый миг его обожгло холодом, но потом ощущение сгладилось. Между его пальцев тянулись хрустальные нити.

"Это прекрасно".

Ветер колыхнул ветки деревьев, и Термит увидел краем глаза, что там, за ручьем, чистый свет и мягкие тени сплетаются, создавая колонны и арки, вплетаются в цветочные изгороди и уткрывают чудесным орнаментом стволы деревьев.

Он встал, стряхивая последние брызги с рук, - и вдруг заметил, что с его пальцев срываются не капли, а частицы рыжей пыли.

"Что за?.."

Термит вытер руку о подол рубашки. Наткнулся на твердый шарик яблока в кармане джинсов. Осторожно достал фрукт - маленький и отчаянно зеленый. Термит держал его на ладони, но сам не заметил, когда яблоко вдруг осыпалось песком между пальцев.

"Черт!"

Он шагнул назад, оступился, схватился за протянутую ветку дуба. Рыжая пыль взметнулась в воздухе.

Олень оторвался от питья и шел к нему по ручью. Вода бурлила у его ног.

- Не надо, - сказал Термит. - Лучше будь фантомом, чем песком.

Он отвернулся и пошел назад, к полю, стараясь не прикасаться к ветвям. Земля превращалась в пыль под его ногами.

"Изгнание из рая? Это ты хотел мне показать, Нинген? Хотя я даже не съел яблоко. Сатана-читер, какое убожество!"

Когда он снова вышел в поле, за ним струился шлейф из песка.

"Я всегда знал, что дивный сад не для меня".

Термит упал навзничь в траву, которая тут же рассыпалась под ним.

"Ты долбанный дурак, Нинген. Пусть все превращается в пыль от моего прикосновения - небо я уничтожить не смогу. Небо и стрижи, они останутся".

Он лежал и смотрел в бесконечный сияющий простор, где резвились птицы.

- Ну как? - спросил скриптор.

- Прекрасно. Давно не пробовал такого чудного импульса.

- А как тебе пустыня под конец?

- Я ее не видел.

- В смысле? Почему?

- На кой черт мне пустыня? Я валялся, смотрел в небо. Оно мне больше понравилось, чем песок.

Нинген хмыкнул:

- Понятно.

- Я думаю, многие люди заплатили бы хорошие деньги за такой импульс, если бы он был в виде нано-фильма.

- Я таким не занимаюсь. Это не интересно.

"А что тебе интересно? Докопаться до глубин моей психики и сломать ее?"

- Когда мне снова приходить?

- Завтра.

Термит кивнул. Нинген быстро потерял к нему интерес и отправился в большой зал скриптория. Катя отключила аппаратуру и стала убирать капельницы. Сегодня ее волосы были заплетены в множество мелких косичек.

- Спасибо, - сказал Термит, когда она протянула ему куртку.

- Постарайся завтра не приходить. Соври, что забыл, заболел, напился, встретил девушку своей мечты. Что угодно. Но постарайся, чтобы между импульсами Нингена были серьезные

интервалы.

- Спасибо за предупреждение.

- Он сказал мне, что ты - интересный экземпляр. Ничего хорошего это не сулит.

- Я знаю.

Она ловко управлялась с катетерами и проводами. Термит вылез из "гроба" и поплелся к терминалу.

- Я слышал, Нинген пытается соревноваться с восьмым отделом, - сказал он будто невзначай, открывая анкетные таблицы.

- Нет, ему просто не нравится, что они получили финансирование и лучшие кадры из запаса. Но на их работу он никогда не покушался. Драйверы ему не интересны.

- Угу, - Термит быстро вбивал значения в ячейки.

- Он сейчас работает над каким-то сложным импульсом и отчитывается только Джонсмиту и выше. И его бесит, что часть внимания достается восьмому отделу.

- А что они делают?

Катя рассмеялась:

- Да ты что, разве кто скажет? Они собирают какой-то очень редкий и потенциально очень дорогой драйвер. А чтобы узнать точнее, нужно стать промышленным шпионом.

"А в перспективе - мертвецом. Как Тройка".

Он уже заканчивал с отчетом, когда в комнату снова вошел Нинген. Очень раздраженный и взъерошенный.

- Ты! - он ткнул пальцем в спину Термиту. - Закругляйся и немедленно спускайся вниз. Даунастыд собирается развлечь тебя новым заданием. Наверное, нужно кого-то завалить. Завтра сказал засчитать тебе как выходной.

- Эээ, кто это сказал? Джонсмит?

- Он. Или Баклан Педров, или еще-куча-имен. Топай давай.

Термит усмехнулся и встал из-за терминала.

Его встретили сразу у лифта. Четверо спортивного вида людей в темной одежде стояли по обеим сторонам от раздвигающихся дверей. Сам Джонсмит расхаживал взад-вперед по коридору, скрипя новыми кожаными ботинками. Когда из кабинки показался Термит, координатор поспешил к нему едва ли не бегом.

- Какого черта ты так долго? Я же сказал Нингену, чтоб прислал тебя немедленно!

- А в чем дело?

Джонсмит выглядел выспавшимся и бодрым, его одежда была идеально свежей и отлично сидела. Но, присмотревшись, Термит обратил внимание на слишком блестящие глаза и расширенные

зрачки.

"Кокаин? Или драйвер?"

- Тебе нужно будет... прибраться.

- В смысле?

- Поедешь на адрес, точнее, тебя отвезут, идеально там все вычистишь и вернешься ко мне с докладом.

- А они, - Термит обернулся на спортивных людей, - они поедут со мной?

- Да, они подстрахуют тебя со стороны.

- Но убираться мне не помогут?

- Они дадут тебе чистящее средство и прочитают вслух инструкцию. Вперед, не ждем!

- Прекрасно.

"Ну и дерьмо!"

Они пробежали по фойе и прыгнули в ждавшую у дверей машину. Это оказалась вишневая "брышка", неприметная, но тесная и медленная. Термит даже не пытался рассмотреть дорогу, как ему показалось, громилы Джонсмита заняли все свободное место в салоне. От них пахло дешевым одеколоном и дешевыми сигаретами. Если запах табака Термит еще мог снести, от пронзительных ароматов "лесной свежести" он едва не задохнулся.

Машина двигалась рывками, мотор неприятно шумел каждый раз, когда приходилось трогаться после светофоров. Наконец она скрежетнула боком о стену и остановилась.

- Надень, - один из парней бросил Термиту пару тонких латексных перчаток, - и это, - кое-как потеснившись они набросили на него зеленый пластиковый плащ.

- И куда идти? - мрачно спросил Термит, продевая руки в рукава.

- Дверь прям напротив, четвертый этаж, квартира четырестописятая. Капюшон надень и воротник подними, чтоб физию твою не видели. Вот возьми.

Тщательно прикрыв лицо, с двухлитровой бутылью отбеливающего геля под мышкой, с засунутыми глубоко в карманы руками в перчатках, Термит выбрался из машины. Жадно вдохнул, очищая легкие от тошнотворных паров. Он оказался на задворках каких-то трущоб, посреди двора-колодца. Дома вокруг были старые, покосившиеся, с выбитыми окнами и черными провалами вместо дверей. Их серые стены покрывала вязь поблекших граффити. Посередине площадки виднелась куча битого кирпича. Несколько чахлых деревьев пытались расти у разломанной трансформаторной будки.

"А вот здесь я бы от пистолета не отказался".

Вздохнув, Термит вошел в подъезд напротив и поднялся по лестнице. Стены были исписаны руганью и названиями музыкальных групп, перила отсутствовали. Пахло плесенью и, немного, гарью.

"Видимо, бомжи здесь иногда ночуют и разводят костры".

На четвертом этаже вся лестничная клетка была изукрашена черными кривыми линиями. Термит даже приостановился, стараясь разглядеть в этих каракулях буквы или цифры, - но, кажется, кто-то просто брызгал краской по стенам.

Квартиры были частью завалены мусором, частью просто разрушены. Пробираясь между упавших с потолка плит, Термит гадал, как же он найдет злосчастный четыреста пятидесятый номер - и почти сразу же оказался перед белой дверью с выведенными черным цифрами.

Перехватив поудобнее бутылку с гелем, он пихнул дверь ногой и вошел внутрь.

Телефон зазвенел так громко и неожиданно, что проклятый очиститель выпал из рук. Термит выматерился и попытался одновременно подобрать бутылку и достать телефон. Из-за перчаток все скользило.

"Нужно было еще утром отдать проклятый мобильник Котову".

- Да, слушаю. Леша, я сейчас занят, я отдам тебе телефон вечером.

- О том и речь. Меня дома сегодня не будет, я уже няню взял.

Прижимая телефон к уху и держа другой рукой гель, Термит перешагнул через дыру в полу и заглянул в комнату. Там кое-как было расчищено пространство - куски штукатурки и вывалившиеся кирпичи сдвинули к дальней стене. Дряхлый, изрезанный ножами стол окружали три драных матраца, пол между ними был усеян использованными шприцами.

- Ну хорошо, тогда я зайду завтра, - Термит осторожно прошел вперед. - Или можем встретиться в городе.

- Давай лучше встретимся. Если ты сможешь, конечно. Я буду часов с шести в баре "Закат".

- Ладно.

"Неужели мне убирать наркоманский притон? Джонсмит обалдел совсем!"

- Как твои раны?

- Какие раны... а, те... все нормально.

Он раздраженно пнул носком ботинка запятнанный матрас.

- У доктора-то был?

- Конечно! - уверенным голосом соврал Термит.

- А как твоя девушка?

"Я заставил ее меня полюбить".

- Никак. Нет никакой девушки.

Из окна был виден двор и старая побитая "брышка". Показав машине средний палец, Термит поплелся на кухню.

- Поругался? Слушай, мне тут про тебя Катерина из скриптория как-то рассказывала. Думаю, она...

Проем загораживал лист картона. Термит отодвинул его.

- Она милая.

- Ага, я тоже так сразу подумал.

- Да, я хотел бы трахнуть ее...

- Андрей, ты хоть в ресторан ее сначала своди.

- Ненавижу эти гребаные ритуалы, ненавижу, когда проклятые ублюдки молчат, вместо того чтобы прямо сказать...

- Эй? Что там с тобой?

- Слушай, я занят. Поговорим вечером.

- Ладно, пока.

- Бывай.

Термит сунул телефон в карман и со вздохом отвинтил крышку бутылки с гелем.

Стены маленькой кухни были разрисованы красно-коричневыми полосами, а на полу из потрескавшейся плитки лежала голова.

37. Мусор

Гель пах цветами. Слишком резко и навязчиво, чтобы этот запах можно было принять на натуральный. Термит щедро налил жидкости на тряпку и стал тереть стены. Кровавые полосы обесцвечивались и сливались с грязным фоном.

"На полу почти чисто, даже под головой. Значит, тело разделывали не здесь. Тогда откуда этот урод взял столько крови для своей настенной живописи? Принес с собой? Но как? И зачем? Может, тут Зверь приложил руку? Хотя нет, синдикат не стал бы покрывать маньяка".

Вздохнув, он развернул черный пакет для мусора и присел на корточки возле головы. Некогда она принадлежала мужчине среднего возраста. Смерть ничуть не облагородила грубые черты лица.

"Вероятно, бомж, пьяница и наркоман, из тех, что подворовывают по мелочам и трясут деньги у школьников. Зачем синдикату потребовалось убивать его? Да тут может быть сотня причин. Оказался не в том месте, попался по горячую руку, использовался для устрашения других жертв. Странно, конечно, что отрезали голову, но и этому можно найти объяснение..."

Придерживая пакет левой рукой, правой Термит нерешительно потянулся к голове. Почему-то вспомнилось, как в

студенческие годы они пошли гулять по медфаку и забрались в комнату, заставленную органами в формалине. Легкие и желудок выглядели как-то жалко, неэффектно. Зато там были головы со снятой кожей - для демонстрации лицевых мышц. Их полуоткрытые рты, казалось, застыли в безмолвном крике и, прикалываясь и смеясь вслух, внутри Термит немного жалел тех бедняг.

Он осторожно поднял голову бомжа за волосы - длинные и спутанные. Остекленевшие глаза были открыты, на губах виднелись следы зубов. Линия среза оказалась очень чистой и ровной.

"Возможно, его пытали, тогда он и закусывал губы. А голову отрезали уже от трупа".

Он осторожно переместил жуткий трофей в мешок. Завязал края узлом и полил гелем потеки засохшей крови на плиточной полу. Размазывая их тряпкой, он подумал, что Джонсмиту небось никогда не приходилось таким заниматься.

Наконец, кухня стала сравнительно чистой. По крайней мере теперь никак нельзя было сказать, что тут когда-либо делали более страшные вещи, чем разбодяживание героина.

Термит поплелся назад. Очень хотелось курить, но обе руки были заняты: в правой он нес мешок с грязными тряпками и остатками геля, в левой - с головой.

"Плевать. Покурю в машине. А громилы Джонсмита нехай подвинутся".

Выходя из дома он насторожился, ожидая подвоха. Но, похоже, синдикат больше - или пока? - не собирался испытывать и подставлять его. Вишневая "брышка" мирно ждала у арки.

Термит подошел к машине и пнул по заднему колесу. Шумно распахнулась дверь и наружу вылез один из бугаев.

- Все сделал?

- Угу.

Маленькие пронзительные глаза с интересом смотрели на него, и Термит вдруг понял, что никто из громил понятия не имеет, зачем их сюда послали. Он широко улыбнулся и полез в машину. Бесцеремонно положил мешки на колени соседу и достал пачку "Лаки Дог".

- Не кури, задохнемся все.

- Ни черта.

Термит спокойно щелкнул зажигалкой и жадно затянулся. Запах дыма мгновенно заполнил салон. Из-за этого слезились глаза, но зато и вонь одеколона забило.

- Сказал же - туши свою гребаную сигарету!

- Да пошел ты...

Перед глазами встала абсурдная картина, как он дерется в тесной "брышке" с громилами синдиката, используя голову в мешке вместо кистеня. Но остальные попутчики соседа не подержали.

- Да ладно тебе. Мало ли какое там дерьмо. Грех не покурить, - сказал водитель, открывая окно.

- Мы едем назад в "Войд"? - Термит перегнулся через соседа, чтобы стряхнуть пепел в пепельницу на дверце.

- Да, нам, то есть тебе, нужно отчитаться Джонсмиту. Мусор по пути выбросим.

- Это он так велел?

- Ага.

"Сволочь".

Вспомнился координатор в, как всегда, щегольском костюме, с чашечкой ароматного кофе в руках.

Термит зло выпустил сквозь зубы струю дыма.

- Останавливаться не нужно. Мусор я вам оставлю, потом выкинете.

Он ошибся - на этот раз в кабинете Джонсмита витали запахи не кофе, а крепкого хорошего чая, сдобренного коньяком. Сам координатор сидел за столом, отбивая левой рукой ритм воображаемой мелодии, а правой подписывая визитки. У него оказался очень ровный и аккуратный почерк - Термит, зайдя, так и уставился на каллиграфические строчки.

- Что смотрим? - Джонсмит оторвался от своего занятия и отпил чаю из чашки.

- Пишете красиво. Я думал, уже никто так не пишет, с тех пор как компы появились. Мои записи я и сам порой с трудом расшифровываю.

- Да, - взгляд кооринатора потеплел. - Это один из моих талантов... А как ваши, пригодились вам сегодня?

- Я никогда не был дотошным чистюлей. Но улики из квартиры я убрал. И вот, принес вам.

Он поднял черный пластиковый мешок и вывалил содержимое на блестящий стол Джонсмита. Голова прокатилась по поверхности и замерла, уткнувшись в закрытый ноутбук.

Координатор побледнел. Даже его серые глаза посветлели, словно выцвели. Он вскочил, опрокинув чашку. Лужица чая растеклась по столу.

- Гребаный психопат! Я же приказал - выбросить мусор!

"Эк тебя колбасит. А это всего лишь голова. Голова, которую оттяпала человеку твоя организация".

- Я так и сделал. Тряпки и бутылку с остатками геля я оставил ребятам, они обещали кинуть на помойку. Но голова

человека, это же не мусор, ведь так? - вкрадчиво сказал Термит, отодвигая визитки от расползающейся чайной лужи.

- Убери это от меня, - процедил Джонсмит. - Возьми с собой и избавься как можно быстрее.

- Ладно. Я могу...

- Заткнись. Ничего не хочу знать. Ты нарочно саботируешь каждое задание.

- Да вы что?!

- Не знаю, почему. Может быть, ты думаешь, что с синдикатом можно шутки шутить. А может, потому что ты настоящий психопат.

- Что вы, я никогда и не думал подшучивать над синдикатом, - криво ухмыльнулся Термит.

- Неважно, - Джонсмит наклонился, взял одну из визиток и протянул ему. - Приходи, как там назначено. Поработаешь для меня охранником.

"Мерзавец, опять в какое-то дерьмо меня втянуть хочет. Зря я его спровоцировал... хотя, выражение его морды, когда по столу покатилась голова, стоит миллион, не меньше".

- Хорошо.

- Оденься в нормальный смокинг. Знаешь, что такое смокинг?

- Я не настолько тупой.

- Убирайся.

Голос Джонсмита был ледяным и абсолютно спокойным, но Термит заметил, что руки сжаты в кулаки так, что костяшки побелели.

- Я постараюсь не рассказывать на посту анекдотов. Наверное, у меня в самом деле плохое чувство юмора.

- Иди!

Руками без перчаток дотрагиваться до головы было неприятно, но Термит демонстративно поднял ее и снова спрятал в мешок. Пока он шел к двери, Джонсмит сверлил его взглядом.

"Просто посмотри на эти гребаные трупы, к которым и ты приложил руку. Просто посмотри..."

В бар с мусорным мешком бы не пустили, поэтому Термит переложил голову в купленный в киоске пакет с изображением розовых бутонов.

"Мертвецам положены цветы, вот тебе и розы".

Сначала он хотел выбросить голову, но вспомнил собственные слова о том, что это не мусор. Тогда это была всего лишь уловка: притвориться, будто недопонял приказ, позлить Джонсмита. Но теперь почему-то казалось, что правильным будет закопать страшный трофей. Термит по-прежнему не испытывал особой жалости к мертвецу, но похоронить его было бы

правильно.

К сожалению, по дороге к бару укромных мест, пригодных для закапывания трупов, не встретилось.

"Закат" - заведение из недорогих, но приличных. На широких стеклянных дверях висели плакаты, обещающие скидки на завтраки и комплексные обеды, если вы пришли с детьми. Внутри было светло и просторно, многочисленные экраны показывали футбольные матчи, скачки и турниры по покеру.

Термит, крепко прижимая к себе злосчастный пакет, прошелся по залу, высматривая приятеля. Наконец увидел - Котов скучал над кружкой светлого пива в уголке. Он сидел, погруженный в свои мысли, меланхолично строил домик из подставок под кружки и тут же его разрушал.

- Привет! - Термит шлепнулся рядом.

- Спасибо, что пришел. Я уж боялся, не дождусь.

- Я прямо из "Войда". Вот твой телефон.

- Здорово тебя приложили. Надо было мне остаться, - Котов сочувственно смотрел на его избитое лицо.

- Ничего, заживет.

- Давай я тебе пива закажу?

- Нет, что-то не хочется, - Термит невольно тяжело вздохнул.

- С тобой точно все в порядке?

- Да. Я просто устал.

Они помолчали. Термит уставился на цветастый пакет, лежавший на коленях.

"Ну и где мне его закопать? На детской площадке? В парк нет сил переться".

Вокруг закричали: в футбольном матче забили гол.

- Знаешь, вообще-то ты мог бы мне помочь, - сказал Термит, дождавшись, когда стихнут радостные возгласы. - Это не очень приятное дело, но...

- Говори.

- Сегодня Джонсмит поручил мне зачистить одно место. Там была эта штука... Ты ведь по пути домой проезжаешь мимо кладбища, да?

Котов нахмурился, но кивнул.

- Можешь тогда закопать там вот это?

Он подвинулся к другу и приоткрыл пакет под столом.

- Черт!

- Если не можешь...

- Могу.

- Спасибо, Леш. Я этого не забуду. Если хоть что-то могу для тебя сделать - не молчи.

Котов махнул рукой:

- Да мы теперь одинаково повязаны этими делами с синдикатом. Но помочь ты мне можешь, кстати. Вроде бы в студенческие годы у тебя набор хакерских прог был, помнишь? Может, сохранились?

- Наверное. Я переписал их на дивиди, чтобы не каждый компьютер прочесть мог. Думаю, где-то у меня еще валяется и диск, и привод. Но зачем тебе это старье?

- Есть парочка старых игр, к которым никак не найду кряка.

38. Джонни

Дни становились все холоднее и темнее. С деревьев облетели почти все листья, и голые ветки заштриховывали черной сеткой небосвод. Лед на лужах почти не таял, но легкий снежок пока еще не долетал до земли, превращаясь в морось над асфальтом.

Термит проводил почти все дни в работе над новыми матрицами. После встречи с Котовым он нашел в обувной коробке с надписью "Grassa-Grassa" коллекцию почти раритетных компактных дисков и переслал другу пакет программ.

Он перестал просматривать сайты в Интернете, кроме пиратских серверов, откуда скачивал фильмы и игры. Никотин пару раз приходил к нему, даже предлагал какие-то темные дела, но Термит отговорился, сказав, что слишком занят работой.

Этот информационный и социальный вакуум, который он создал вокруг себя, подействовал на него благотворно. Термит стал более спокойным и уравновешенным. Он ложился, лишь когда глаза уже сами собой закрывались, и поэтому спал всегда крепко. В аптеке на углу он купил витамины и аккуратно принимал их каждый день. Он старался питаться здоровой едой и каждое утро начинал с сотни отжиманий.

Золотая визитка с каллиграфически выполненным приглашением висела на холодильнике, прижатая магнитом в виде розы ветров. Каждый раз глядя на нее Термит испытывал сильное желание послать Джонсмита и весь "Войд" к черту. Но синдикат играл ключевую роль в его дальнейших планах. Поэтому в назначенный день Термит взял напрокат смокинг, пригладил волосы гелем и, поймав такси, отправился на Лосиную улицу.

Чуть в стороне от Петли и делового Центра, рядом с чопорным Зеленым парком располагался квартал с самой дорогой недвижимостью в городе. За изгородями и заборами стояли особняки. Каждый построен по индивидуальному проекту: один в виде старинного замка, другой напоминает футуристический звездолет, третий кажется частью природы, как произведения Гауди... Даже сумерки здесь были мягче, возможно, из-за того, что фонари выглядели старинными и горели не резко-белым, а

спокойным желто-оранжевым светом.

Пялясь на роскошные дома, Термит и не заметил, как такси добралось до адреса. Он щедро сунул водителю крупную купюру и вышел в прохладный вечер.

Дом впереди походил на традиционный викторианский особняк. Вполне возможно, что его и доставили прямо из Англии вместе с фундаментом. По краям извилистой гравийной дорожки горели лампы в виде старых газовых фонарей. У крыльца курили двое мужчин в касках и бронежилетах. Термит показал им карточку Джонсмита. Один из охранников внимательно изучил ее и, кивнув, пропустил внутрь.

Мягкий ковер заглушал шаги, под потолком сияли лампы, стены в фойе были облицованы панелями из резного дуба.

- Термит?

Он обернулся. По мраморной - или сделанной из полимеров под мрамор - лестнице спускалась дама. На ней было длинное синее платье с глубоким вырезом и серебристые туфли на высоком каблуке. Волосы, убранные в прическу, едва заметно фосфоресцировали.

- Не узнал? - она рассмеялась. - Это же я, Катя.

Термит улыбнулся:

- Ты прекрасно выглядишь.

- Все они так говорят. Но я выгляжу, как дорогая шлюха, - она нахмурилась. - Была б моя воля, я бы ни за что сюда не пришла. Но хорошо хоть ты есть, можно будет с нормальным человеком пообщаться. А то или терпи нудный флирт от стариков, или слушай треп Нингена про циклические возвратные функции.

- Боюсь, я не смогу развлекать тебя. Я тут лишь шестерка, охранник.

- Жаль.

Судя по ее голосу, она говорила искренне, а не просто пыталась быть вежливой. Термит вспомнил о словах Котова и внутренне содрогнулся: не стоило затевать новую интрижку, едва разобравшись с Анной.

- Где Джонсмит? - холодно спросил он.

Катя указала наверх. Когда Термит прошел мимо нее, она посмотрела печально и обиженно, но тут на лестнице показался Джонсмит, и девушка поспешно стала спускаться.

- А, пришел наконец!

Смокинг координатора явно был пошит на заказ и сидел, как влитой. В правой руке Джонсмит держал бокал с шампанским, в левой - маленький блестящий пистолет.

"Джонни в уикэнд посещает балет..."

- Да, где мне встать?

- Иди сюда.

"Крупнокалиберный с ним пистолет".

- У меня оружия нет, это для меня?

- Будь моя воля, было бы для тебя, психопат чертов, - смеясь, Джонсмит нацелился в лоб Термита.

"Пули визжат..."

- Я просто выполняю все, что мне прикажут.

"Балерины порхают..."

Термит взбирался по лестнице, натянув на лицо простодушное выражение.

- Да, я заметил. Выполняешь все, но по-своему.

Дуло пистолетика ткнулось между глаз Термита.

"Весело в штате Техас отдыхают".

Джонсмит спустил курок. Щелкнул затвор, но выстрела не прозвучало: магазин был пуст.

- Что ты хочешь, чтобы я сделал?

Термит посмотрел в темные глаза координатора. Зрачки снова были расширены.

"Наверное, опять вмазался кокаином".

- Охраняй коридор.

Джонсмит сунул ему пистолет, потом достал из кармана пачку патронов и тоже вложил в руку Термиту. Бокал с шампанским так и плясал в его пальцах, золотистое вино едва не выплескивалось.

- Спасибо.

- Катерина? - крикнул координатор вниз. - Пойдемте назад в зал.

Она хмуро посмотрела на них обоих исподлобья и начала подниматься, придерживая подол платья. Наверху она безропотно позволила Джонсмиту схватить себя под руку и увести. Термит смотрел как они идут: две изящные фигуры красивых людей, одетых в дорогую одежду. Со стороны они выглядели просто прекрасной парой.

Он вздохнул, зарядил пистолет и стал прохаживаться взад-вперед. Наверху от лестницы начинался длинный широкий коридор, в дальнем конце которого виднелись двустворчатые двери. У стен стояли старинные шоу-автоматы из темного дерева и меди. Неторопливо гуляя по коридору, Термит с любопытством рассмотрел их.

Каждый - маленькая витрина, за стеклом которой наивно и тщательно воссоздан фрагмент жизни. Куколки пьют чай, куколки устраивают спиритический сеанс, куколки-мужчины приглашают куколок-женщин на танец, куколки-пожарники тушат водой из фольги картонное пламя, куколка-смертник стоит на

эшафоте из спичек. И если бросить в прорезь автомата заготовленную в чаше рядом с ним монетку, сценка обретает движение. Чаевники разбивают блюдце, напротив медиума возникает тюлевый призрак, фигуры кружатся в танце, потухает пламя, со стуком падает доска - и висельник мерно раскачивается на веревке.

Скоро автоматы наскучили, и Термит принялся подслушивать у дверей зала. Там играли джаз и, кажется, немного танцевали, но в основном - говорили. Бессвязный гул был похож на гудение осиного гнезда.

Порой мимо проходили дамы и господа. Все роскошно одетые, все с прекрасными манерами. Кое-кого Термит смутно знал из телепередач и статей в Интернете: политики, журналисты, актеры, известные блоггеры. Многие из них, как он помнил, открыто поддерживали позицию "Справедливой инициативы", у некоторых на лацканах красовались значки организации.

"Жаль, я сюда импульс не принес, вот попрыгали бы вы у меня".

Термит злорадно представил, как можно было бы позабавиться с этими чопорными господами, хотя прекрасно понимал, что это было бы верхом безумия и неосторожности.

Из зала снова показался Джонсмит. Он был один.

- Как развлекаетесь? - спросил Термит, подавляя зевок.

- Иди сюда, Термит, - глухо сказал координатор.

"Надо же, мое прозвище вспомнил".

- В чем дело?

- У меня есть к тебе просьба.

- Какая?

- Тебе понравится. Ты же у нас психопат-беспредельщик. И деньги у меня клянчил... будут тебе деньги.

- Вы хотите, чтобы я кого-то убил?

- Рядом с залом, вон там, есть маленькая комната. Там в ней сигары, кофе...

- И?

- И микроволновка. Поставь ее работать и открой дверцу. Чтобы не выключилась автоматически, контакты придется замкнуть.

- Для этого мне придется покинуть свой пост.

Джонсмит усмехнулся:

- Я за тебя посторожу. Только сделай все, как я сказал. Без твоих обычных шуточек.

- Сделаю.

- Вперед!

Пожав плечами, Термит вошел в зал. Там было шумно, под потолком светились объемные проекции, а внизу живым огнем горели свечи. Приятный полумрак расслаблял, для развлечения же присутствовал оркестр и танцовщицы на небольшой эстраде посредине зала. Их почти обнаженные тела двигались в такт музыке: то по-змеиному плавно, то резко и угловато. Над их головами висела серебряная клетка с биороботом. Существо непонятного пола тоже пыталось танцевать. Его грудь и ноги отливали серебром, лицо было закрыто маской.

"Как мило. Почти то же самое, как заставить плясать мертвеца. Экзотика! И этот двигается даже лучше, чем поделка Мордреда".

Тихо пробравшись мимо разговаривающих, выпивающих и танцующих гостей, Термит нашел курительную. Она была оформлена в индийском стиле: оттоманки с множеством мягких подушек, бронзовые слоны на полу, картины с восточной тематикой. На комоде темного дерева стояло несколько коробок с сигарами. Часть комнаты была огорожена расписной ширмой, за ней обнаружился сервиз, кофеварка и микроволновка.

Используя десертный ножик вместо отвертки, Термит разобрал дверцу и замкнул контакты. Поставил время готовки сотню минут. Внутри аппарата зажегся свет и начало поворачиваться блюдо для готовки.

- Вот и все.

Термит поплелся было назад, но задержался у коробок с сигарами. Все они приятно и крепко пахли табаком. Он достал

короткую черную и с наслаждением вдохнул ее аромат.

"Живут же люди. Когда все закончится, я окончательно перейду на сигары, как почтенный мафиози. Хм, Джонсмит, наверное, не заметит, если я тут позаимствую одну?"

На одних коробках была кубинская маркировка, на других - мексиканская и колумбийская. Термит читал названия марок, жалея, что ни одной не знает.

- А ты здесь откуда?! - послышался знакомый голос.

Термит обернулся:

- Нинген?

На скрипторе был костюм, который явно жал в плечах, зато серые блестящие перчатки на руках казались сделанными из ртути.

- Воруешь казенный табак?

- Что, тебе помешал?

Они ухмыльнулись друг другу, и тут скриптор неестественно дернулся и рухнул на колени. Он задрал голову и хрипло, тяжело вдохнул. Едко запахло горящей проводкой. Из левой ладони Нингена вырвался сноп искр, разорвавший перчатку.

Термит выматерился и бросился за ширму - выключить проклятую микроволновку. Но было уже поздно. Нинген корчился на полу, сотрясаясь всем телом, как в припадке эпилепсии.

- Скорую! - заорал Термит.

Он шагнул к бедняге, но тут ноги скриптора взорвались, разметав по комнате ошметки плоти и осколки горячего металла.

"Нужно отключить его импланты".

Термит сел рядом с Нингеном и воткнул палец в ямку у ключицы. Там трепыхался провод.

- Черт, - под рукой не было ничего режущего.

- На, - прохрипел Нинген, протягивая острый осколок. - Артерию не порежь, - он приложил руку к животу и похлопал. - Инфу достань, пока не сгорела.

- Ты мне еще посоветуй, - Термит воткнул металл в плоть, перерезывая проводок, - и покритикуй еще меня...

Он распахнул пиджак, одним движением разорвал рубашку и стал нащупывать места соединения имплантов. Еще одна псевдоорганическая жилка, и еще. Тело скриптора понемногу затихало. К запаху сожженного пластика добавилась вонь обгоревшей плоти.

"Этого не должно было случиться. Есть же система предохранителей! Хотя... Катя говорила, что Нинген покупает дешевые образцы из Тайваня и экспериментальные модули. Что-то из этого и не выдержало излучения от микроволновки".

Судороги отпустили, и Нинген быстрым движением

перевернулся. Он стоял на четвереньках, свесив голову. Термит коснулся его плеча, хотел спросить, лучше ли теперь. Но тут блеснула серебристая нить расплавленной пластмассы, падая с лица скриптора на пол. Вязкие, чернеющие на воздухе капли, как слезы, закапали вниз.

- Вы-та-щи их.

Термит, закусив губу, схватил Нингена за волосы и приподнял его голову. Глазницы были заполнены вязкой серебристой массой, облепившей потемневшую электронику. Пластмасса текла по щекам, оставляя ожоги на коже. Казалось, что это невероятно больно, но когда Термит погрузил пальцы в то, что осталось от правого глаза скриптора, он и сам ничего не почувствовал. Уцепился за какие-то штырьки и вырвал дымящийся имплант. Потом также поступил с левым и отпустил Нингена. Тот осел на пол, как бесчувственное тело. Термит испугался, не умер ли. Он прижал ухо к груди скриптора и прислушался. Сердцебиение было слабым, почти неуловимым. Но оно было.

"Жив, сволочь".

Обгоревшие пальцы начало жечь, но эта запоздалая боль была такой мелочью. Термит провел рукой по животу Нингена. Поверхность оказалась твердой и жесткой. Синтетическая кожа тут была испещрена множеством шрамов и под одним из них нащупался рычажок. Термит потянул, потом надавил. Плоть раздалась и выплюнула маленькую память-флешку.

"Инфа..."

Вокруг уже суетились люди. Кто-то ругался, кто-то звонил врачам, кто-то падал в обморок. Термит едва успел спрятать память, когда несколько человек стали осматривать Нингена: из их слов он понял, что они биоскрипторы.

- Что это с ним случилось?

- Дрянные импланты.

"Если они найдут микроволновку, то обвинят меня!"

Но прятать улики было уже поздно. Убедившись, что о Нингене позаботятся Термит выскользнул из курительной. Сумрак сейчас пришелся как нельзя кстати.

39. Зверь

Распахнув дверь ногой, Термит ворвался в комнату.

Тускло мерцал дисплей терминала - он и огни города за окном оставались единственными источниками света. На кофейном столике стояла бутылка вина, по прозрачной столешнице пролегала кокаиновая дорожка, размазанная в конце. На диване под плакатом Энди Уорхолла полулежали Джонсмит и Катя. Она откинулась назад, а он запустил руки под ее юбку,

целовал обнажившуюся грудь.

- Черт возьми, ты не стучишь вообще никогда? - спросил координатор, лениво отрываясь от девушки.

Катя лихорадочно закрылась руками.

Термит отвернулся к окну и, глядя на переливающийся разноцветными огнями город, сказал:

- Нингена увезли на скорой.

Он слышал, как приглушенно воскликнула девушка.

- Ах, что же с ним? - спросил Джонсмит.

- Его импланты рук и ног начали сбоить, а потом расплавились аугментации глаз.

- Неудивительно. Он всегда покупал дешевую дрянь, нелегалы собирают их на подпольных фабриках по тысяче штук в день. Странно, что его чертовы глаза не взорвались.

Термит обернулся. Бледная Катя обхватила себя руками, ее платье было расстегнуто на спине и сама поправить его она не могла. Джонсмит жестко улыбался, но его переносицу рассекла морщина, а на лбу выступил пот. Координатор потянулся к столу и коснулся кончиками пальцев дорожки кокаина. Он машинально размазал наркотик по стеклу.

"Ты нервничаешь? Почему?"

- Я думаю, вам самим нужно позаботится о нем. Он ваш скриптор, в конце концов. Сейчас его в критическом состоянии везут в реанимацию. Если вы хотите что-то сделать для него - теперь самое время.

Джонсмит пробарабанил белыми от "снежка" пальцами по столу:

- Не стоит. Врачи позаботятся о нем, полежит месяцок другой и выйдет здоровее прежнего.

"Значит, ты просто хотел вывести его из игры. Интересно, почему?"

- Он был на волоске от смерти. Какая радость для вас, что он выжил!

Координатор фыркнул:

- У нас полно скрипторов, Нинген не незаменим. Пусть бы и сдох.

- А как же человеколюбие?

- Ты знаешь такие слова? - Джонсмит встал и подошел к Термиту. - Нинген даже больший преступник и отморозок, чем ты, - прошептал он, - никто бы не заплакал, если бы импланты взорвались и разнесли на куски его гребанную голову.

- Вы обещали...

- Все будет. - Он хлопнул Термита по плечу, оставив белый след на черном смокинге. - Я пойду успокою гостей, а ты можешь

собираться домой. Все равно вечеринка уже закончена.

- Хорошо.

Координатор ушел, хлопнув дверью. Термит и Катя остались вдвоем, и тишина в комнате сразу же стала удушающей, неприятной. Они не смотрели друг на друга.

- Застегни мне платье, - сказала девушка.

Термит невнятно хмыкнул и шагнул к ней. Катя повернулась к нему спиной. Вдоль ее позвоночника и на плечах проявились голографические татуировки: рой мотыльков. Их призрачные проекции двигались и меняли цвета с каждым вздохом девушки, с каждым нервическим подергиванием. Термит провел ладонью над кожей. Бабочки исчезали под его пальцами и появлялись вновь, когда он отнимал руку.

Для того чтобы застегнуть платье было достаточно совместить края ткани. Термит осторожно прижал их друг к другу, стараясь не оставить складок. Мотыльки скрылись.

"Бедная девочка... Хорошо хоть мы почти не общались, и мне не придется втянуть ее во всю эту дрянь..."

Ему захотелось сжать руками ее хрупкие плечи, зарыться лицом в фосфоресцирующие синим и зеленым волосы, бросить ее на диван, еще хранящий тепло Джонсмита, и трахнуть самым неджентльменским образом. Он рывком развернул девушку и впился губами в ее губы. Катя толкнула его в грудь, а когда он подался назад, отвесила жгучую пощечину.

Термит отшатнулся. Мелькнула синяя тень, хлопнула дверь. А он вдруг рассмеялся, почувствовав странное облегчение.

Домой Термит добрался уже на рассвете. Первым делом он включил ноутбук и вставил в порт память Нингена. Компьютер отобразил ее как внешний диск, при попытке открыть программа затребовала пароль.

"Если бы он не шифровался, было бы странно. И держу пари, тут-то пассворд настоящий, сложный, возможно, даже запускающий уничтожение данных при неудачной попытке".

Отчаянно зевая, он нашел в своих базах данных программу-декодер, запустил ее и прилег на спальник.

Едва Термит сомкнул глаза, как кто-то оглушительно забарабанил в дверь.

- Что за черт?

Потирая глаза и невнятно ругаясь, он поплелся открывать.

В коридоре стоял Никотин.

- Пойдем, - сказал он.

- Куда?

- Ты должен это увидеть.

- Ты уверен?

Ник уже развернулся и шел к лестнице. Термит вздохнул и потащился за ним следом. Ступеньки, угловатые граффити, въевшийся в стены запах мочи и сигаретного дыма. На улице было холодно, с неба сыпал ледяной дождь. Они прошли через пару дворов к супермаркету, обогнули его и оказались в узком грязном проулке. Здесь ржавели старые киоски, у стен громоздились мешки с отходами. В конце над кирпичной аркой из распылителя была нарисована Дева Мария с нимбом, напоминающим капустный лист.

Между сломанным кофейным аппаратом и горой рваных шин лежал человек.

- О Господи! - выдохнул Термит, отводя глаза.

- Это Змей, - хрипло сказал Ник. - Тот, с которым вы подрались.

- Ты же не думаешь, что я это сделал?

- Нет, это тот чертов маньяк. Зверь. Гребанный Зверь!

Крик по пустынной улице.

"Зачем ты меня позвал? Хочешь, чтобы я нашел убийцу? Но я же не детектив".

Термит склонился к телу:

- Может быть, он и не сильно страдал, но перед смертью успел перепугаться. Если у него есть семья, лучше бы им его таким не видеть...

- Мы позаботимся о его матери. Но мне... мне нужна тварь, которая это сделала. И тогда мы увидим, кто из нас больший маньяк, - пальцы Никотина были сжаты в кулаки.

- Ты звонил в полицию?

- Пока нет. Теперь это наше дело.

"Я так и знал".

- Можно поискать на теле остатки чужого ДНК. Волосы, кусочки кожи из-под ногтей, если Змей дрался. Конечно, генетический фоторобот далеко не идеален, но как начало...

- Спасибо, брат. Змей был отмороженным ублюдком, но он был нашим ублюдком. Этот маньяк получит свое.

"Как же я устал..."

Термит подошел к телу поближе, стараясь не наступить в растекшуюся лужу крови. Сам он и с дулом у виска не опознал бы в изуродованных останках недавнего противника. Тот лежал навзничь, запрокинув синее опухшее лицо. Руки и ноги торчали под немыслимыми углами: все конечности были сломаны. От подбородка и до живота тянулась широкая кровавая рана. Органы внутри убийца изрезал и сместил, и они слиплись в черно-багровый ком. Отливающий лиловым кусок торчал изо рта жертвы; Термиту пришлось наклониться и внимательно

осмотреть его, прежде чем он понял, что это - сердце.

- Маньяк распотрошил Змея ножом, но очень неаккуратно. Большинство других органов задето. Такое ощущение, что убийца в какой-то момент сорвался и просто тыкал в живот клинком.

- Он псих, что с него взять?

- Он вырезал сердце и засунул его Змею в рот. Но не тронул гениталии, хотя многие маньяки повертываются как раз на сексуальной почве. Он сломал руки и ноги, это вообще чудовищно, то есть - какая же силища нужна!

- Под гюрзой это вполне возможно.

Термит склонился к разодранному торсу:

- Слушай, у него же была татуировка здесь, - он коснулся кончиками пальцев своей шеи. - Такое мерзенькое солнышко.

- Да, была.

- Мне кажется, ее выгрызли зубами.

Лицо Никотина затвердело:

- Зубами?

- Посмотри сам, раны очень рваные. Не такие, как от ножа.

- То есть, убийца его сожрал?

- Разве что часть горла в пылу схватки. Не думаю, что он каннибал.

Правая рука Змея почти касалась ботинка Термита. Указательный и средний пальцы были сломаны, под ногтями чернела запекшаяся кровь.

"Скорей всего, кровь жертвы, но мало ли".

К счастью, с теперешней пачки сигарет целлофановую обертку он содрал не полностью. Освободив ее, Термит осторожно завернул в нее кусочек темной субстанции из-под ногтя Змея.

- Пожалуй, это все, что я могу сделать. Нужно убираться подальше отсюда и звонить в полицию.

- Ладно.

Никотин все стоял, глядя на изуродованное тело бойца. Падал снег, хрупкие снежинки таяли, попав в лужу крови, и серебристым налетом покрывали лицо мертвеца.

- Кто ты, Ник?

- Что?

- Я навел по Интернету кое-какие справки о тебе, перед тем как встретить тебя у тюрьмы. Создалось такое впечатление, что ты - простой толкач, максимум одна из шестерок картелей. Но теперь я понял: это не так. Ты просто не похож на мелкого наркоторговца и незадачливого гопника.

- Почему же? В бурной молодости я действительно разгромил пару витрин... Наркотиками, впрочем, я не занимался, их мне

подкинули в полиции.

- Вот как.

- Я знаю, что все толкачи так говорят, но я не лгу.

- Зачем же полиции нужно было подтасовывать улики, чтобы наверняка посадить очередного мелкого хулигана?

- Затем, что я давно перестал заниматься ерундой. Так вышло, что со мной связались парни из шанхайского синдиката, которым срочно требовались АК. Я занялся контрабандой оружия и неожиданно в этом весьма преуспел. Но потом феды начали меня подозревать. Улик у них не было, а операцию по захвату груза и сопровождающих я пресек. Видимо, они решили просто убрать меня со сцены.

"Могу ли я этому верить?"

- Круто...

"Если это правда, то... значит, у Ника свои счеты с федами и наверняка его цели простираются дальше борьбы с коррекцией личности".

Вернувшись домой, Термит снова лег, но долго не мог заснуть. Перед его глазами вставали видения отрезанных голов и изуродованных тел. Он думал о маньяке из мусорного переулка и хладнокровных убийцах синдиката. Когда явь окончательно затуманилась, он увидел Джонсмита, лежащего на Кате и пожирающего ее внутренности.

Термит проснулся в холодном поту. Дневной свет резал глаза, голова болела, а во рту пересохло, как после попойки. Он пошел на кухню и попил холодной воды из-под крана. После чего сбегал в туалет; там его вырвало.

"Ничего. Скоро я уеду из этого проклятого города и забуду про все убийства и зверства. Забуду..."

Щелчок мышки пробудил компьютер из спящего режима. Хакерская программа еще не завершила свое дело, но по крайней мере демон на флешке Нингена ее не диагностировал, ни на стадии инициации, ни при проникновении в систему. Сейчас шла последняя стадия расшифровки.

"Нужно бы позвонить в больницу, спросить, как у него дела. И Котову звякнуть насчет анализа ДНК".

Термит открыл поисковик и сделал запрос по словам "маньяк" и "зверь". Ему выдали множество ссылок на статьи про убийцу и кровавые фотографии с мест его преступлений.

"Он начал убивать со дня перестрелки в "Проводах" и за неполный месяц напал на кучу человек. Четверо бомжей-наркоманов-алкоголиков и пять - приличных граждан. Первая жертва из приличных - студентка, насажена спиной на железный кол в ограде, живот разрезан крест-накрест. Второй - Артемон,

разбросан по всей длине тридцатиметрового проулка на полпути между своим домом и клубом, тут маньяк использовал топор или тесак. Следующие - семейная пара, зажиточные, убиты на своей даче за три минуты, пока на сработавшую сигнализацию ехали боевики из охранной фирмы. И последний - пока последний - Змей. Возле каждого тела маньяк оставил свою визитку".

Невзирая на тошноту, Термит рассмотрел фотографии трупов под увеличением. Неаккуратные рубленые и колотые раны, алая свежая кровь и коричневатая свернувшаяся.

"Полиция во всех интервью настаивает, что все эти преступления - дело рук одного человека. Визитки для такого суждения маловато, мало ли кто ее мог подбросить. Значит, вероятно, есть нечто большее".

Но снимки кровавого месива на новые идеи его не натолкнули. Термит перешел к биографиям жертв. Все они были совершенно разными людьми: бедная студентка экономического факультета, криминальный бизнесмен, парочка богатеев и бедные отбросы общества с самого дна.

"Вряд ли их что-то связывало. С другой стороны, если маньяк склонен набрасываться на незнакомцев, какого черта он полез прямо в дом к супругам?"

Строчки сливались в один серый фон. Термит сидел и тупо пялился в монитор, по пятому разу читая интервью подружки убитой студенточки.

"Была веселая, любила музыку и вечеринки, хотела съездить на Тибет, даже сделала на ладони татуировку инь-ян... Татуировку?!"

Термит вернулся к фотографиям первой жертвы. Правая рука девушки не пострадала, но левая была исполосована ножом в клочья.

"Вот оно! Наш маньяк не любит рисунки на коже. Но у Артемона я татуировок не видел. И парочка богатеев не из тех, что делают себе наколки".

Он еще раз просмотрел снимки остальных жертв. Владелец "Проводов" в роковой вечер оделся в закрытый костюм из металлизированной ткани, оставляющий на обозрение лишь лицо и кисти рук, где, как помнил Термит, татуировок не было. Господа богатеи перед смертью посетили благотворительный вечер, где их сфотографировали. Никаких знаков на их коже не оказалось. Зато оба носили на левой стороне груди значки "Справедливой инициативы". А у всех убитых бомжей были фрко-красные шарфы - подарок благотворительной организации.

"Неужели?.."

Снимки до, снимки после: голографические бейджики на

дорогой одежде, кровавые дыры и измочаленная плоть.

"Его раздражают не только татуировки, просто яркие знаки на теле".

Термит открыл сайт магазина одежды: на таких костюмах, как у Артемона, по бокам брюк шла сверкающая неоновая строчка.

"После убийства маньяк все это искромсал".

40. Зомби

За окном очередной промозглый серый день сменился ночью. В оранжевых отсветах фонарей блестел мокрый асфальт и бока старых автомобилей, выстроившихся рядами по обе стороны улицы. Темная сгорбившаяся фигура перебегала от одной машины к другой: наверное, воришка высматривал добычу посущественней.

Термит, рассеянно наблюдая за ним, отхлебнул кофе. Он провел весь день с заметками о маньяке и к вечеру чувствовал себя очень усталым.

Из коридора дома сквозь хлипкую дверь доносились голоса и смех, а последние полчаса - бесконечные "васьки-чи", подростки пытались разыграть бутылку пива в "колодец-ножницы-бумага", но все время перебрасывали.

Под очередное шипящее "чи!", напомнившее о Змее, Термит допил кофе и снова сел за ноутбук. Закрыл все окошки с информацией о маньяке и проверил свою хакерскую программу. Она выдала сообщение о том, что расшифровка внешнего диска завершена. Термит кликнул на его пиктограмму: открылось множество папок. Одна из них была озаглавлена "Мордред".

- Черт!

В папке оказались в основном текстовые файлы: логи переписки через электронную почту и мессенджеры. Отсветы от монитора мелькали на лице Термита, когда он бегло просматривал информацию. По мере прочтения его ругательства становились все грязнее, а увидев последнюю запись, он вскочил на ноги, непроизвольно сжимая кулаки.

"Как? Как и когда они успели спеться? Проклятый синдикат и Мордред работают вместе, и..."

Он посмотрел на часы внизу экрана и стал лихорадочно собираться. Кинул спальник и кое-что из одежды в рюкзак, заполнил несколько шприцов новой матрицей.

"Они собираются провести акцию этой ночью. Знать бы только, что за акцию..."

Послания и разговоры оказались полны шифров и недомолвок: но сейчас расшифровывать детали было некогда. Термит быстро оделся, подхватил рюкзак, сунул в карман пенал

со шприцами и, растолкав подростков, выбежал из дома. Ночь встретила его холодом и ветром.

"Почему они так уверены, что смогут достать меня сегодня ночью? Они расшифровали Ника? Или он сам меня продал? А Мордред, дрянь такая, написал, что уже речь приготовил для трансляции..."

В соседнем дворе на детской площадке собралась толпа громил. Они стояли, прислонившись к "замку" и курили, один качался на скрипучих качелях.

"Это шестерки Ника. Бля!"

Термит пробирался мимо них, держась теней. Дул ледяной ветер, и это стало неплохим поводом, чтобы надеть капюшон и поднять воротник, почти полностью скрыв лицо.

- Гребанные мусора! - донесся голос с площадки.

- Да это не они, а феды.

- Какая разница, все равно падлы, все равно мочить их надо. Хер знает, что они теперь с нашими делают.

- Да и замочим, только Ника подожди.

- На пятнадцать суток... нихуюшечки себе пятнадцать суток... им там небось уже все мозги выжгли, курвы.

Термит невольно остановился, прислушиваясь. Не похоже было, что Ник его предал - в таком случае его головорезы, конечно же, говорили бы об Охотнике. Страх, охвативший его, когда он узнал о планах Мордреда и "Войда", ушел, уступив место любопытству и отчаянному азарту.

"Они все устроили, не подозревая, что я могу узнать об их акции. Кто предупрежден, тот вооружен, и если Ник все еще мой, я с легкостью смогу обставить сегодня и синдикат, и моего хитрожопого противника".

Он потер руки, согреваясь, и подошел к парням:

- Привет! Я друг Никотина. Что-то случилось?

Его смерили угрюмыми взглядами, но ответили:

- Еще бы. Мусора арестовали толпу наших. Вместе с кучей других людей. Не знаю уж, как они рассчитывают запихать всех в КПЗ.

Из неохотных и перемежаемых бранью и угрозами объяснений Термит понял, что этим вечером на проспекте столкнулись две компании: людей из Справедливости и противников коррекции личности. Началась драка и каким-то образом стремительно разрослась, первыми пинками обменялись в полвосьмого у Главпочтамта, а к девяти отдельные группки уже устраивали поножовщину в спальных районах. Примерно после четверти десятого откуда ни возьмись возникли толпы полицейских и бронированные грузовики федералов. Всех, кто

дрался против Справедливости, арестовали за хулиганство на пятнадцать суток, но ходили мрачные слухи, что кое-кому собираются повесить терроризм и ограбление госфургона возле парка.

- А не была ли начальная драка уловкой? - задумчиво сказал Термит. - Ведь ее так оперативно и красиво растиражировали, будто специально хотели натравить людей друг на друга.

- Блин, ты прав, - выплюнутый окурок полетел на землю. - Сучары все подстроили.

- Ничего, счас Ник придет, что-нить решит. Он к главной мусарне поехал разузнать.

- Только бы его там не схапали, ездок, блин.

Но Никотина не арестовали. Он вернулся, огласив двор оглушительным ревом старого мотоцикла. Остановился, завалив машину на бок. Выбираясь из-под навалившейся тяжести, глухо выругался. Никотин ехал без шлема, и его темные влажные волосы слиплись и торчали, как короткие ежовые иглы. Из-под простой черной куртки виднелась белоснежная рубашка.

- Как там? - парни обступили его.

- Хреново, - Никотин обвел их всех взглядом и, заметив Термита, кивнул ему. - Но ничего, скоро мы сделаем так, что хреново будем им, а не нам.

- Ха! Покажем мусорам. И наших надо бы отбить.

Их главарь криво ухмыльнулся:

- Какая-то дура по телеку сказала, что мы, противники Справедливости, устроили сегодня вечером анархию, содом и гоморру. Ну, двух последних я ей не обещаю, а вот первое, пожалуй, будет. Пойдем, Андрей.

Пнув напоследок остов мотодинозавра, он направился в дальний конец двора, к гаражам. Его люди последовали было за ним, но Никотин выразительно покачал головой.

Фонарь у гаражей был разбит, и очертания бетонных коробок скорее угадывались, чем виднелись в темноте.

- Мне нужна твоя помощь, Охотник, - шепотом сказал Ник, когда они отошли достаточно далеко от остальных.

- Я сделаю все, что смогу.

"В конце концов, ты и твои ребята - мои козыри в игре против Мордреда и синдиката".

- У тебя есть дома что-нибудь из твоего зелья? Хоть что-то?

- Есть прямо здесь. И я приготовил внушительную порцию, так на всякий случай.

- Отлично!

- Но действие новое... - Термит рукой нащупал во тьме плечо Ника, притянул союзника к себе и скороговоркой зашептал ему

на ухо.

- Понял. Давай сюда эту дрянь, я буду твоим биореактором.

- Но...

- Смотри.

Тихий щелчок - и в стылом воздухе задрожал огонек зажигалки, как лепесток ромашки на ветру. Никотин сжал левую руку в кулак и поднес к лицу Термита. Тот мгновение помедлил, а потом потянул вниз рукав куртки и рубашки. Запястье плотно облегал массивный браслет из серебристого пластика.

- Инсулиновый браслет, - сказал Термит. - Внутри есть резервуар для препарата и микрошприц, плюс датчики.

- Именно. Мне давно пришла в голову эта идея. Электронику я всю распотрошил и оставил только таймер. Запрограммировал его на инъекцию каждые полчаса.

- В организме все равно будут накапливаться частицы матрицы. Я даже не знаю, к чему это может привести.

- Вот и узнаешь.

- Это может быть опасно для жизни.

- Не более, чем передозировка свинца. Давай быстрее, ребята ждут.

Полуощупью Термит нашел в рюкзаке пенал со шприцами. Никотин светил ему зажигалкой и в то же время заслонял спиной от любопытных, когда иглы, одна за другой, вонзались в серебристое покрытие и пробивали его до полости резервуара.

"Если его схватят, он выдаст меня. Феды узнают мое имя, узнают, как я выгляжу. Возможно, пройдет время, прежде чем они раскопают мою связь с синдикатом, но рано или поздно они раскопают. Это уже не столь важно, время акции приближается. Но мне было бы куда легче, если б феды еще не знали, кто такой Охотник".

Несмотря на все эти мысли, на Термита накатило странное равнодушие к собственной судьбе. Он ничуть не волновался. "Войд" и Мордред кинули ему вызов, и он собирался поднять перчатку, невзирая на доводы благоразумия.

Никотин достал правой рукой телефон и нажал кнопку вызова.

- Подгоняй коней, - сказал он громко, так, что и парни во дворе могли слышать. - На Тимирязевскую, да.

После столь короткого разговора Ник бросил телефон в карман, спустил рукав назад на браслет и достал пачку "Лаки Дог". Термита подмывало задать ему множество вопросов, но он промолчал. Взял предложенную сигарету.

Где-то далеко лаяли собаки. Серая струйка никотинового дымка таяла в ночной темноте, но кончик сигареты все время

горел багровым - даже когда Термит не затягивался, ветер раздувал табак.

"Это неправильно. Еще тогда в университете Тройка говорил, что нет ничего глупее, чем курить на ветру. Потому что тогда сигарета тлеет быстрее, чем успеваешь затягиваться, и, выходит, вместо тебя курит воздух".

Он взял окурок в пальцы, совно свечку, и смотрел, как ветер сдувает с раскаленного кончика частички пепла. Почему-то теперь вспомнив Тройку, Термит почувствовал лишь ностальгическую теплоту. И университет, и комната в заброшенной многоэтажке казались одинаково далекими.

- Вот они, красавцы, - с гордостью произнес Никотин.

Оглушительно ревя и испуская клубы дыма, во двор въехала дюжина колымаг. Даже в темноте их нельзя было бы принять за "красавцев", а, проезжая в круге света под фонарем, они продемонстрировали облупившуюся краску, вмятины на боках, отсутствие стекол и неаэродинамичные формы.

- В каком это смысле красавцы? - пробормотал Термит.

Словно ему в ответ окна авто-зомби ощетинились стволами автоматов.

- Вот в таком, - ответил Никотин.

"Черт, черт, черт! Во что же я ввязался?!"

Термита на мгновение затошнило: он живо представил себе трупы несчастных людей, которые оказались не в том месте не в то время.

"Нет, Ник не настолько глуп, чтобы убивать гражданских. Да и люди не дураки же - одна очередь, и они спрячутся в домах. И теперь мне тем более нужно присоединиться к акции, на случай, если что-то пойдет в дурную сторону".

Никотин распахнул дверцу полуразвалившегося седана и уселся рядом с водителем. Термит забрался на заднее сиденье, примостившись возле продолговатого ящика с оружием и патронами.

- Передай мне пушку, - Ник обернулся. - И себе возьми. Еще там маска есть, надень.

Термит молча протянул ему автомат и положил второй себе на колени. Маска была черной, из синтетической материи - такая же, как у боевиков спецназа. Невольно вспомнился Пейнтбол203 и их отчаянное бегство.

"Будем надеяться, что в этот раз все пойдет по плану, легко и гладко".

Взвизгнув шинами, седан тронулся. Пытаясь выехать со двора, водитель задел боком стену и едва не снес уличный фонарь. Зато на трассе автомобильные скелеты построились

колонной по три в ряд. На дороге, залитой искусственным светом, они выглядели жутко и дико. Исцарапанные, ржавые. На ветру развевались клочья полиэтилена, когда-то затягивавшего окна. Фары казались глазами сонных демонов. Другие машины на встречной полосе едва ли не шарахались, обгонять же "коней" Никотина никто не осмелился.

Колонна плавно дошла до первого перекрестка. Горел запрещающий сигнал светофора, и водители притормозили.

Ник откинулся на спинку сиденья. Переднего стекла у седана не было, и дуло автомата удобно нацелилось вперед.

- Нахер красный!

Светофор прошила короткая очередь. Сигнал погас, вниз посыпались осколки стекла и пластика.

Водитель нажал на газ.

41. Анархия

Свет бил прямо в глаза. Ник мог бы отвернуться, но лишь зло щурился, когда они проезжали мимо фонарей. Раньше он никогда не замечал, что они горят так ярко. Впереди лежал город. Даже не зная карты, ночью легко было узнать, где его центр, - он источал желтоватое сияние, разливающееся по темному ночному небу. Как вонь над трупом, сказал бы Никотин. Он ненавидел этот город. Особенно в такие промозглые ночи, когда холод пронизывает до костей, а ветер дерет кожу, будто наждачкой. Металлический имплант в правой ноге, казалось, превратился в лед и теперь резал плоть острыми гранями изнутри. Втянув воздух сквозь зубы, Ник достал нож левой рукой. Щелк, щелк - почти неуловимые движения пальцев, и лезвие то открывалось, то закрывалось, выписывая синеватый полукруг. Монотонное непрекращающееся действие, как перебирание четок. Оно успокаивало и помогало бороться с болью.

Что-то защекотало подбородок. Никотин безотчетно коснулся его ладонью. На руках его были перчатки из черной синтетической материи, но между вспышками фонарей он разглядел влажное пятно. Облизнулся - во рту стало отдавать солью и железом. Все-таки порезался.

Он осторожно ощупал кончиком языка заостренные зубы - теперь его передние резцы и клыки могли кусать не хуже звериных.

"Ах, как же феды сегодня потанцуют! Эту ночь им не забыть".

Ник осклабился. Прицеливание помогало избавиться от чувств и мыслей, но предвкушение будущей акции, знание того, что и жажда мести, и алчность скоро будут удовлетворены, - это наполняло его радостью. Смех клокотал в нем, как пузырьки газа во взболтанной бутылке шампанского. Боль? Какая боль?!

- Смерть! - закричал он и выпустил очередь, сбив два светофора и камеру, фиксирующую нарушения водителей.

- Лучше будет, если ты попробуешь успокоиться и расслабиться, - тихо сказали сзади. - Так вернее подействует импульс.

- Хорошо. Как скажешь, Охотник.

Ник откинулся на спинку сиденья и продолжил играть с ножом. Щелк, щелк. Он чувствовал себя вполне расслабленным - возможно, отчасти из-за действия матрицы. И ненависть, и боль, и азарт все сильнее смягчались, отступали куда-то в глубь сознания.

"Нужно будет поговорить с Охотником насчет оптовых поставок его матрицы. На этом можно сделать неплохие бабки, не хуже, чем на балалайках".

Рация, установленная над спидометром, вдруг ожила:

- Один, один, прием?! Господа, у вас впереди ментовская застава. Поворачивайте налево.

На крутом повороте машину занесло, она ударилась в стену парикмахерской с такой силой, что оторвало дверцу, у которой сидел Охотник. Сзади послышался отборный мат, но Никотин лишь рассмеялся.

- Жми на газ, мы должны прорваться быстрее, чем они успеют поменять позицию.

Теперь вместо света фонарей по глазам била разноцветная иллюминация дешевых забегаловок и магазинов. Прохожих сдувало с улиц, стоило кому-нибудь из парней выпустить очередную автоматную очередь. Автомобили сворачивали в переулки и прятались во дворах, освобождая дорогу.

- Еще налево и быстро-быстро по Арсенальной! - прокричал голос из рации.

Зомбо-колонна перестроилась и, отчаянно громыхая и снося на своем пути мусорные баки, помчалась вперед. Завизжали шины, железо скрежетнуло по железу, когда они впечатались друг в друга на повороте.

- Жми! - заорал Охотник сзади.

Пули градом застучали по кузовам.

- Ага!

Никотин ухмыльнулся и высунулся из окна. Автомат в его руках строчил ровно и послушно. На асфальте перед отрядом полицейских осталась линия из аккуратных выбоин. Группа ментов - все в черных шлемах и бронежилетах - тут же втянулась назад в проулок.

- Черт, тут как на войне! - выругался Охотник.

Ник упал назад в свое кресло:

- Это и есть война.

- Господа, вы прорвались, - сообщила рация. - От набережной к вам идут наперехват, езжайте кругом через площадь Германа, не сбавляйте скорость. Там на улицах идет знатная драка, так что по пути сможете подстрелить парочку уродов из Справедливости.

Скорость они все-таки немного сбавили: после инцидента с полицией мотор начал подозрительно "чихать". Колонна окончательно разбилась и превратилась в длинную ржавую техно-змею, с шумом и лязгом ползущую по улицам.

Никотин глубоко вдохнул: воздух пах дымом.

- Давно я так не веселился...

Из почти пустынного района они выехали к площади. Там горел костер из кучи рекламных листовок, ветер поднимал вверх пылающую бумагу, гнал ее по асфальту. Экраны бигбордов были разбиты выстрелами. Стены прилежащих к площади магазинчиков и кафе кто-то изукрасил черным граффити: из всех надписей Ник сумел прочитать только "нахрен справедливость".

Его пальцы безотчетно поглаживали приклад.

Автомобиль пересек площадь и выехал на аллею. Ветер кинул в лицо дымную копоть - возле кафе горели мусорные баки. Человек двадцать молча и ожесточенно дрались, перемещаясь между перевернутым контейнерами и изуродованными автомобилями. Почти все использовали дубинки или куски арматуры, взятые рядом из разоренного магазина стройматериалов. Тротуар на аллее был весь усыпан битым стеклом с витрин.

- Притормози, - сказал Никотин. - Я сойду, а вы продолжайте двигаться по плану.

Он взял рацию, спрятал ее в карман куртки и снова высунулся в окно. Пришло время выбрать жертву.

Пули прошили воздух над головами трех человек в офисных костюмах и с ломиками в руках.

- Стоять, сволочи!

"Менеджеры" попятились, бросая оружие. На лацканах их темно-серых плащей светились голографические значки "Справедливой инициативы".

- Я сказал - стоять!

Ник выпрыгнул из затормозившего седана и пружинистой походкой пошел к справедливым. Он улыбнулся им и обрадовался, когда они еще больше после этого побледнели. Ему было хорошо. В этом захваченном хаосом городе он чувствовал себя, как рыба в воде.

- Н-не стреляйте... - пролепетал один из "менеджеров".

- Конечно не буду, - согласился Ник.

Опустив правую руку с автоматом так, что дуло почти касалось земли, он схватил бедолагу за волосы и потянул к себе. Резким движением заставил наклонить голову. На шее "менеджера" билась жилка, билась так сильно, что это было заметно даже в неверном вечернем освещении.

Никотин оскалил зубы, будто пес.

"Кажется, из губы снова потекла кровь. Что ж, тем лучше, Охотник говорил про контакт жидкостей".

Кожа "менеджера" оказалась соленой от пота, а его кровь имела медный привкус. Никотин сплюнул и лизнул напоследок рану, передавая частицы матрицы. Кто-то закричал. Оттолкнув от себя почти безвольное тело, он перешел к следующему поборнику справедливости.

- Что ж вы так орете, придурки, как целки в первую ночь? - прошипел он, впиваясь в руку между большим и указательным пальцем.

Когда Ник оторвался от второй жертвы, третий "менеджер" почти добежал до кафе. На окна заведения были опущены стальные жалюзи, но сейфовую дверь уже успели протаранить автомобилем. Справедливый вытянул на бегу руки, будто пытаясь так приблизить спасительный вход.

- Хочешь попробовать мой ствол? Сглотни это!

Пуля взвизгнула, ударившись о жалюзи. "Менеджер" упал, как подкошенный.

- Как ты думаешь, - сказал Никотин, подходя к лежавшему ничком мужчине, - сколько пуль нужно всадить человеку в задницу, чтобы убить? У некоторых это явно жизненноважный орган, они им и думают, и работу работают...

"Менеджер" закрыл голову дрожащими руками и вжался лицом в асфальт. Его плечи вздрагивали.

- Тихо! Заткнись, не хнычь!

Никотин поднял ствол автомата вверх и прислушался. Отдаленные крики и еще более далекие выстрелы не могли заглушить все приближающийся стрекот.

- Ага, скоро мы приступим ко второй фазе.

- Н-не надо.

- Не о тебе речь.

Присев возле "менеджера" на корточки, Никотин потянул его за руку и быстро провел резцами по запястью. Плюнул на ранку.

Лопасти вертолета стрекотали над головой. Луч прожектора метался, высвечивая улицы и переулки.

"Ну же!"

- Всем! Бросить оружие! Лечь на землю! Повторяю - бросить оружие и лечь на землю! - проорали по мегафону.

Никотин отступил в тень дома, достал левой рукой рацию. В правой он продолжал держать автомат, порой помахивая им, как дубинкой.

Круг света от прожектора пробежал по улице. Задержался на покачивающихся фигурах укушенных, метнулся к горящему мусорному баку.

Рация Никотина выдала порцию помех, потом сквозь них пробился голос: негромкий, со слишком мягкими интонациями, выдающими иностранца. Он медленно и старательно зачитал шифрованное понятие. Ник про себя перевел.

- Да, - сказал он, нажав кнопку передатчика, - можете начинать. И снимите вертушку над Рязанской, она мне мешает.

Отключившись, он скрестил руки на груди и спокойно наблюдал, как в свете прожектора движутся люди. Те, с кем он поделился импульсом, встали у горящих баков в круг и повели хоровод. Подстреленный подполз к магазину, оставляя влажный красный след, привалился к дверям.

Вертолет завис посередине улицы.

- Сейчас, - прошептал Ник.

- Ты - мое счастье, - запел подстреленный, - ты - мой огонь...

Что-то мелькнуло в воздухе, раздался хлопок. Над головой взорвался огненный шар. Пламя и металл рухнули вниз. Детали вертолета заскрежетали по асфальту, пышущая жаром волна подожгла машины и двери офисов.

42. Война

Термит стоял у окна полицейского участка. Оно было разбито, и пахнущий гарью ветер свободно проникал внутрь. За черными профилями домов полыхало зарево.

"Это не должно было так закончиться, не должно было!"

В глубине здания еще слышалась перестрелка, хотя большинство полицейских и федералов скрылись, засев в более удобных для обороны местах.

"Это не просто беспорядки, это нечто большее".

Термит сжал кулаки. На груди у него висел автомат, но стрелять пока пришлось лишь один раз: в щиты заставы, когда их компания прорывалась в участок. Намеки оказались правдой, в этот раз здесь оказалось больше людей из федеральных служб, чем самих полицейских.

"Драка между справедливыми и охотниками была лишь прикрытием. То, что происходит сейчас, - это схватка между торговцами оружием и федералами. Это не моя битва..."

На краю парковочной площадки перед участком появилось несколько людей. Они шли цепочкой, пригибаясь и прячась за остовами разгромленных машин.

Термит взял с подоконника бинокль. Оказалось, что нежданные гости одеты в форму без обозначений, в руке у каждого - пистолет-пулемет. Они медленно продвигались из темных углов к середине парковки, освещенной прожектором, направленным от участка.

"Федералы".

Рявкнул автомат. Из-за отдачи разболелся локоть, но Термит продолжил плавно вести ствол, поливая свинцом всю цепочку. Она распалась. Агенты метнулись назад, слились с тенями в дальнем конце парковки. Кое-кто из них хромал, но лежать под фонарем никто не остался.

"Они в броне, суки. Наверное, разведотряд. Хорошо хоть прожектор нельзя разбить".

Термит сунул бинокль в карман куртки и покинул свой пост, на ходу перезаряжая автомат. В коридоре один из людей Ника клацал клавишами полицейского ноутбука.

- Пора сматываться, - сказал ему Термит. - Феды вот-вот пришлют усиление, пара снайперов нас в момент снимет.

- Угу.

- Ты вообще слышал меня?

Тихая трель телефона прозвучала так неожиданно, что Термит едва не подскочил. Выругавшись, он ответил на вызов: но звонивший долгое время просто тяжело дышал.

- Говорите, мать вашу! Долго мне еще ваши дыхательные упражнения слушать?!

- Андрей, это ты? Я Сектант. Помнишь, у Дмитрича...

- Конечно помню. Какого черта тебе нужно?

- Ты ж подписался под бумагой "Справедливой инициативы"? Сейчас тут какое-то побоище. Мы и эти отморозки... охотники. Возле площади Дентона. Приходи, мы их тесним, но нужны люди!

- Я понял. Хорошо.

Термит завершил звонок и зло швырнул телефон в стену. Компьютерщик поднял голову от экрана:

- Ты чего?

Снаружи грохнуло, лампочки на потолке замигали.

- Так, ничего, - Термит со вздохом подобрал телефон. - Там большая драка на площади Дентона, сорганизуй нашим подкрепление.

- Угу, - пальцы компьютерщика заплясали по клавиатуре. - Иди к Церкви новостей, там мы собираемся перегруппироваться.

С тихим шипением огни в здании участка погасли. Монитор ноутбука продолжал излучать слабый свет.

- Отсюда есть какой-нибудь неочевидный выход?

- Угу, пойдем.

Компьютерщик отшвырнул ноутбук, выхватил пистолет и расстрелял аппарат. В коридоре воцарилась непроглядная темень.

- Черт.

Термит снова достал телефон. Освещая им путь, они прошли по длинной галерее, миновали несколько пустых комнат. Еще одно разбитое окно - прыжок вниз, на крышу припаркованного фургона. Стоянка и федералы остались в стороне, но и справа и слева на улицах раздавались выстрелы.

- Смотри не загнись, - пожелал компьютерщик, прежде чем раствориться в тени.

- Угу.

Термит бросился бежать. Мимо полыхающего мусора и разбитой "лагро", за угол здания. Впереди маячил газетный киоск. Отличное прикрытие, подумал Термит, и в тот же момент оттуда застрочили. Он упал на землю, отчаянно вцепившись в автомат. Оружие ходило ходуном в руках. Термит палил и палил, пока из-за киоска не послышался крик боли. Только тогда он снял палец с гашетки, перекатился в сторону и встал.

Ночное небо расцвело алым от близкого взрыва. Офисная башня на параллельной улице вздрогнула и обрушилась.

Термит быстро огляделся. В багровом свете стала видна узкая арка, заставленная пустыми ящиками и мешками с отходами. Используя автомат как дубинку, Термит расчистил проход и нырнул в узкий проулок. Он крался по изнанке центрального квартала, прислушиваясь к звукам пальбы. Фасады офисов и магазинов выходили на широкие бульвары, задние же двери открывались на узкие темные улицы, куда выставляли мусор и складывали непроданный товар. Светящиеся граффити заливали мрачные проходы мертвенным светом. Ветер гонял взад-вперед рекламные листовки и обрывки старых газет. Бойцов Термит тут не встретил: несколько человек, едва услышав его шаги, метнулись в стороны.

"А еще нужно ждать сюрприза от Мордреда и синдиката... Надеюсь, они не столковались с федералами - это было бы уже слишком".

Обшарпанные стены, покрытые граффити, одинаковые двери и лестницы пожарных выходов. Этот лабиринт темных улиц, казалось, хотел вобрать в себя всех, кто в него случайно заглядывал. Термит двигался, ориентируясь по звукам и вспышкам в небе, но дорога то резко поворачивала, то и вовсе закручивалась назад. Под ногами хлюпала жидкая грязь. Со стен скалились черепа и стилизованные красотки, отражаясь одинаково расплывчатыми пятнами света в лужах.

Термит побежал. Мерно, не слишком быстро. Из-под сапог

разлетались брызги, автомат ритмично бился о грудь.

Впереди послышалась возня, какое-то влажное причмокивание. Темные полосы перечеркнули светящиеся граффити. Клубок теней ворочался посредине прохода.

- Стой! - сам не зная почему, заорал Термит.

Огромная тень распалась на несколько маленьких. Из общего монструозного клубка отделилась гибкая человеческая фигура. Короткий замах - в сторону Термита полетел, вращаясь, продолговатый предмет. Автоматные пули встретили его в воздухе.

Взгляд - краем глаза, понимание - как вспышка взрыва.

Прошитая очередью оторванная рука еще падала, а Термит уже несся вслед за Зверем. Свинец чиркал по стенам и откалывал куски кирпичей.

- Стоооой!

Огнать маньяка он не смог. Остановился в проулке, тяжело дыша.

"На охоту сегодня вышли не только анархисты и люди из Справедливости..."

Держась рукой за стену, Термит вернулся к месту преступления. Крутанул колесико зажигалки. Слабый огонек осветил влажно поблескивающую темную лужу и куски плоти, настолько истерзанные, что на них уже не было страшно смотреть - не верилось, что это когда-то было живым человеком.

Пальцы Термита коснулись темных полос на светящемся графиити. Они пачкались.

"Черт! Это кровь! Как в..."

Вспомнилось задание Джонсмита, отрезанная голова на кухне, алые следы на стенах.

"Неужели это работа синдиката? Они могли бы свести человека с ума и внушить ему желание убивать, это да. Но зачем?"

Термит обтер руку о куртку и попятился назад.

"Жертвы маньяка, почти все, можно связать с синдикатом. Кое-кто был явным врагом, например, Артемон. Другие - вероятно, тоже. А на бомжах отрабатывали стратегию. В итоге получили прекрасного убийцу, контролируемого маньяка. Суки!"

Совсем рядом послышалась автоматная очередь. Термит споткнулся, рефлекторно пригнулся и побежал.

"Ладно. Сначала разберемся с войной".

В конце улицы возвышалась башня в стиле нео-готики, на вид - из чистого серебра. Ее сияющий профиль вырисовывался на фоне темного неба, а слова рекламы отражались на ее поверхности разноцветными пятнами.

Термит задумчиво смотрел на башню, в уголке его рта тлела сигарета. Автомат он держал за ствол, как дубинку: боеприпасы закончились. Все пули были отправлены за Зверем, но, кажется, ни одна так и не достала.

Человек в черной форме играл на гитаре. Он шел зигзагом, от двери к двери, на лице его была улыбка. Пистолет мирно спал в кобуре.

"Черт. Этот импульс задумывался как шутка".

Чувствуя себя почти больным, Термит направился к башне - Церкви новостей, как ее называли. Часть площади перед зданием была заполнена поющими и танцующими людьми. Они прыгали через костер и казались совершенно счастливыми.

"Черт, черт, черт!"

От одной мысли о Никотине с инсулиновым браслетом и заточенными зубами стало тошно.

Чуть поодаль от веселого лагеря расположились приятели Ника и примкнувшие к ним. Азарт и безнаказанность сделали большинство из них почти такими же безумными, как и жертв импульса. Кто-то напевал, кто-то прицельно стрелял по окнам Церкви новостей, оставляя в серебре темные червоточины.

"Они явно не солдаты триад. Почти случайные люди, примкнувшие к заварушке. Такие же, как я".

Термит пробирался между ними. Странно, но в воздухе царила благожелательность. Ему уступали дорогу, а какой-то пожилой мужчина в дубленке спросил, не холодно ли ему, и предложил свой шарф.

"Наверное, для всех нас это один из редких шансов почувствовать себя частью команды".

Возле костра, на котором жарили стыренные в ближайшей продуктовой лавке сардельки, стоял оружейный фургон. В кузове сидел парень очень мрачного вида с пулеметной лентой через грудь и винтовкой на коленях.

- Привет, - сказал Термит, - мне нужны боеприпасы.

Оружейник смерил его взглядом и молча кивнул на ящик с автоматными патронами.

- И... мне бы пригодился пистолет. Если у вас есть.

- Хм.

Парень некоторое время размышлял, потом хлопнул ладонью по открытому кейсу:

- Бери этот. Пижонская модель, даже с целеуказателем. Патроны девятимиллиметровые, сможешь пополнить запас, если грохнешь пару мусоров.

- Спасибо. - Термит перезарядил автомат, а пистолет спрятал во внутренний карман куртки. - Есть какие-то новые приказы?

- Пока нет, но вам всем скоро придется закругляться. Врассыпную и по домам, пока армейские не нагрянули.

- Нам?

- Цивилам. Вы уже сделали свое дело. Дальше - не ваша война.

"Черта с два они пойдут по домам. Скорее, останутся мародерничать и палить по окнам, пока их не снимет пуля профессионала".

Термит отошел в сторону, присел на поваленный столб.

- Привет, красавчик.

- Что?

Он обернулся, машинально вскинув автомат. Аромат терпких и сладких духов на мгновение перебил запах пороха и гари. Пламя костра отразилось в рассыпавшихся по плечам волосах: пряди были золотого и алого цветов, цветов осени.

- Здравствуйте, - наконец, выдавил Термит.

Девушка села рядом. Она выглядела очень юной и свежей, будто только что проснулась. Тонкая куртка с фосфоресцирующими молниями и обтягивающие джинсы обрисовывали ладную фигурку.

- Шла бы ты домой, детка. У тебя хоть оружие есть?

Она приблизила свое лицо к нему и выдохнула, обдав теплым дыханием:

- Есть.

Мягкие губы коснулись губ Термита. Кончик языка игриво прошелся по его зубам.

- Курва!

Термит вскочил, одновременно отталкивая девицу. Паническое озарение разорвалось в мозгу, как граната. Он обвел лагерь взглядом и с ужасом увидел целующиеся пары.

- Нет! Стойте! Это...

- Молчать, - приказала девушка.

Слова застыли в его глотке. Скованный отчаянием, он снова опустился на столб. Сознание раздвоилось. То, что было им, Термитом, ушло на глубину, а всплыло какое-то странное тупое существо, которое только и ждало команды.

Он не знал, сколько прошло времени, прежде чем над головой послышался тяжелый стрекот. Небесное чудовище, бронированный вертолет федералов, медленно плыл между башнями небоскребов. Его прожектора освещали-обнажали город. Когда он обогнул серебряный столп Церкви новостей, в воздухе запели ракеты. Огненные сферы разбухали, пытаясь поглотить вертолет, но он неизменно вылетал из пламени, ничуть не поврежденный.

Бойцы и цивилы на площади задрали головы, рассматривая его. Круг света от центрального прожектора пробежался по их лицам и замер, освещая лишь выложенную "елочкой" брусчатку.

- Охотник! - раздался искаженный усилителем голос. - Охотник, я приказываю тебе выйти в освещенный круг! Повторяю...

Термит вздрогнул. Наконец-то! То, чего он так ждал - ясный приказ. Желание повиноваться чужой воле было удовлетворено. Кто-то знал, что ему надлежит делать. В глубине души что-то орало и билось в бессильной панике - но какое ему теперь дело до этого существа?

Он встал, легким шагом прошел вперед и радостно переступил границу света и тьмы. Прожектор ослепил глаза, из них полились слезы, затуманивая взгляд.

- Охотник! Я сказал - настоящий Охотник! - надрывался голос.

Термит сморгнул влагу и осмотрелся. Рядом с ним стояло несколько человек, а из лагеря анархистов подтягивались остальные.

- Вашу мать! - выругались со стороны Церкви. - Это что, контримпульс? - голос вдруг показался Термиту знакомым. - Отлично, охотнички, слушай мою команду - всем! - бежа-а-ать!

Вертолетчик заорал было что-то в ответ, но тут вся башня Церкви новостей грохнула музыкой. Жарко забили барабаны, завыли электрогитары. Площадь завибрировала от этих звуков, а охотники, повинуясь команде, бросились врассыпную.

Пулеметы вертушки застрочили поверх голов, зашипели газовые бомбы. Ядовитое облако стремительно разворачивалось, накрывая собой всю площадь - но она была уже почти пуста.

43. Поверженный

- Спи, дитя мое, усни, сладкий сон к себе мани...

Женский голос шепотом напевал колыбельную. Ребенок скулил и хныкал, а мать все повторяла монотонно одни и те же слова.

"Я тоже из всех песен помню одни припевы".

Термит закашлялся. Он лежал на чем-то твердом. В горле першило, глаза болели. Почему-то его лицо было мокрым, как и куртка спереди.

- О, задергался!

Послышались шаги, потом звук пощечины. Лишь через несколько мгновений Термит понял, что ударили его. Попытался сгруппироваться, закрыть голову руками. Его поддержали, помогли сесть.

- Что?

Попытка открыть глаза принесла режущую боль. В белесом тумане плавали цветные пятна.

- Термит? Слышишь меня? Термит?

Еще один удар.

- Да. Хватит бить.

- О'кей. Прости.

- Глаза болят.

- Это из-за газа. Я тебе промывал, но можно еще. Ты, заткни своего мальца и помоги!

Пение прекратилось. Пахнуло духами, женская рука убрала прядь волос со лба и густая жидкость заструилась по лицу. Термит держал глаза открытыми. Это оказалось несложно: прохладная влага приятно омывала воспаленные глаза.

- Ну, как теперь?

Вытерев глаза и проморгавшись, Термит вздохнул с облегчением:

- Все отлично.

Рядом стояла женщина в порванном лиловом платье, с всколоченными волосами. В руке у нее была открытая пачка молока. За ней устроился на краешке офисного стола Сеня-биореактор.

- Привет.

Серый осенний свет заливал обычнейшее конторское помещение: кипы бумаг, дешевые компьютеры, ксероксы, принтеры. В кресле у стены сидела девочка лет тринадцати и безуспешно укачивала орущего младенца.

- Спасибо, - Термит благодарно кивнул женщине.

Она слабо улыбнулась и вернулась к ребенку.

- Ты потравился газом, который пустили феды, - объяснил Сеня. - Я подобрал тебя на улице.

- Понятно... А как все наши? Я знаю, что Сектант был на улицах. Он мне звонил.

Сеня пожал плечами:

- Черт его знает. Наверное, подстрелили охотники или федералы. Этот идиот в самую гущу драки лез.

Термит вытер лицо, поднял пакет с молоком и сделал несколько больших глотков. В голове шумело, события ночи казались далекими и нереальными.

"Вот в чем заключался сюрприз синдиката и Мордреда. Они скопировали мою идею. Впрочем..."

- А этот хакер, Мордред, он потом выступил с заявлением? Я слышал, на улицах было много людей под импульсом.

- Нет.

- Ты уверен?

- Ну, я тоже был в центре событий. Думаю, если бы он что-то передал через телевидение или бигборды, я бы услышал. Но он такой же урод, как и Охотник.

"Заявления не было... Из-за того, что план провалился, или просто у Мордреда не было возможности? Например, если он сейчас лежит в реанимационной палате..."

- ...так ты поможешь? - продолжал Сеня.

- Да, конечно, - машинально ответил Термит.

Они спустились на первый этаж офиса. У дверей стояла старая поцарапанная "элегия" с открытым багажником. Улица выглядела пустынной. О массовых беспорядках напоминали только пепел и обрывки горелой бумаги, которые ветер гонял по асфальту.

- Сначала его.

Сеня указал на прислоненный к стене плоский телевизор-проигрыватель. Большой экран, масса примочек, известный производитель.

- Это откуда? - Термит взялся за край.

- У них тут комната для презентаций. Я кое-как до двери доволок, но поднять в машину не вышло - тяжелый черт и громоздкий.

- Мародерничаем, значит.

Сеня лишь что-то невнятно пробубнил.

- Смотри, чтоб не поймали, когда будешь добычу продавать.

- Знаю я, кому толкать, не маленький. А если что - меня депутат отмажет.

- Какой депутат?

- Дядька один. Вытащил его из-под завала ночью.

Покончив с телевизором, Термит вернулся в офис. Хотелось пить. В конце улицы был разгромленный продуктовый магазин, но мародерничать там при свете дня не хотелось.

В зале для презентаций все перевернули вверх дном. Опрокинутый длинный стол лежал на подоконнике, через круглые отверстия в столешнице пробивался свет. Кресла и шкафчики подпирали заграждение. На синем синтетическом ковре сидел человек в костюме служащего и увлеченно работал за ноутбуком. Его лицо выглядело бледным и осунувшимся.

- Джонсмит?!

Термит запнулся о валявшийся на полу системный блок и чуть не упал. Мужчина так и не оторвался от компьютера.

- Черт, Джонни, вот уж не ожидал!

Человек медленно поднял голову.

- Это ты депутат?

- Да, - сухой резкий голос был не похож на обычный голос

Джонсмита. - Что вам угодно?

Термит потер переносицу, подошел к кофейному аппарату и ткнул пальцем в меню. Раздался тихий гул, и в пластиковый стаканчик полились коричневая жидкость. По офису разлился запах паленой резины. Подхватив кофе, Термит отпил глоток, скривился и протянул стаканчик Джонсмиту. Тот взял, поблагодарил кивком и, прихлебывая напиток, снова уткнулся в монитор ноутбука.

- Вот ты где! - в комнату вошел Сеня. - Слушай, я лично собираюсь сматываться. Если хочешь, подвезу тебя.

- Говоришь, из-под завала его вытащил, - Термит смотрел, как координатор пьет кофе. - Его ударило по голове?

- Да вроде нет. На ногу плита упала...

"Это забвение. Синдикат вколол ему импульс забвения. Наверное, из-за того, что он пытался убить Нингена. А тот... да, это он был Мордредом. Все сходится. Жаль только, что теперь его уже не допросить про Зверя".

- Да, поехали. И дай мне телефон, пару звонков сделать надо.

"Нинген всегда мечтал сломать меня. Кто знает, может это он и сделал маньяка для своей корпорации. Сотворил еще одно чудовище. И использовал импульсы, чтобы направить его агрессию на людей с яркими бейджиками и аппликациями на одежде. Таким образом, они могли контролировать убийцу. И сумели подставить Артемона под его удар. И остальных".

Больница была выкрашена в мерзкий желтый цвет, который выглядел особенно жалко под свинцово-серым небом. В городе царило странное затишье. Ни боевиков триад, ни федералов не было видно, охотники и справедливые тоже испарились. Улицы в центре еще хранили следы погромов, но большинство фирм и магазинов уже работали. А по больнице и вовсе нельзя было сказать, что прошедшей ночью неподалеку развернулись почти военные действия.

Термит задрал голову, разглядывая верхние этажи. По его лицу стекали капли дождя.

"Ты проиграл, Мордред... Шах и мат. Шах от Никотина вчера ночью, мат от меня. Сегодня. Сейчас".

Он встряхнул букетом алых роз, который держал в левой руке, а правую положил себе на грудь. Под тканью куртки чувствовалась твердость металла. Мысленно Термит прокрутил последовательность действий: достать пистолет, прицелиться, спустить курок.

"Все пройдет, как по маслу".

Термит передернул плечами: его бил легкий озноб. Слишком долгая бессонная ночь, слишком холодный день. Даже

предстоящее убийство не горячило кровь. Все, что он чувствовал, - грусть. Мордред был призраком, злым духом, неотступно следовавшим за ним, его тенью.

Внутри больница оказалась салатовой, с аляповатыми пятнами репродукций и плакатов на стенах. Термит вежливо навел справки в регистратуре и отправился в путешествие по лабиринту цвета весенней травки. Коридоры петляли и извивались, в лифтах воняло формалином. Пациенты были слишком несчастны, чтобы заговаривать с посторонними, а доктора - слишком торопливы. Дежурный пункт у постреанимационных палат пустовал. Термит равнодушно отметил это удачное совпадение и залез в столь необдуманно оставленный компьютер. А потом, чувствуя себя совершенно разбитым, вошел в дверь с номером 815.

Если раньше киборг Нинген выглядел как человек, то теперь он казался странным симбионтом больничной кровати. Его руки и культи ног покоились на специальных выступах, множество трубочек соединяли резервуары у изголовья с его венами. Рот закрывала кислородная маска.

Бесшумно шагая по кафельному полу, Термит приблизился и заглянул в лицо врагу. Кожа на щеках была красной в тех местах, где коснулась расплавленная пластмасса, в глазницах поблескивало голубоватое желе.

- Нинген? Ты слышишь меня?

После долгого молчания последовал легкий кивок головы.

- Я Термит.

Губы скриптора под кислородной маской разошлись в ухмылке, он что-то прохрипел.

- Я не слышу, что ты говоришь. Я могу снять с тебя эту штуку на минутку?

Нинген кивнул, и Термит осторожно отнял маску от его лица. Он бросил быстрый взгляд на экран, где змеились колебания пульса - они не изменились.

- Надеюсь, это тебе не повредит.

- Нет, - голос скриптора походил на синтетический, которым "разговаривают" компьютеры. - Отлично. Еще бы сигаретку...

Термит рассмеялся:

- Да ты маньяк. Я тебе розы принес.

- На кой? Я ж не баба?

"Я взял четное количество цветков".

- Такова традиция.

- Это ведь ты меня укокнул. По заданию Джонсрата.

- Да.

- Ты пришел завершить начатое?

- Все не так, как ты думаешь. А Джонсмит... его больше не существует. Ему вкололи "забвение", и теперь он всего лишь рядовой клерк в белой бухгалтерии синдиката.

Нинген хрипло хохотнул:

- Какое веселье я пропустил!

- Сегодня в городе почти развязалась гражданская война. Сторонники Охотника и люди из Справедливости стали драться, потом боевики оружейной картели стреляли в федералов. И сам Охотник там был. А умники из "Войда" запустили матрицу, сделанную по его же идее.

- Какое веселье я пропустил.

- Мордред так и не объявился, - Термит сделал паузу, но Нинген молчал. - Восьмой отдел синдиката завершает свою разработку.

- Уже. Та вечеринка, на которой ты меня грохнул, и была устроена, чтобы отпраздновать союз "Войда" и шишек из "Справедливой инициативы", а заодно заключить пару сделок на поставки нового драйвера.

- Драйвера, с помощью которого Охотник будет побежден... Интересно, как он действует, а?

- То, что делал Охотник, - гораздо интересней. Даже жаль, что ему суждено выйти из игры так быстро.

- Делал?

- Теперь с ним покончено. Он уже мертвая фигура.

"Не мертвее тебя, Мордред".

Термит медленно вытащил пистолет. Рукоятка удобно легла в руку, теплая и чуть шероховатая. Точка лазерного прицела алой меткой замерла между глазниц скриптора, наполненных опалесцирующим желе.

- Это Джонни все устроил, да? - прервал тишину Нинген. - Сука. Нанял тебя, хотя всегда тебя ненавидел.

Термит сглотнул и положил пистолет на кровать. Достал из кармана пачку "Даггерз", вытащил сигарету и молча сунул ее между бледных губ скриптора. Щелкнул зажигалкой.

- Спасибо, - Нинген втянул дым.

"Теперь ты понимаешь".

Скриптор шевельнул культей правой руки.

- Я отключил на компьютере возможность сигнализировать от тебя, - Термит равнодушно смотрел, как обрубок давит на кнопку, утопленную в выступе кровати.

- Умно. Ты молодец, - он говорил глухо и медленно из-за торчавшей в зубах сигареты. - Стреляй, я тебе все прощаю за цигарку.

Термит усмехнулся:

- Я и сам такой. Люблю это дело.

- Угу. С детства куришь?

Столбик пепла упал Нинену на подбородок, и Термит осторожно стер его.

- Нет. Я только в университете регулярно начал. А в школе так, по сигаретке в месяц, да и то в старших классах уже. Помню, когда мне было лет тринадцать, один пацан из нашей компании во дворе украл пачку сигарет у какого-то лоха из кармана. Так представь - никто из нас не стал их курить.

- И что вы с ними сделали? Продали?

Термит ухмыльнулся:

- Нет, играли в "хорошего человека". Две спички складываются серными головками друг к другу, оборачиваются папиросной бумагой, которую поджигают так, чтоб тлела. Ну и игроки передают эту штуку друг другу, пока она у кого-то в руках не вспыхнет. У кого загорелось - тот и "хороший человек". Вообще-то, изначально игра называлась "пидор", но никто из нас пидором быть не хотел.

Нинген хрипло рассмеялся, едва не выплюнув чинарик:

- И кто же был "хорошим человеком"?

- Не я.

Термит снова навел на него пистолет. Красная точка спокойно лежала на бледном лбу скриптора.

"У меня и руки не трясутся".

- Тем лучше для тебя, - прошептал Нинген. - Джонсмит, например, был, и ты видел, чем это для него кончилось.

Палец прижал спусковой крючок.

"Мать твою, Мордред!"

- Это ты создал Зверя?

Нинген молчал.

- Ты?

- Нет, конечно же, нет.

На губах скриптора заиграла довольная улыбка. Он чуть выпрямился. Гордо, будто вспомнил свой триумф.

"Сволочь!"

44. Точка

Когда Термит входил в больницу, его бил озноб, когда же выходил - его трясло от жара. Лицо пылало, как в лихорадке, и касания ледяного дождя в этот раз показались прохладными успокаивающими поцелуями. Пистолет упирался ручкой в ребра, и это легкое давление напоминало о случившемся в палате.

Пуля вылетела будто сама, по своей воле. Мгновение - и улыбка Нингена стала белой, замершей, замороженной. Навсегда.

"Одним махом я убил и Морреда, и Зверя. Будем надеяться,

что без импульсов Нингена маньяк продолжать не сможет. Осталось только закончить игру и показать остальным свои карты. У меня должна собраться выигрышная комбинация, должна!"

Термит купил пачку "Даггерз" в киоске и сел на поезд.

Дома, автомобили и прохожие по-прежнему отражались в стеклянных стенах небоскреба "Войда". Здание синдиката не затронули ночные беспорядки. Оно оставалось таким же непоколебимым, как египетские пирамиды.

Термит помахал рукой зеркальному двойнику и вошел внутрь. В поезде он пожалел, что не переложил пистолет в карман, откуда было бы удобнее доставать, но фойе "Войда" выглядело так же спокойно, как и всегда. У лифтов скучали два охранника. Термит прошел между ними, в напряжении ожидая резкого оклика, но его персона никого не заинтересовала. Несмотря на все ночные события, в здании синдиката шел простой будничный день.

Из скриптория доносилось чуть слышное гудение и мерное пощелкивание клавиш. Обычнейшие, скучные звуки.

Термит достал пистолет, снял куртку и повесил ее на руку, скрыв оружие. Заглянул в зал: у компьютеров сидели сотрудники, ни одного из которых он не знал.

- Вам кто-то нужен? - тощий парень с сиреневым ирокезом обернулся к двери.

- Да. Я... со мной раньше работал Нинген, но он в больнице. Мне сказали поговорить с Катей.

- Она в проекторной, - когда скриптор поворачивал голову, его глаза блеснули синим.

"Интересно, качественные у него аугментации, или их тоже можно взорвать микроволновкой?"

Он поправил куртку на руке и отправился в проекторную. Как и всегда, там было темно. Зеленые и золотистые структуры парили в воздухе, медленно оборачиваясь вокруг оси, которая представляла собой застывшую человеческую фигуру. Блики скользили по ее коже и зачесанным назад металлизированным волосам. Термит на миг представил себе обнаженную спину и рой голографических мотыльков над ней. Он сглотнул.

- Здравствуй, Катя.

- Привет, - отозвалась она, не отводя взгляда от огромной сложной модели, похожей на полупрозрачное легкое.

- Я хотел извиниться.

- За что?

- За все, что сделал... за все, что сделаю.

- Сделаешь?

- Мне нужен человек, который провел бы меня по этажам "Войда". В восьмой отдел. Мне придется заставить тебя...

Она резко повернулась. С серег слетели электрические заряды.

- Черта с два!

Термит стряхнул куртку с руки и приставил пистолет ко лбу Кати. Она упрямо выпятила подбородок:

- Ты не выстрелишь. Не сможешь!

- Смогу. Я убил человека, чтобы попасть в синдикат, я выполнял грязную работу для Джонсмита. И именно я подстроил несчастный случай с имплантами Нингена.

"И именно я прикончил его всего лишь час тому назад".

Она побледнела:

- Зачем?!

- Так мне приказали. Солнышко, ты мне нравишься, поэтому будь хорошей девочкой, не заставляй убивать себя.

- У меня все равно нет доступа и паролей к восьмому.

- Ничего, все это есть у меня.

- Синдикат это так просто не оставит. Они убьют тебя!

Термит хмыкнул:

- К тому времени, как они спохватятся, я буду уже в безопасности. Давай, веди!

- Ты трахнутый на голову отмороженный псих!

- Катя...

- Ты не представляешь, что может сделать синдикат! - она почти кричала.

Кровь на зеленых оливках, пропитавшийся алым белый халат...

- Тихо. Прошу тебя.

Катя спрятала лицо в ладонях. Термит слышал, как она отрывисто, громко дышит. Наклонившись, он подобрал куртку и снова спрятал под ней ствол. Обнял девушку левой рукой и зашептал ей в ухо:

- Пожалуйста. Делай, как я говорю. Мне нужно дойти только до входа в их крыло. Синдикат даже не узнает, что ты мне помогла.

"Я надеюсь. Иначе на моей совести будет еще один труп невинного человека. Но остановиться я уже не могу. Не могу!"

Плечи Кати вздрагивали.

- Шевелись! - Термит ткнул ее дулом в спину.

Девушка молча скрестила руки на груди и пошла в сторону лифта. Она не произнесла ни слова все время, пока их мотало в железной коробке по шахтам внутри небоскреба. Иногда она выстукивала последовательности цифр на клавиатуре лифта, и

тогда кабину резко бросало то вниз, то вверх, то в сторону. Когда они остановились, Катя вышла первой. В полутемном коридоре без окон резко пахло апельсинами и чуть слабее - формалином.

- Это здесь?

Она кивнула.

- Вперед, показывай дорогу.

Пол под ногами пружинил, как лесная подстилка из палых листьев и мха. Лампочки под потолком ярко вспыхивали, когда Термит и Катя проходили под ними, и тут же гасли.

"Синдикат экономит электричество. Никогда бы не подумал".

Вскоре они оказались перед утопленной в стену металлической дверью без ручки. На стене слабо светились две опознавательные панели: одна предназначалась для сканирования сетчатки, вторая - для отпечатков пальцев и пробы ДНК.

- Ты не пройдешь, - тихо сказала Катя.

Термит улыбнулся:

- Легко. Нужно лишь сказать магическое слово.

Из кармана джинсов он достал пакетик с двумя кусками прозрачной пленки, крохотным передатчиком и темным волоском. Быстро приклеил пленку на чувствительную часть панелей, приложил к нижней волосок и включил передатчик. Внутри стены что-то щелкнуло.

- Помоги мне. - Термит сунул пистолет за пояс джинсов и, приложив ладони к полотну двери, попытался сдвинуть его в сторону. - Катя?

Он обернулся. Девушка неслась в сторону лифта.

- Стой!

Лампочки загорались и гасли на ее пути.

- Черт! Стой же!

Термит прицелился и выстрелил.

Катя упала. Сверкнули ее серьги, яркий электрический свет отразился в волосах. Лампочка наверху потухла.

- Ты жива?

Алая точка лазера выписывала кривые на стенах. Дрожа, Термит опустил пистолет и побежал к девушке.

- Катя?

Он упал на колени перед безвольным телом. На светло-синем халате расползалось темное пятно. Пуля попала девушке в поясницу и прошла навылет.

"Почему она не двигается? Такая рана не может быть смертельной! Не может!"

Термит склонился к девушке и приставил ухо к ее груди. Сначала он слышал лишь собственный сумасшедший пульс, а

потом уловил тихое, едва заметное сердцебиение - и так и не понял, настоящее ли оно, или это галлюцинация, вызванная отчаянным желанием.

"Я ничем не могу ей помочь. Ей нужен врач".

Вскочив на ноги, Термит кинулся к приоткрытой двери. Протиснулся внутрь и почти сразу столкнулся с лысым мужиком в прожженном химикатами черном халате. Человек попятился, увидев пистолет.

- Стоять! - красная точка легла ему между бровей. - Восьмой отдел?

- Д-да.

- Врачи тут есть? Ну хотя бы биологи?

- Я микробиолог...

- Прекрасно, иди окажи девушке первую помощь. Ну, быстрей!

Лысый кое-как перебрался в коридор, оставив у двери несколько оторвавшихся пуговиц, и присел на пол рядом с девушкой. Термит видел, что микробиолог переворачивает бедняжку и что-то делает с раной.

"Она жива!"

- И вызови ей скорую! - крикнул он и пошел в лабораторию.

Точка прицела скользила впереди него. По гладкой поверхности стены, по покрытым кафелем столам, по бокам стеклянных колб и мензурок. По обтянутым халатами бокам и спинам.

- К стене! - скомандовал Термит.

Он опрокинул штатив с конденсатором: в воздух вырвался едкий темно-желтый дым. Кто-то из ученых вскрикнул. Они все послушно выстроились в ряд у стены с огромной таблицей Менделеева. Термит посмотрел на них и понял, что они поднимут тревогу, едва он выйдет отсюда.

Он закусил губу, задумчиво глядя на людей, застывших между водородом и аргоном. Красная точка металась с одного лба на другой.

"Их нужно убить. Или мне не выбраться из небоскреба".

Термит сморгнул. На мгновение ему показалось, что они смотрят на него светящимися красными глазами, что это они наставили на него лазерные прицелы.

- Мать вашу!

Он отступил, натолкнувшись спиной на стеллаж. Зазвенели, разбиваясь, бутылки. К запахам апельсина и формальдегида примешался аромат озона. Термиту пришлось шагнуть вперед. Он почти чувствовал чужое дыхание на своей коже. Он видел их глаза - не красные прицелы, просто глаза, серые и карие,

смертельно испуганные. Термит навел дуло пистолета на грудь ближайшего, высокого мужчины с плохо сбритой щетиной на подбородке. В голову лезли дурацкие мысли: играет ли бедняга в баскетбол и был ли у него незапланированный секс этим утром.

"Нужно было снять чертов целеуказатель, он только раздражает".

Сам не зная зачем, Термит совместил красную точку с верхней пуговицей, ровно по центру.

- Стреляй уже, сука! - не выдержал мужчина.

Он дернулся, целеуказатель прочертил линию по его груди и остановился на грудном кармане, из которого торчала пачка сигарет. Термит усмехнулся и выдохнул.

- Дай-ка мне.

- Что?

- Сигаретку. Мои в куртке остались.

Ученый достал свои "Гозай" и протянул пачку Термиту. Тот взял ее левой рукой, вытащил зубами сигарету. Наклонился к дрожащему огоньку и едва успел прикурить, прежде чем он погас: у несостоявшейся жертвы слишком сильно дрожали руки.

Термит сунул пачку в карман джинсов, вытянул руку с пистолетом с сторону и выстрелил. Пробитый пулей монитор заискрил. Запахло гарью. Подскочив к столам, Термит вывалил ящики с множеством бумаг и папок.

- Поджечь это все! Быстро! Быстро!

45. Сокровище

Длинные навязчивые гудки сигнализации перемежались с грохотом взрывающейся техники. По полу стлался густой белый дым.

Кашляя, Термит бежал по коридорам и лабораториям, из одной комнаты в другую. Из-за удушья кружилась голова. Левый бок жгло - в одном из складов его обдало волной стеклянных осколков. Точка целеуказателя в дымном воздухе стала узким красным лучом. Кое-где с потолка сыпался белый порошок: включилась система пожаротушения. Где-то далеко трещало радио.

- Черт, где это?

Термит вытер вспотевший лоб рукой с пистолетом. Ему начинало казаться, что он ходит кругами.

- Ах, черт...

Он выматерился и всадил несколько пуль в стоявшие на столах компьютеры.

- Знаете ли вы, что может спасти вас этой осенью? - оптимистично спросило радио.

- Гранатомет?

- Пастилки и капли "Вротонос"!

Термит нецензурно ответил на это рекламное предложение и побрел дальше. Бок понемногу переставал болеть и начинал неметь.

- Позвоните нам, чтобы ответить на вопрос о рок-музыке, и получите скидочный купон на посещение руин известного...

- Вся моя гребаная жизнь - руины.

В вытяжном шкафу стояла заполненная окурками пепельница и зеленая чашка с недопитым кофе. Термит задумчиво взял кофе, сделал глоток. По радио застучали барабаны.

"Нужно просто сосредоточиться, вспомнить, куда я иду..."

Во рту было горько - то ли от крепкого кофе, то ли от ядовитого дыма. Держа чашку в левой руке, Термит вышел в коридор и прислушался. К барабанам добавилась бас-гитара. Ритм продирался сквозь помехи и шипение дешевых колонок.

"Радио я еще не видел, значит, если пойду на звук, по крайней мере перестану кружить".

Он поплелся вперед, отбивая такты стволом пистолета по стене.

- Женя и Оля передают приветы всем водителям катафалков и просят передать им песню "Шоссе в ад".

- Спасибо, девочки... - пробормотал Термит.

Он уже не знал, слышит ли радио, или это звуковые галлюцинации. Пошатываясь, он добрался до конца коридора, где за дверью из полупрозрачного пластика обнаружилась крохотная комнатенка с радио, центрифугой и компьютерным терминалом, а за ней - запертая дверь в холодильник.

Термит отсалютовал пистолетом радиоприемнику и упал на стул. Цифры на экране терминала двоились перед глазами. Надрывно кашляя, он достал из кармана флешку и вставил в один из разъемов компьютера.

- Вот и все...

Вирус Нингена вгрызся в программы "Войда".

- Все.

С потолка посыпались белые хлопья: входя Термит не закрыл дверь и противопожарная система среагировала на дым.

"Как снег".

Он подставил ладонь и задумчиво смотрел на растущую горку порошка. Наконец, замок холодильника клацнул. Термит с трудом отлепился от сидения. В камере с низкой температурой образцы веществ покоились в своего рода сотах. На каждой пробирке - начертанный маркером код.

Быстро просмотрев полки, Термит нашел нужный импульс. Вылил прозрачную жидкость из пробирки в автошприц, а

освободившуюся емкость заполнил одной из своих матриц.

"Все, теперь - рвать когти!"

Он бросился вон из холодильника, захлопнул его дверь, выхватил флешку из разъема терминала и, закрыв нос рукавом, нырнул в заполненный дымом коридор.

Почти сразу же перехватило дыхание, пол закачался под ногами. Термит сунул пистолет за ремень и схватился за стену.

"Только не теперь, когда я в шаге от победы!"

Невзирая на головокружение, он рванулся вперед. Коридор, разгромленная лаборатория, еще коридор.

"Дверь по правую руку, ну же!"

Он бежал, зло ударяя рукой по глухой стене.

"Она должна, должна, должна быть где-то здесь!"

Грязноватый узкий прямоугольник вызвал у него крик восторга. Обойма в замок - и дверь открылась. В задымленный коридор ворвался влажный осенний воздух.

Термит вышел на крышу зиккурата. Где-то кричали люди, с другой стороны здания доносился стрекот вертолета. Город внизу тонул в серой дымке, казалось, что небоскреб "Войда" возносится прямо из моря тумана.

Оскальзываясь на мокрой поверхности, Термит заковылял по крыше. Его мутило. Свежий воздух на вкус был таким же горьким, как ядовитый дым.

"Ничего... немного осталось..."

Шум лопастей приблизился. Из-за угла небоскреба медленно показался вертолет: черный с серебряной полосой и надписью "полиция" на боку. Термит замахал руками, оступился и упал на колени. Но в кабине его уже заметили. Винт заработал мощнее, погнал воздушную волну.

Термит обхватил себя за плечи: от ветра стало холодно. Он дрожал и клацал зубами, когда из подлетевшего вертолета ему сбросили веревочную лестницу.

- Спасибо, Ник...

Веревка оказалась жесткой, а высота - головокружительной. Термит обхватил лестницу руками и ногами, закрыл глаза и не открывал их, пока не услышал гудки машин и гомон людской толпы. Он спрыгнул вниз в каком-то скверике, угодив прямо в клумбу увядающих роз. Вертолет - трофей прошедшей ночи - тут же набрал высоту.

"Никотин планирует продолжение концерта, что ж, тем лучше. Более удобного момента для моего дела не найти".

Термит кое-как отряхнулся. Зашел в маленькое кафе неподалеку, выпил стакан ледяной минеральной воды, съел хот-дог и тут же выблевал все это, после чего почувствовал себя

гораздо лучше. Его уже не бил озноб и почти не тошнило, когда он залезал в такси, хотя водитель все равно посмотрел на него подозрительно.

- Центральный банк, - сказал Термит, протягивая пачку купюр.

Таксист молча взял деньги. Он не произнес и слова, даже когда странный клиент достал шприц и долго целился себе в вену.

Здание центрального банка было похоже на спящего левиафана. В плавных изгибах этой громады чудилось что-то морское, а сверкающий огромный логотип казался огненной пастью.

Такси остановилась напротив стеклянных дверей. Пассажир выбрался на улицу, огляделся и шагнул к банку.

- Привет! Михаил, сколько зим!

Термит широко улыбнулся, подходя к курившим у входа охранникам, и порывисто пожал им обоим руки.

- Вы ошиб...

Один из них заговорил, но тут же осекся. Тупо уставился на окровавленные пальцы.

- Прикройте меня, - приказал Термит, отшвыривая заляпанное красным лезвие.

Они вошли втроем в зал банка, сверкающий зеркалами и хромом. Котировки валют и акций горели на экранах под потолком и отражались в полированном мраморе пола. Клиенты сидели на диванчиках в ожидании своей очереди, тихо переговаривались и ели дармовые конфеты.

Термит чинно прошел вперед, взял зеленый леденец из вазочки и уверенным шагом направился к служебной двери в углу зала.

- Вы куда? - цокая каблучками, к нему подбежала служащая в перламутровой переливающейся блузке.

Мятный вкус был настолько сильным, что от конфеты перехватило дыхание. Термит скомкал шуршащий фантик и бросил его на пол.

- Я по делу. Какая чудная ткань и как подходит к вашим глазам!

Он поцеловал ее руку, проведя языком по едва заметной розовой царапинке на пальце. Женщина вздрогнула, выдернула ладонь, но тут же расслабилась.

- Да, конечно, - пробормотала она.

- У вас есть ключи? Откройте мне.

Уже вчетвером они вошли в служебные помещения банка. Здесь было меньше зеркал и камня, но больше пластика и

металла. Под потолком мерцали объективы камер. В конце коридора располагалось несколько лифтов. Три были обычными, шахты же четвертого закрывалась винтажной кованой решеткой.

- Мне нужно в пентхауз, - сказал Термит.

Служащая вставила ключ в отверстие рядом с четвертым лифтом и повернула. За решеткой послышалось приглушенное гудение, когда оно стихло, кованые створки сами собой распахнулись, открыв роскошную кабину, отделанную дубовыми панелями.

- Черт, я бы и пожить тут не отказался, - пробормотал Термит, ступая на мягкий ковер.

- Да-а, - протянул один из охранников, усаживаясь на кожаный диванчик.

Глаза марионеток были неестественно блестящими, а движения - слишком медленными.

"Этот импульс долго не продержится".

Термит взял изрезанными лезвием пальцами окровавленную руку охранника и еще раз прижал рану к ране. Повторил то же самое со вторым и повернулся к женщине: она в страхе прижалась к противоположной стене лифта.

"Черт! У нее уже пробивается ужас через директиву подчинения. Так я и знал, что сознание будет сопротивляться такому импульсу".

- Родная? Ты боишься меня?

- Кровь...

- Только несколько капель. В этом нет ничего страшного.

- Я не хочу!

- Я и не собираюсь резать тебя.

- Правда?

- Да, - раздраженно ответил он и поцеловал женщину в губы.

Она обвила руками его шею, и Термиту пришлось силком разрывать ее объятия, когда тихая трель сообщила о том, что лифт приехал.

Пентхауз был залит солнечным светом - фальшивым светом, поскольку тот день выдался пасмурным и серым. Но тут капризы погоды никого не волновали. Лампы под потолком и растения в кадках создавали иллюзию летнего полдня. Пахло землей, цветами и морем.

Термит достал из кармана новое лезвие и спрятал его между пальцев правой руки.

- Где шеф-то?

- Сегодня есть только зам.

- Сгодится.

Они прошли мимо композиции из лилий и мелких красных

роз и оказались перед пустым и полутемным залом конференций. Поверхность огромного полированного стола казалась темным омутом. Цветов тут не было, но сквозь открытые двери проникал их сладкий, тяжелый аромат.

Термит и его марионетки пересекли зал. Прицелы на карабинах охранников фосфоресцировали, как кошачьи глаза.

- У меня нет ключа в кабинет...

- Ничего.

Рявкнула короткая очередь. Пули пробили замок, из круглых дыр вырвались лучики света. Внутри кто-то коротко взвизгнул.

Термит распахнул дверь ударом ноги и ворвался в минималистично, но дорого обставленный кабинет. Худой человек в официальном костюме безуспешно пытался выбраться из-за стола. Бестолково размахивая руками, он столкнул на пол ноутбук и кипу испещренных цифрами бумаг.

- Спокойно.

Термит схватил банкира за запястье. Белоснежные манжеты окропило кровью, но человек перестал дергаться.

- Тихо.

Бедняга расслабленно опустился на эргономическое кресло.

- Ты уже вызвал полицию, да?

Чуть заторможенный слабый кивок.

- Позвони им и скажи, что произошла ошибка. И открой хранилище.

- Через компьютер я могу отпереть только внешнюю оболочку. Для внутренней нужно мое ДНК.

- Хорошо, значит, пойдешь с нами.

Банкир безвольно кивнул. Термит сунул в рот сигарету, но зажигать на всякий случай не стал. Он стоял, покусывая фильтр, и наблюдал за действиями марионетки, изредка давая отрывистые указания. Почему-то эта механическая покорность, с которой исполнялись его приказы, угнетала его.

Убедившись, что сигнализация отключена, а двери к хранилищу открыты, он снова загнал своих подопечных в лифт.

Мария стояла перед зеркальной стеной и красила губы помадой цвета спелого персика. Ее ждало важное дело, но не поправить макияж было невозможно. Последний поцелуй оказался слишком крепким и сильным, с резким мятным вкусом. Она глубоко вздохнула, вспоминая. Не просто поцелуй, а нечто большее. Магический ритуал, наполнивший ее знанием, открывший ей сокровенную тайну. Теперь она понимала, что не одна, что она, Мария, лишь часть чего-то огромного. И когда тихий голос из центра их сплавившихся воедино душ приказал ей сделать кое-что, она с радостью поспешила взяться за работу.

Подарив своему отражению воздушный поцелуй, женщина, звонко цокая каблуками, поспешила выйти из зала. Ледяной ветер тут же вцепился ей в волосы, а тонкая блузка плотно облепила кожу. Но все это было неважно.

Обежав вокруг здания банка, женщина набрала код на гаражных дверях. Обогнула ряды легковушек и остановилась перед инкассаторским фургоном. Эта машина принадлежала банку и маскировки ради была выкрашена в легкомысленный розовый цвет, с зеркала внутри салона свисали разноцветные бусы. С первого взгляда никто бы и не догадался, что кузов бронированный, а двери запираются не хуже сейфовых.

Вместо замка у фургона имелась панель для распознавания папиллярных узоров и компьютерный разъем. Женщина быстро вставила флешку. Щелчок - и водительская дверь приоткрылась, а на приборной панели зажглись датчики.

- Я еду!

Забравшись в салон, женщина вывела машину из гаража и остановила ее у одного из неприметных пожарных выходов, как правило, всегда запертых. Долго ждать не пришлось.

46. Кровь

Марионетки проворно складывали груз в инкассаторский фургон. Термит стоял, опершись на стену: он чувствовал себя очень уставшим и очень счастливым.

"Я выиграл, черт возьми! Я выиграл!"

Банкир все чаще оглядывался, его взгляд становился более осмысленным: действие импульса слабело. Термит на всякий случай направил на него пистолет.

"Импульс подавления воли - дерьмо, действует слишком мало времени. Впрочем, плевать. Дело сделано!"

Убедившись, что все погружено, он сам закрыл хитрый замок. Банкир и охранники отступили в сторону, только служащая по-прежнему преданно заглядывала в глаза. Термит рывком открыл дверцу автомобиля и вскочил на водительское сиденье. Пробарабанил пальцами по рулю.

- Я с вами?.. - женщина в перламутровой блузке тронула его за плечо.

- Иди ближе, помоги мне.

Он достал из кармана куртки заполненный автошприц и тонкий резиновый жгут. Закатал рукав левой руки и приказал марионетке перетянуть вену. Игла хищно вонзилась в плоть, нано-структуры матрицы смешались с кровью. Термита затошнило. Он согнулся, упершись лбом в руль.

"Черт! Кажется, две моих матрицы подряд - это слишком".

- Вы в порядке?

Он с трудом выпрямился и кивнул:

- Да. Прощай. Прости меня.

Автомобиль взвизгнул шинами, когда Термит нажал на газ. Охранники вздрогнули, а один, опомнившись, выстрелил по колесам.

- Они же бронированные, болван! - Термит швырнул пустой шприц в окно и выехал на оживленную улицу.

На перекрестке стояла Линда Берри. Ее длинные ногти сверкали, как кинжалы, когда она убирала за ухо прядь волос, легкое белое платье обрисовывало контуры тела. Она задумчиво и сладострастно жевала резинку.

- Черт!

Термит резко затормозил. Фургон пошел юзом, едва не завалился на бок и все-таки врезался бампером в пышную грудь красотки. Линда, высовываясь из-под капота надула пузырь. Вокруг оглушительно загудели автомобили.

- Гребаная галлюцинация.

Закрыв уши руками, Термит сморгнул. Киноактриса исчезла.

"Это все из-за двух матриц".

- Придурок, ты вообще поедешь? - ругнулся в открытое окно водитель остановившейся рядом "лагро".

- Угу.

Термит достал из кармана куртки несколько дартсов и воткнул себе в левую руку. Боли он не ощутил, но вытащив первую стрелку с удовлетворением заметил окровавленный кончик.

- Ты! Урод!

Водитель "лагро" снова нажал на клаксон. Дротик со свистом рассек воздух и вонзился в плечо бедняги.

Розовый фургон несся по улицам города, сопровождаемый кортежем из дюжины разномастных автомобилей. Несколько полицейских машин попытались перекрыть ему дорогу: но инкассаторская броня оказалась крепче пуль, а скорость преступника позволила ему легко разметать заставу.

За рекой, над парком Пожарского, стояло кровавое зарево. Несколько вертолетов зависли возле Петли, не решаясь приблизиться к месту сражения. Один из них, получив новые указания, полетел наперерез розовому инкассаторскому фургону. Но автомобиль и его свита уже выехали из делового района и стремительно приближались к речным докам. Узкие улицы, заставленные ящиками и мусорными баками, не стали препятствием для утяжеленной бронированной машины.

Фургон нарезал круг за кругом в лабиринте из сараев, лодочных ангаров и старых блочных домов. Его спутники то

теряли его, то вновь находили. Несколько полицейских экипажей увязли в проулках и заставленных рухлядью дворах. За грязными стеклами окон маячили людские лица: жители трущоб весьма обрадовались нежданному развлечению.

Заляпанные граффити рекламные щиты на набережной начали мигать. Один за другим они темнели и вместо цветастых образов курящих, жующих, танцующих актрис показывали черный экран с белой надписью "Мордред следит за тобой". За миг до этого на мониторах вспыхивала строчка мелким шрифтом. Порой ее нельзя было увидеть из-за помех, да и оставалась она слишком недолго, чтобы можно было с удобством прочитать. Розовый фургон медленно проехал по заваленной обломками лодок набережной. В ветровом стекле отражались послания Мордреда.

- Курррра! - прорычал Термит.

Его глотка пересохла, и крик вышел почти болезненным.

- Грасса, грасса, грасса, - произнес он одними губами.

Перед глазами плавали желтые пятна, виски ломило от боли, а он еще и еще раз бил кулаками по рулю. Ненависть была такой сильной, что Термит едва мог дышать.

"Нет, нет, не может быть!"

Он проехал еще несколько метров, вглядываясь в рекламный щит, где таяла раскинувшаяся на пшеничном поле девушка. В те несколько секунд, когда ее изображение уже исчезло, а фраза Мордреда еще не появилась, на краткий миг появилась надпись "Grassa-Grassa".

- С-сука!

"Это моя фраза и моя программа. Тогда, в универе, я собрал пакет хакерских программ и в некоторые из любопытства залез. Наверное, прикола ради и добавил эту строчку, которая должна выводиться на экран после завершения взлома. Какой же я был идиот! Я дал эту гребаную программу своему гребаному другу. Чтобы потом мой же софт использовали против меня!"

Послышалась приближающаяся полицейская сирена. Термит заставил себя глубоко вдохнуть и нажал на газ. Фургон тронулся, снес рекламный щит с призванием Мордреда и врезался в дощатый сарай.

Термит зарычал, дал задний ход и, разогнавшись, протаранил строение. Проехав через дворик, перетянутый веревками с выстиранными простынями и рубашками, автомобиль оказался на узкой улице, ведущей к реке.

Звук колоколов сначала показался Термиту очередной галлюцинацией, но потом он сообразил, что это звонит телефон. Он достал мобильник левой рукой, правой продолжая рулить.

- Да?

- Это я, Котов.

"Здравствуй, друг. Ты же не хочешь сказать, что..."

- Что случилось?

- Все нормально. Просто у меня возникло срочное дело. Я сбежал из "Войда", но оказалось, что из-за беспорядков некому присмотреть за Дарой.

- Вот как. А где у тебя дела? У меня есть тачка, могу подвезти.

Котов замялся:

- Это... это у реки, в районе доков. Но не надо меня везти, это может быть опасным. Просто позаботься о Даре. Сможешь?

- Я же твой друг. Куда ехать?

- Мы в бакалейном магазинчике на улице Героев.

- Отлично. Жди, я скоро буду.

Он выключил телефон, бросил его на сиденье рядом и рассмеялся.

"Как вовремя, Мордред, как вовремя..."

Вытаскивать пистолет из-за ремня левой рукой было неудобно, но Термит достал оружие. Перезарядил и положил рядом с телефоном.

"О твоей дочери я позабочусь, будь уверен. Денег хватит на лучшее образование для нее и хороший пансионат. И даже на психолога... ей понадобится специалист, когда я прострелю твою гребаную голову".

Улица была такой узкой, что походила на туннель. Стены домов по обе стороны были покрыты красноватыми потеками. А впереди стоял Тройка - точнее, пятеро его двойников, ухмыляющиеся, они опирались на автомобиль, перегородивший проход.

- Нахер тебя, Тройка! - заорал Термит и прибавил скорости.

Бок фургона чиркнул по стене, боковое зеркало сорвалось и ударилось об окно. Разноцветные бусы в салоне крутанулись и хлестнули по лицу.

- Дьявол!

В последний момент мираж рассеялся, и Термит увидел разбегающихся полицейских. Фургон со скрежетом налетел на полицейский экипаж. Ветровое стекло треснуло. Кто-то матерился, кто-то стрелял. Пули взвизгивали, отскакивая от брони, но одна проделала идеально круглое отверстие в боковом окне и сбило бусы. Яркие деревянные шарики дождем посыпались на приборную панель.

Термит продолжал давить на акселератор. Фургон сдвинул машину полицейских и протолкал ее три метра: пока сбоку не открылся двор.

Яркая вспышка впереди ослепила. Стеклянная крошка ужалила лицо. Что-то взорвалось сзади и сбоку, металл скрежетал о металл.

Вывернув руль, Термит поехал по памяти, часто моргая больными глазами. Зрение вернулось, когда он уже пересек двор. Вместо ветрового стекла была пустота, на капоте темнело пятно. Сзади горела полицейская машина.

"Наверное, они швырнули в меня гранату. Идиоты. Я уже выиграл!"

Фургон свернул в проулок и, все ускоряясь, покатил из района доков в сторону парка. Поначалу его преследовало несколько полицейских. Термит занервничал, когда откуда ни возьмись показались перехватчики на мотоциклах, но они проследовали за ним на расстоянии и скоро отстали.

"Все правильно, наверняка к парку уже стянулся спецназ и военные, вот менты, видимо, надеются, что они и меня заодно арестуют. В очередной раз спасибо Нику и его команде психов".

Улицы были пусты. Пролетев несколько перекрестков на красный, Термит сбросил скорость. Держа руль левой рукой, правой он потянулся за пистолетом. Экран телефона слабо мерцал.

"Непринятый вызов, наверное, звонили, когда я почти застрял. Или новое смс. Не важно".

Розовый фургон резко затормозил возле бакалейного магазинчика. На витрине серебром сверкала надпись: "все нужные вам товары, плюс чай с кексом, плюс комната для детей".

Термит вывалился из фургона. Сунул в рот китайскую сигарету, прикурил. Левой рукой делать это было немного неудобно, но в правой он держал пистолет.

"Ну вот и все. Конец игры Охотника и конец Мордреда".

Ветер гнал по земле сухие листья и конфетные фантики. Обклеенная афишами и рекламой дверь магазина заскрипела, когда Термит открыл ее.

"Вот и все, сволочь".

Перед глазами встало видение уродливого кровавого цветка, распустившегося на месте головы Тройки. Лохмотья плоти, как чудовищные лепестки, густая алая кровь, толчками выливающаяся из ран.

Термит протер глаза и оперся о прилавок. Стало лучше, но не намного. Светлый кафельный пол между стеллажами был весь в красных пятнах. Чуть дальше от входа попкорн вывалился из пачки прямо в лужу крови.

- Гребаная матрица.

Дородный мужчина и седоволосая женщина лежали,

опершись на автомат с шоколадками. Казалось, что их лица покрыты ярко-малиновой глазурью, но раны на шеях выглядели почти черными.

Термит, постукивая пистолетом по бедру подошел к двум призракам. Присел рядом с ними на корточки.

"Проклятые галлюцинации. Скоро здесь будет настоящая кровь".

Он провел указательным пальцем по щеке женщины, оставляя белую полосу в красном. Ощущение чужой кожи оказалось поразительно реальным. Термит втянул в легкие горький дым и встал, брезгливо вытирая руку об автомат со сладостями.

Под свисающей с потолка табличкой "впереди - детская комната" лежал Котов. Он свернулся калачиком, прикрывая руками лицо, но было видно, что его пальцы покрыты красным, как и щеки, и подбородок. В стороне валялся мобильный телефон.

Термит прицелился в голову друга. Точка целеуказателя заплясала на виске. Мыслей не было - только обжигающая ненависть и затаенный страх.

Грянул выстрел, но пуля лишь разбила в крошку керамическую плитку на полу.

Опустив руку с оружием, Термит поднял телефон. Последнее сообщение было выслано семнадцать минут тому назад.

"Не приезжай, мне плохо, останусь дома, сам возьму Дару".

- Плохо.

Он положил пистолет на прилавок.

"Стало плохо, после того как пропустил сеанс в скриптории синдиката. А прошлый раз, когда ты, по моему совету, не пришел за новой порцией их импульса - тогда Зверь словно взбесился".

Склонился над Котовым и попытался нащупать пульс на его шее - сердцебиение было слабым, но оно было.

"Нинген был кукловодом, а тот, кто испытывал его импульсы... Как же я раньше не подумал!"

Отвел руки друга и ощупал его лицо - ран не оказалось.

"Кровь не его. Наверное, ему нужно всего лишь отдохнуть. И он опять будет скромным работником, любящим отцом, заигравшимся хакером... Дара!"

Термит вскочил на ноги и кинулся в комнату для детей. Его почти ослепило буйство ярких красок и почти оглушила веселая мелодия. На большом экране, окруженном аляповатыми пластиковыми цветами, шел мультфильм. По полу было разбросано множество пестрых мягких подушек и плюшевых зверей. Дара соорудила себе гнездо из шалей и медвежат. Обернувшись, она приветственно помахала рукой.

- Иди сюда, крошка, - шепотом сказал Термит.

- Что там шумело?

- Домовые подрались, - он взял ее на руки. - Знаешь, у меня для тебя сюрприз!

- Какой?!

- Не скажу. Закрой глаза и не открывай, пока я не разрешу. А там увидишь. Только не подглядывай!

- Идет.

Прижав голову девочки к своей груди, чтобы заслонить малышке обзор, если она вдруг вздумает нарушить обещание, Термит вышел из комнаты.

"Да, здорово повеселился твой папа..."

Ботинки скользили на залитом кровью полу. Безвольное тело Котова лежало прямо на проходе, пришлось через него перешагнуть. В магазине пахло сыростью и медью: Термит понял это, только когда толкнул плечом дверь и выбрался на улицу. Холодный осенний ветер был чист, как память осужденного.

- Смотри.

Дара открыла глаза и захлопала в ладоши:

- Машинка! Мы поедем на машине?

- Да. Забирайся внутрь, а я схожу за твоим папой. Он там, кажется, заснул.

Девочка быстро залезла в инкассаторский фургон, а Термит вернулся в магазин.

Теперь запах крови казался особенно резким. Над кассой мерцали зеленые цифры электронных часов, упорно пытаясь и дальше отсчитывать время, которое уже вышло для всех, находившихся внутри. На прилавке мирно лежал пистолет.

Термит поднял оружие. Оно легко и удобно легло в руку. Точка целеуказателя скользнула по стене, по часам, по витрине с пакетиками растворимого кофе и чипсов, по забрызганному красненьким кафелю... Остановилась на лбу Котова.

"Охотник убивает Зверя... которого сам же и создал. Это я упросил его подменить меня в опытах Нингена, и вот чем это кончилось".

Ненависть к Мордреду ушла, осталось лишь странное чувство, будто что-то выгорело внутри. Термит устало вздохнул и сунул пистолет за ремень.

"Вот вам и растроение личности. Они расщепили сознание Котова и получили идеального убийцу - жестокого, сильного и бесстрашного. И наверняка поставили триггер. Если бы полицейские что-то заподозрили и взялись допрашивать Котова об убийствах, у него в мозгах щелкнул бы переключатель, и злое альтер эго навсегда бы поглотило его личность. И никто бы никогда не связал преступления с "Войдом". Хорошо, что я успел

грохнуть Нингена! Это был его проект, а Джонсмит, каким бы мерзким хлыщом он ни был, пытался остановить зло".

- Иди сюда, зверюга...

Некогда розовый, а теперь покореженный, поцарапанный пулями инкассаторский фургон сорвался со стоянки возле магазина и, петляя, поехал к набережной. Со всех сторон стягивались полицейские экипажи, как муравьи на кусочек сахара. От парка Пожарского наперехват беглецу отправился вертолет и парочка бронетранспортеров.

Пролетев зигзагом несколько улиц, фургон затормозил у реки. Липы, еще сохранившие свой золотой наряд, скрыли от посторонних глаз высадившуюся парочку. Один мужчина осторожно выволок другого и прислонил его к стволу дерева. Девочка в небесно-голубой куртке присела рядом и стала вытирать концом шарфика запачканное красным лицо.

Фургон снова тронулся. Он резко развернулся и помчался навстречу сиренам по набережной. Скелеты ангелов провожали его пустыми глазницами.

47. Судья

Евгений Дмитриевич невидящим взглядом смотрел на ветровое стекло. Снежинки покрывали его тонкой серебряной сетью, чтобы тут же быть стертыми стеклоочистителями. Снаружи на черных обезлиственных деревьях сияли гирлянды из разноцветных лампочек, мягко светились окна кафе и офисов. Даже хмурое серое небо не могло убить ощущение надвигающегося праздника.

Личный водитель и заодно охранник Евгения Дмитриевича протянул руку и погромче включил радио. После краткого прогноза погоды - снегопад и мороз - заиграла музыка. Водитель остановил "касатку" на светофоре, его пальцы выбивали ритм по рулю.

Перед машиной прошли две школьницы: одна надувала пузырь из кислотно-зеленой жвачки, вторая - из розовой. Евгений Дмитриевич машинально улыбнулся. Он даже тихонько подпевал. Но если бы его сейчас спросили, он бы сказал, что понятия не имеет, в каком районе находится автомобиль и какая песня играет по радио. В его голове сейчас теснились факты из протоколов и стенограмм дознаний, образы с фотографий и записей камер слежения.

Предстоящий процесс обещал быть громким, пожалуй, одним из самых громких за последние годы. Суд над человеком, который якобы изобрел матрицу для контролирования действий других людей. В прессе считали также, что он может быть причастен и к убийствам Зверя, и к волне анархии, вылившейся почти в

вооруженный конфликт. Но в ходе следствия связи между подсудимым и этими событиями установлено не было. Хотя жуткие убийства с расчленением прекратились вскоре после того, как взяли Охотника, а зачинщики массовых беспорядков, переросших почти в войну, исчезли, будто под землю провалились.

Когда "касатка" свернула на улицу, где располагалось здание суда, Евгений Дмитриевич прикрыл глаза. На обочине стояли активисты с плакатами и призывами к смертной казни. Он не хотел этого видеть. Процесс еще не начался, но судья уже знал - это будет тяжелая битва. Накануне он даже отключил телефон после пары звонков из федеральной службы и с телевидения. Скорее всего, парень действительно виновен, и в таком случае, он получит по заслугам. Но превратить процесс в фарс на потеху публике - ну уж нет!

Судья сжал кулак.

- Приехали, Евгений Дмитриевич, - в отличие от судьи водитель с интересом рассматривал активистов и даже попытался скорчить рожу журналисту с камерой.

Перед широкими дверьми дворца правосудия толпились репортеры, юркие и бесцеремонные, как саранча.

- Трогай! Ко второму входу.

Водитель усмехнулся и заставил машину резко сорваться с места, вызвав недовольный гул журналистов. "Касатка" ловко объехала припаркованные автомобили, круто повернула и после парочки виражей затормозила у невзрачной боковой двери. Акул пера там не оказалось, и судья поспешил выбраться из салона.

Морозный воздух был почти сладким на вкус. Евгений Дмитриевич глубоко вдохнул, думая, что к вечеру, наверное, навалит сугробы по колено. Топая ногами по расчищенному асфальту, он поспешил к двери, но тут откуда ни возьмись на тротуар выехал очень старый мотоцикл. Ржавчина осыпалась с него красно-коричневой крошкой, а из выхлопной трубы вырывался черный едкий дым.

Судья закашлялся. Водитель-охранник шагнул вперед, заслоняя его.

- Здравствуйте, Евгений Дмитриевич, - сказал звонкий женский голос. - Не бойтесь, я не из репортеров. Просто я тоже юрист и восхищаюсь вашими делами.

Мотоциклист снял шлем и оказался молодой женщиной. Она помотала головой, чтобы волосы легли красивее, и улыбнулась. Евгений Дмитриевич подумал, что она очень милая, и одобрительно кивнул.

- Простите, что вас испугала. Я сейчас же уйду, не стану вам

мешать.

- Да ничего.

- Правда?

Каким-то образом она просочилась мимо охранника и взяла судью за руку. Он хотел уже сказать, что ценит ее внимание, но должен идти в зал суда, когда женщина порывисто прижалась губами к его губам.

От нее пахло дымом и горечью.

Охранник протянул руку к плечу "поклонницы". От его прикосновения она мгновенно отскочила в сторону. Судья машинально вытер рот ладонью. Он не ожидал такого страстного поцелуя от незнакомки. Подумалось, что она, наверное, все-таки журналистка. Но женщина, не говоря ни слова, склонилась над своим дряхлым железным конем. Ее обтянутая черным фигура казалась почти надломленной.

Евгений Дмитриевич тоже молча развернулся и нырнул в теплое помещение суда. Странный случай был отложен в дальний уголок сознания: теперь все помыслы судьи сконцентрировались на процессе. Он наметил возможные сложности и сделал самому себе мысленные пометки, на что стоит обратить особое внимание.

Огромный зал заседаний был полон. Журналисты, политики и активисты "Справедливой инициативы" расселись по местам, тихо переговариваясь, как в театре перед началом представления.

- Встать, суд идет!

Евгений Дмитриевич прошел к своему креслу мерным, торжественным шагом. Когда-то, много лет тому назад, он репетировал эту походку перед зеркалом. Как и интонацию судебных формулировок. Теперь все это получалось механически.

Подсудимого провели в зал под надзором боевиков спецназа с автоматами наизготовку. Его заперли в боксе из пуленепробиваемого стекла, но даже там не сняли наручники. Евгений Дмитриевич встретился с Охотником взглядами и вздрогнул. Его захлестнула едкая, тягучая ненависть. Он вдруг сразу явно и окончательно понял - этот человек виновен, он преступник и негодяй. Недавние попытки отнестись к делу максимально объективно и отстраненно показались наивными. Этот человек заслуживал наказания, самого сурового. Возможно, даже такого, которые уже не практикуются в цивилизованном мире.

Судье вдруг вспомнилась давняя поездка в Ноттингем, где он, тогда еще почти мальчишка, дурачился в музее Палат Правосудия. Где-то валялось фото, на котором он в криво надетом парике машет огромным мечом с судейской кафедры. Тогда средневековые законы показались ему дикими, их

направленность на презумпцию вины угнетала, а казни поражали своей жестокостью. Теперь же Евгений Дмитриевич пожалел о прекрасных палатах, где преступника могли судить, приговорить и казнить - все в одном и том же здании. Зверю - зверево.

Началось слушание. С каждым документом, с каждым опросом свидетеля, судья уверялся в своем решении. Охотник надругался над самым сокровенным - душами людей. И даже не всегда ради выгоды, иногда лишь шутки для. Перед глазами все четче проявлялся образ виселицы, мокнущей под дождем.

Адвокат не опровергал представляемых фактов, но постоянно упоминал о милосердии. Лицо Евгения Дмитриевича не выражало ничего, но при этом слове он всегда вспоминал мизерикорд или метод "длинного падения". Когда-то все на свете было проще. Человек мог защищать свою честь и свою правду с мечом в руке. Суд не путался в тысяче нитей бюрократии. Никого не волновали психические страдания воров и убийц, а под милосердием понималась легкая смерть.

В обеденный перерыв Евгений Дмитриевич вопреки обыкновению не пошел в буфет, а закрылся в маленьком кабинетике для судей и стоял у окна, глядя на снегопад. Ненависть к подсудимому была странной. Такое с ним случилось впервые, и он даже подумал, а не отказаться ли от этого дела. Но тут же отмел эту мысль, убедив себя, что просто не имеет права после всего, после долгих переговоров на высшем уровне, после стольких часов, потраченных на знакомство с материалами. Но где-то в глубине души таилось понимание - он не откажется от дела Охотника в первую очередь из-за шанса покарать настоящего негодяя.

Процесс обещал быть длинным. Потом, вероятно, подсудимый еще подаст апелляцию... Евгений Дмитриевич знал, что с этим ничего поделать нельзя, но про себя решил сделать все возможное, чтобы ускорить слушание.

Он собирался выслушать подсудимого в другой раз, но под конец сегодняшнего заседания передумал. Маленький червячок сомнения начал свою работу - а вдруг все совершенно не так, и странная ненависть лишь мешает видеть правду?

В стеклянном боксе включили микрофон и передали Библию через окошко. Охотник положил руку на книгу и усмехнулся, глядя в глаза судьи.

- Клянусь говорить только правду... и правда в том, что я поимел всех этих ублюдков. Я оттрахал их мозги так же, как ваше проклятое общество сделало это со мной. Все, в чем меня обвиняют, - правда, все это было. И я ни о чем не жалею.

- Давайте рассмотрим конкретные эпизоды, - сахарным

голосом произнес прокурор. - Например, последний случай, когда вы ограбили Центральный банк. В материалах следствия указано, что вы, используя психотропное вещество, заставили сотрудников выдать вам золотой фонд банка...

Подсудимый рассмеялся:

- О да! Мы загрузили целый фургон золотыми слитками! Как в средневековье.

Судья подумал, что в средние века за такой грабеж с преступника сняли бы кожу и четвертовали.

- Но когда вас арестовали, инкассаторский фургон был пуст!

- Конечно. Я не дурак. Золото сейчас в надежном месте. Все "маячки", вплавленные в слитки, заглушены. Так что, если вдруг кто-то его найдет - пусть берет без опаски.

- В ваших же интересах указать тайник!

- Не-ет, это в ваших интересах. В интересах ваших банкиров и политиков. А я буду молчать как рыба, хоть пытайте.

Он упрямо вздернул подбородок. На глаза упали отросшие грязные волосы, и судья вдруг заметил, что подсудимый очень бледен, а на виске у него - идеально круглое пятнышко засохшей крови. Судя по материалам дела, Охотник успел перейти дорогу не только парочке добропорядочных граждан, но и насолил известной темными делами корпорации "Войд" и федеральным службам. И те и другие вполне могли иметь доступ к подследственным, значит, пытки и в самом деле не исключались.

Евгений Дмитриевич устало потер лоб. Возможно, в этом случае быстрая и легкая смерть действительно станет актом милосердия. Конечно, казни теперь под запретом, но зачем нужны плахи, когда есть отличный, цивилизованный способ - шприц с импульсом, стирающим личность?! Негодяй и убийца исчезнет, новый человек родится для новой жизни.

Прокурор и адвокат вступили в дискуссию, но судья уже знал, как он поступит и чем все это закончится.

48. Револьвер

За стеклянной стеной на раскладных походных стульях сидели люди. Было решено спокойствия ради ограничить аудиторию. Поэтому журналистов представляли лишь двое репортеров из центральной газеты, политиков - мэр города, жертв - испуганная девушка в одежде секретарши, "Войд" - женщина с ледяными глазами, а федеральную службу - щуплый старик в черном.

"Они пришли, чтобы отведать мою смерть. Красиво оформленную и достойно преподнесенную. Каждый получил кусочек, любо дорого смотреть, как они все поделились".

Под потолком маленькой, обложенной белым кафелем

комнаты, объектив видеокамеры поворачивался, неотступно следя за осужденным. Двое надзирателей с пистолетами наизготовку встали по бокам большого кресла. Оно было обито плюшем зеленого цвета и выглядело очень мирно, почти уютно. Когда Термит сел плюш на подлокотниках вдруг пришел в движение, став странным тягучим веществом. Оно затянуло кисти рук, обернуло их во что-то типа зеленых полупрозрачных перчаток. Тонкая лента вещества обернулась и вокруг шеи сидевшего, намертво прижав его к креслу.

- Андрей Зарецкий, - торжественно произнес мэр, встав со своего стула, - суд города приговорил вас к полной коррекции личности. Поскольку вы официально отказались подать апелляцию, казнь была назначена на сегодня... - он запнулся и быстро добавил, - да простит господь вашу душу. Аминь.

"Смерть, честно нарезанная на ломтики, украшенная розочками из крема и марципановыми листиками".

Из массива кресла у шеи осужденного показался автошприц. Мелькнула игла и по жилам Термита заструилось чистое забвение. Старый добрый импульс, призванный стереть все воспоминания, мечты, надежды. Зрители привстали со стульев, подались вперед, чтобы рассмотреть, уловить тот момент, когда сознание преступника погаснет.

"Какой прекрасный порыв единения... Будто и не было всей этой крысиной возни".

Термит прижался затылком к креслу. По телу пробежала судорога, вызванная непривычным расслаблением. Последние недели все мускулы и нервы были в напряжении. Допросы, следственные эксперименты, непротокольные разговоры с представителями федеральных служб и синдиката.

"Только смертный приговор спас меня от смерти..."

Беспрестанное лавирование между интересами допросчиков выматывало. Термит лгал, натравливал их друг на друга, пытался шантажировать, показательно ломался. Осознание того, что теперь от его действий уже ничего не зависит, успокаивало.

"Я сделал все, что мог. Осталось расслабиться и ждать".

Перед глазами вставали картины влюбленной Анны, окровавленного Котова. Полыхал город, Никотин скалил заточенные зубы.

"Хотелось бы мне забыть об этом. Чистая память - это благо, покой - почти рай".

Женщина из "Войда" встала первой. Остальные, чуть помедлив, последовали ее примеру, все, кроме секретарши-жертвы. Они подошли к самому стеклу, прижались ладонями, вперились взглядами в осужденного.

"Как в аквариуме... только кто из нас рыба?"

Мысли начали путаться, в груди разлилось странное жжение.

Охранник взглянул на часы. Секунды медленно, нехотя утекали в небытие. Прошло десять минут, двадцать. Тело осужденного обмякло в зеленом кресле.

- Все, - прошептал мэр.

Журналист разочарованно вздохнул: казнь оказалась не зрелищной, даже скучной. Он направил камеру на лицо убийцы, террориста и грабителя, надеясь, что хотя бы контраст между человеком и овощем выйдет интересным.

Термит открыл глаза, сморгнул.

- Освободите меня из этого хренова кресла, сволочи!

Охранник вздрогнул.

- Что за?.. - начал мэр.

- Вы не имеете права удерживать меня. Время импульса уже вышло.

Камера неотступно следила за ним.

- Инъекция не подействовала! - радостно сказал журналист.

Женщина из "Войда" рефлекторно сжала кулаки.

"Ты бы убила меня не сходя с места, если бы не прямая трансляция".

- Полная коррекция личности приравнивается к смертной казни, - сказал Термит. - Я знаю законы: нельзя приговорить человека дважды за одно и то же преступление.

- Ты пытаешься найти лазейку, но... - начал мэр.

- Нет, почему же, - сказал старик в черном, представлявший федералов. - Он прав. Процедура была проделана должным образом, но раз импульс не сработал...

Мэр заозирался в поиске поддержки, но женщина с глазами крупного хищного зверя кивнула федералу. Ее тонкие губы тронула едва заметная улыбка.

Охранник нажал несколько кнопок на спинке кресла, и тягучее зеленое вещество снова стало безобидным плюшем. Термит встал, потянулся. Подошел к двери из камеры, подергал за ручку. Видеокамера под потолком повернулась и уставилась на него поблескивающим синим объективом. Через некоторое время что-то тихо щелкнуло, и дверь поддалась. Термит вышел в коридор. Одетые в темное надзиратели лишь проводили его глазами, когда он прошел мимо. Запоры открывались, решетки раздвигались перед ним. Казалось, тюрьма сама выталкивает его, как живой организм со спазмом выплевывает инородное тело.

Нежданная оттепель сделала город черно-серым. Низкое небо цвета алюминия роняла скупые капли на темный асфальт. Далекие небоскребы Центра были окутаны сизой дымкой.

Термит сбежал по ступеням тюрьмы. Его резануло зимним холодом, от которого не могла уберечь легкая рубашка, но это лишь напомнило о спасении - о жизни.

Впереди на почти пустой дороге показалось несколько экипажей. Они ехали, сильно превышая скоростной режим, мокрая дорога сверкала в свете их фар.

Под ногами хлюпало месиво из грязи и полурастаявшего снега. Рывок - за угол тюремной стены, еще рывок - перебежать шоссе, нырнуть в просвет между двумя полуразрушенными новостройками. Сзади приглушенно рычали моторы и полыхал злой огонь фар.

Термит перепрыгнул через наполненную водой канаву и, прижимая локоть к заболевшему боку, кинулся вдоль сложенных штабелями строительных плит.

Рев мотоцикла громом отозвался в ушах, волна жидкой грязи из-под колес хлестнула по ногам. Старый агрегат остановился напротив Термита, окатив его облаком черного дыма.

- Садись, сволочь! - прошипела сквозь зубы байкерша.

- Спасибо. - Взревел мотор, и слова потонули в грохоте.

Едва Термит схватился за тонкую талию, плотно обтянутую курткой из синтетической кожи, мотоцикл сорвался с места. Его подбрасывало на рытвинах, колеса скользили по грязи и разбрызгивали талую воду. Он промчался мимо обвалившегося строения и выехал на автотрассу. Сзади опять сверкнули фары погони. Автомобили растянулись в длинную вереницу, некоторые отстали, но тройка головных быстро сокращала расстояние. Термит заглянул в боковое зеркальце через плечо своей водительницы: темно-серая "фортуна" приближалась с каждой секундой.

Мотоцикл выехал на эстакаду, вильнул в сторону и, точно угодив в разрыв бортика, оказался в воздухе. Колеса крутились вхолостую, черным дым призрачными крыльями стлался сзади. Коснувшись асфальта, шины заскользили по мокрой поверхности. Мотоцикл понесло в сторону. Спасительнице Термита удалось восстановить равновесие лишь перед самой опорой эстакады. Чудом избежав столкновения, они погнали по автостраде, уходя с развязки.

Первые машины преследователей снова показались в зеркалах заднего вида, но по левую руку уже высились первые городские строения. Беглецы нырнули в узкий проход между гаражами и скрылись в лабиринте ангаров и складов.

Мотоцикл остановился под мостом. Бетонные опоры были покрыты разноцветными граффити, серые воды реки с плеском бились о парапет.

Женщина соскочила с мотоцикла, сняла шлем и тряхнула головой. Спутанные черные волосы упали на бледное лицо. Она откинула прядь и посмотрела в глаза Термита.

- Здравствуй, Анна.

- Здравствуй.

Она пожала плечами и отвернулась к реке.

- Ты получила мое послание, ведь так? Я знал, что ты достанешь протоколы моих допросов на "детекторах лжи", поэтому оставил тебе знак. Спасибо за все. Благодаря тебе я смог подделать показания для "детекторов". Ты спасла меня во время суда и спасаешь теперь.

- Ты использовал меня, Андрей, - медленно сказала она. - Использовал тогда и используешь теперь. Ненавижу!

- Я знаю. Ты не смогла бы передать судье чувство, которое сама не испытывала, - он провел по лицу ладонью. - И я был почти уверен, что ты придешь к тюрьме. Чтобы самой отплатить мне за все.

- Да. Чтобы плюнуть тебе в глаза. Сволочь, - размеренно произнесла она. - Ты использовал на мне свой мерзкий импульс. Ты предал меня.

Андрей кивнул. Объяснять, почему из предательства и убийства он выбрал первое? Вину это не уменьшит, прощения он не достоин. Осталось пожать плечами и выдать банальное:

- Мне жаль, что так вышло.

Анна фыркнула:

- Неужели? Ты ведь победил. Ты обвел вокруг пальца и синдикат! Федералов! Ты украл гору золота и выбрался из тюрьмы.

- Мне хотелось провести изящную, красивую аферу. Но все закончилось... не так, как я планировал. Слишком много крови. Слишком много потерь.

Анна закусила губу и страдальчески сморщилась:

- Заткнись! Хватит с меня.

Она порывисто сунула руку за пазуху и вытащила маленький дамский пистолет. Даже в ее тонкой руке он казался игрушкой.

Термит выпрямился, глядя в уставленное на него дуло. Волосы Анны черными лентами развевались на ветру, за ее спиной река гнала серые волны.

"Я знал... Знал, что она захочет убить меня сама в расплату за всю боль и ложь. Потому и рассчитывал на ее помощь в побеге после казни".

Он отступил, натолкнулся на мотоцикл и остановился.

"Выходит, я лишь сменил одну казнь на другую".

Его сковал холод и смутное предчувствие вечности. Пустой

темной вечности, имя которой - небытие. Это не был страх смерти, скорее - отчаянное желание жить.

На том берегу светофоры зажглись зеленым, и в серой дымке вереница тусклых огней поплыла по набережной. Там какие-то люди сидели в теплых салонах автомобилей, смеялись и ругались, предвкушали тихий вечер у телевизора или бурную веселую ночь.

"Она наверняка все еще любит меня. Нужно воспользоваться этим. Сказать ей, что мы еще можем..."

Слова вырвались из горла тяжело, как железные птицы:

- Стреляй, Анна. У тебя мало времени. Я вышел из тюрьмы только потому, что они позволили мне уйти. Феды и "Войд". Они тоже хотят меня пристрелить, а тебе не нужны конкуренты.

Ее плечи дернулись. Дуло мотнулось в сторону.

- Ты никогда не поймешь, насколько я тебя ненавижу. Но черт с тобой... живи. Я не хочу становиться убийцей и знаю, что ты манипулировал мной просто потому, что такова твоя природа. Все произошло так, как и должно было произойти. Держи!

Анна бросила ему небольшой предмет. Термит поймал: это оказалась небесно-голубая пачка сигарет "Гозай".

- Это твой шанс на спасение. Возьми и мотоцикл, он старый, но денек еще прослужит.

Она хотела еще что-то добавить, но лишь махнула рукой с пистолетом, отвернулась и пошла прочь. Сизый туман принял женщину в свои объятия. Черная фигура в сером мареве, чужая, далекая.

Термит неловко двигаясь, залез на мотоцикл. Руки и ноги одеревенели от холода.

"Теперь я мог бы подсказать Нингену, как улучшить его адский импульс. Ледяная тишина, обездвиженное тело..."

Непослушными пальцами он открыл небесно-голубую пачку, но там оказались не сигареты, а мобильный телефон.

- Вот как.

Судя по загруженным программам, звонок перенаправлялся так, чтобы местоположение адресата нельзя было вычислить. В памяти оказался лишь один номер. Термит нажал кнопку вызова.

- Ага, Охотник! - отозвались на том конце после пары гудков. - Вы на свободе?

Голос был мягким, с явным акцентом.

- Да.

- Мы могли бы вам помочь. Добирайтесь до супермаркета на улице Дикой, это рядом с Петлей.

- Я знаю.

- Там вас будет ждать машина.

- Кто вы?

Собеседник тихо засмеялся:

- Зовите меня - мистер Чжоу.

"Китайские триады, которым я нечаянно помог с транзитом оружия во время беспорядков?"

- Понятно.

- Удачи.

Термит сунул телефон в карман джинсов. Потер друг о друга холодные ладони.

"Синдикат и федералы скоро найдут меня. Отследят по показаниям камер на улицах".

Он завел мотор. Фара мотоцикла зажглась, свет пронзил липкие клочья тумана. Дорожка бликов побежала по реке.

- Я не собираюсь проигрывать, ублюдки, - прошипел Термит.

Сотрясаясь и грохоча, мотоцикл помчался по набережной. Черный дым тянулся следом, пожирая серую хмарь.

На аллее колеса завязли в слое черной полусгнившей листвы. Пустые высотки пялились разбитыми окнами на упавший мотоцикл. Человек в клетчатой рубашке равнодушно оставил свой транспорт и побрел по заброшенной улице. Ботинки увязали в месиве. Каждая осень добавляла слой золотых и алых листьев, каждая зима превращала их в черную почти однородную массу.

Над выбитыми дверьми многоэтажки слабо мерцало серебряное граффити.

- Грасса-Грасса, - прошептал человек.

Он растер замерзшие ладони и шагнул в мрачное жерло входа. Лестница не освещалась, но он поднимался почти бегом, перепрыгивая недостающие ступени.

В комнату на одиннадцатом этаже он вошел задыхаясь и держась за бок.

На закопченных стенах уже успели выцарапать новые ругательства, у стены выстроились в ряд пивные бутылки. У окна, где рекламная вывеска по прежнему расцвечивала осколки стекла, стоял мужчина в сером пальто. Револьвер в его руке был направлен на вошедшего.

- Только не говори, что и ты хочешь меня пристрелить!

- А чего ты ожидал, чаепития с печеньем? После всего, что ты сделал?

Вошедший рассмеялся:

- Рад тебя видеть, Мордред.

- И я тебя, Охотник.

- Охотник умер сегодня. Ему вкололи добрую дозу забвения.

Котов-Мордред устало вздохнул:

- Ну почему ты все это сделал, Термит? Почему ты?

Термит пожал плечами:

- Потому что мог. Ты ведь тоже играл в хакера для чего? Интереса ради. И потому, что это у тебя хорошо получалось.

- На самом деле я невесть какой хакер. Я использовал усовершенствованные чужие программы для взлома.

- Как и я... Я не создавал принципиально новые импульсы и матрицы. Просто скомбинировал известные скрипты. Эта идея пришла мне в голову случайно, и я решил воспользоваться ей, пока могу. Прогресс нельзя остановить, рано или поздно до этого еще кто-то додумался бы. Но если стать первым, можно некоторое время снимать сливки.

- Это ведь мерзко, Термит. Вживить человеку кусок чужого сознания, заставить не только действовать, но думать, чувствовать то, что тебе нужно. Это хуже, чем изнасилование.

- Ты прав. Это отвратная идея.

- Но прогресс нельзя остановить...

- О да. Это как барабан револьвера. Он крутится сам, и все, что тебе нужно делать - вовремя вставлять пули.

- Верно.

Котов резко выпрямил руку с пистолетом и выстрелил.

Термит отшатнулся, упал, уходя с линии огня. Прокатился по грязному полу и скрылся в коридоре.

- Прости, Охотник, фора у меня. Я бы хотел все закончить дуэлью, но не могу рисковать. Из-за Дары.

Мордред прижался к закопченной стене. Несколько мгновений прислушивался, потом выпрыгнул в проем. В соседнем помещении мелькнула тень - ей вслед полетели пули.

- Спасибо, что пришел! - выкрикнул из-за укрытия Термит.

- Это тебе спасибо. Ты же выиграл. Выбрался из тюрьмы, где-то припрятан фургон золота... Ты ведь использовал разработку "Войда" в финале своей аферы? Сам же вынудил их придумать средство против импульсов Охотника. - Мордред скользил вдоль стены, под его ботинками хрустело разбитое стекло. - Отличная идея. Ты знал, что они начнут разрабатывать таблетку, "кряк", который взламывает любой другой импульс и отменяет воздействие новых. И когда они вкололи тебе "забвение"...

В его голову полетел обломок кирпича. Мордред уклонился и выстрелил по показавшемуся из-за полуразваленной стены врагу. Термит вскрикнул.

Некоторое время было слышно лишь тяжелое, с присвистом, дыхание.

- Ты подстрелил меня, друг.

- Не проси пощады, не разочаровывай меня. - Мордред закусил губу.

- Нет. Я прошу помощи, не пощады.

- Помощи?

Термит вышел из укрытия. В сером полумраке пятна на его рубашке выглядели просто черными. Правая рука висела плетью, но левая была сжата в кулак.

Мордред прицелился.

- Пойдем.

Шатаясь, Термит прошел мимо него. Ствол револьвера задел его плечо, но выстрела так и не последовало. Два приятеля вернулись в комнату, освещенную вспышками вывески. Термит встал напротив окна и осторожно разжал кулак. На его ладони стеклянная соринка вобрала в себя зеленое сияние.

- Что это? - спросил Мордред.

- Осколок ампулы, в которой был крэк "Войда". С хорошей аппаратурой еще возможно выделить вещество и расшифровать его строение.

- Я мог бы это сделать.

Стеклинка зажглась синим.

- Сделай. И как настоящий хакер выбрось скрипты и схемы в Интернет. Если кто-то захочет избавиться от влияния драйверов и импульсов, пусть у него будет шанс.

Мордред осторожно снял осколок мизинцем.

- Как ты сумел сохранить его в тюрьме?

- Мне и не пришлось. Я ввел крэк себе перед самым арестом, на набережной. А сломанную ампулу сунул в пасть скелету ангела.

Плечи Мордреда вздрогнули:

- Дара так называет горгулий у реки. Бедная девочка, то драконы ей чудятся, то монстры. Счастье, что Зверь ее не тронул. Ты знаешь, ведь мы были на месте его последнего преступления. Там убили людей, а я... наверное, меня ударили по голове, я ничего не помню. Очнулся уже на улице, весь в крови. Дара говорит, что я с ним сразился.

- Очень может быть. Ведь после этого маньяк исчез...

Снаружи послышался визг тормозов. Термит перегнулся через подоконник. Яркий желтый свет слепил глаза, но припарковавшуюся у фасада высотки "фортуну" было прекрасно видно.

- Что?..

- Прибыл мой кортеж. Тебе нужно уходить. Лучше не через подъезд. Выпрыгни из окна на втором этаже, там не высоко. Даже если они увидят тебя, стрелять не будут, им нужен только я.

- А ты?

Термит ухмыльнулся:

- Постараюсь устроить им теплую встречу.

Мордред сорвал свое пальто и набросил его на плечи Термита. Вложил револьвер в руку приятеля.

- Я их отвлеку.

- Нет. Если ты дашь себя убить, скрипт "Войда" останется тайной. Я не собираюсь проигрывать из-за сентиментальности придурошных хакеров.

- Ладно. Удачи.

Не задерживаясь, Мордред вышел из комнаты и бегом понесся по ступенькам. Термит слушал его торопливые шаги, а когда они затихли, выволок на середину комнаты новое пластиковое кресло. Белое, такое же, на котором умер Тройка. Уселся, подоткнув пальто и наставил револьвер на дверной проем.

Судорожная радуга вывески вспыхивала и гасла.